

Румыния в прошлом и настоящем

Джеймс Самуэльсон

Roumania Past and Present

James Samuelson

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Гутенберг" о прошлом и настоящем Румынии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Румыния в прошлом и настоящем

Автор: Джеймс Самуэльсон

Дата выхода: 24 апреля 2006 [Электронная книга №18240]

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Таави Калью и онлайн-издательство Proofreaders Europe at <http://dp.rastko.net>. (Этот файл создан с использованием сканов произведений, находящихся в общественном достоянии, из электронных библиотек Мичиганского университета.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РУМЫНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ" ***

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР Куртя Д'Арджес.

РУМЫНИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

АВТОР ДЖЕЙМСА САМУЭЛЬСОНА

Из Миддл-Темпла, адвокат

ИЛЛЮСТРИРОВАН КАРТАМИ (Э. ВЕЛЛЕР), ПОРТРЕТАМИ, АВТОТИПИЯМИ И ДРУГИМИ ПОЛНОСТРАНИЧНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ, А ТАКЖЕ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ПЛАНАМИ И ГРАВЮРАМИ НА ДЕРЕВЕ (Г. ПИРСОН), В ОСНОВНОМ ПО ФОТОГРАФИЯМ Ф. ДУШЕКА, БУКАРЕСТА

Post Тенебрас Люкс

ЛОНДОНСКАЯ фирма "ЛОНГМАНС, ГРИН И КОМПАНИЯ", 1882 г.

Все права защищены

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В Европе нет страны, которая в настоящее время представляет больший интерес для англичан, чем Королевство Румыния, и нет такой, с нынешним состоянием и прошлой историей, более того, с самым географическим положением которой они были бы менее знакомы.

Всего около девяти лет прошло с тех пор, как генеральный консул Грин, британский представитель там, доложил своему правительству следующее: "Невежество, кажется, распространяется даже на географическое положение Бухареста. Неудивительно, что письма, направленные в столицу Румынии, иногда отправляются в Индию в поисках Бухары, но не может быть никакого оправдания выдаче судебного приказа одной из высших судебных инстанций британской метрополии, направленного в Бухарест в Королевстве Египет, как, насколько мне известно, это происходило." Читатель, возможно, может приписать подобные ошибки нашему островному незнанию географии или тому факту, что пресловутая слепота правосудия помешала ей свериться с картой перед вынесением приговора; но факт остается фактом, что, несмотря на крупную войну, разразившуюся после указанной выше даты, которая полностью изменила карту Европы, в которой Румыния играла очень заметную роль, а Англия помогала в урегулировании, в этой стране найдется мало интеллигентных читателей, которые могли бы с ходу сказать, где именно расположена Румыния.

И все же, как уже отмечалось, эта страна представляет для нас всепоглощающий интерес как нация. Помещенная, в значительной степени с помощью Англии, как независимое королевство с ежедневно растущим влиянием, между Россией и Турцией, для которых она веками служила яблоком раздора, она теперь является грозным барьером против агрессии более сильной державы против ее более слабого соседа, и приятно осознавать, что до сих пор кровь и деньги Англии лились не зря. С другой стороны, вопрос о свободном судоходстве по великой реке, которая служит ее южной границей, в настоящее время серьезно рассматривается многими ведущими европейскими государственными деятелями, и решение дунайских трудностей существенно повлияет на нашу торговлю со всей Восточной Европой; в то время как мирное создание крестьянской собственности в Румынии около шестнадцати лет назад и преимущества, которые она получила от этой социальной и политической реформы, представляют особенности, представляющие особый интерес для тех, кто выступает за создание аналогичного класса землевладельцев в Ирландии.

Рассматривая эти два вопроса, я столкнулся с большим недостатком, заключающимся в невозможности следить за текущими событиями. Понятно, что дунайское затруднение будет урегулировано по плану, упомянутому в тексте, предложенному Австрией для ее собственной выгоды, с некоторыми изменениями, имеющими целью ограничение ее превосходства. Мои читатели смогут сами судить, после прочтения краткого обзора вопроса и ссылок на наши собственные торговые отношения со странами, граничащими с Дунаем, в третьей и пятой главах, будет ли такое урегулирование окончательным. Что касается меня, то я не могу поверить, что какое-либо решение, которое нарушает юрисдикцию Румынии в ее собственных водах, будет удовлетворительным надолго.

Что касается земельного вопроса, то он вызывает некоторые неловкие размышления, когда его история сопоставляется с недавними событиями в Ирландии. До тех пор, пока румынские завоеватели пытались решить эту проблему, их усилия были безрезультатны. На

Балталиманском конвенте между Россией и Турцией, где "принуждение" сочеталось с "мерами по исправлению положения", была предпринята безуспешная попытка улучшить жалкое положение крестьянства в рамках старого феодализма; но только после того, как страна стала автономной и законные представители народа взялись за дело, было применено эффективное средство правовой защиты. Затем, как читатель найдет подробно на следующих страницах,^[1] более четырехсот тысяч глав крестьянских семей получили в мирное владение значительную часть земли на справедливых условиях; и в то время как трудолюбивый земледелец теперь с каждым днем приобретает все больший интерес к земле, землевладельцы, которые просто получали доход от труда, затраченного на нее другими, постепенно теряют интерес к земле. исчезающий. О том, что процветание и стабильность страны повысились в результате этих изменений, свидетельствуют многие факторы, но в особенности возросшая стоимость румынских государственных ценных бумаг, о которых я смог добавить краткое сообщение, в отличие от российских и турецких.^[2]

О том, что произошло и происходит в Ирландии, читателю здесь рассказывать не нужно. Возможно, рассмотрение румынского земельного вопроса изменило мои взгляды на весь предмет, а возбужденное состояние общественного сознания заставляет меня колебаться при выражении мнения, которое может показаться догматичным. Тем не менее, рассматривая все обстоятельства — на частичное сходство между прежним состоянием Румынии и нынешним состоянием Ирландии, на прошлую историю ирландских реформ (таких как отмена ирландской церкви), на растущее земельное волнение по эту сторону Ла—Манша и на недавнюю рекомендацию канадского парламента о том, что автономия должна быть распространена на Ирландию, - я не смог прийти ни к какому иному выводу, кроме того, что меры, находящиеся в настоящее время на рассмотрении парламента, могут принести временное облегчение крестьянству, и временное, нет, будем надеяться, постоянное умиротворение, но что вопрос будет решен позже. вновь открыт, вероятно, в сочетании с введением "Самоуправления", и это в недалеком будущем.

Есть много других обстоятельств, которые побуждают нас стремиться лучше узнать Румынию, но это были главные соображения, побудившие меня в прошлом году посетить страну и некоторые из ее ведущих учреждений, а также собрать материалы, которые я сейчас осмеливаюсь представить моим читателям на следующих страницах.

Никто так хорошо, как я, не знает, насколько несовершенно была выполнена моя задача и с какими трудностями она была сопряжена, и есть один или два вопроса, о которых я хотел бы рассказать читателю. Он, вероятно, спросит, почему я поставил телегу впереди лошади, обрисовав нынешнее состояние страны, прежде чем говорить о ее прошлой истории. Ответ заключается в том, что изначально в мои намерения не входило сколько-нибудь подробно заниматься последним; но когда я начал читать и изучать работы, появившиеся по этому предмету на французском и немецком языках (их достаточно полный список прилагается к этому трактату), перед изучающим историю предстало так много интересных тем, что я решил опубликовать связную историю страны, какой бы несовершенно она ни была, с древнейших времен до наших дней. И в этом меня еще больше обнадежил тот факт, что эта попытка еще не была предпринята на английском языке, за исключением весьма поверхностной работы консула Уилкинсона, опубликованной Лонгмансом в 1820 году, которая сейчас совершенно устарела. То, что такой обзор истории Румынии, каким бы сжатым он ни был, наверняка покажется многим читателям очень сухим, казалось несомненным; поэтому я поместил его

после описания страны в том виде, в каком она существует сегодня, и для этих читателей, вероятно, будет достаточно прочтения последней главы этой части работы, посвященной знаменитостям того времени. Но я полагаю, что некоторые вопросы, относящиеся к римскому завоеванию Дакии, характеру и передвижениям варваров (о которых я подготовил и приложил таблицу), последующей истории страны, ее борьбе за свободу и положению жителей в различные периоды, будут новыми для обычного изучающего историю и социологию, и если моя работа была выполнена плохо, это не должно помешать ему продолжить исследование, для которого он найдет достаточный материал в работах континентальных авторов, на которых я ссылаюсь. Что касается спорных вопросов происхождения современных румын и основания княжеств, я бы обратил его внимание, в частности, на недавние публикации Реслера и Пича, первого австрийского, а второго славянского писателя, где он найдет всестороннее и горячее обсуждение этих тем.

Единственный другой вопрос, по которому я хотел бы дать объяснение, - это причина, по которой я не вникал более подробно в то, что называется "Восточным вопросом", и не пытался, как это делали другие авторы, предсказать будущие отношения Румынии в связи с этим. Один американский юморист сказал: "Никогда не пророчествуй, если не знаешь наверняка", и многие авторы, пишущие о Румынии, должно быть, жалеют, что не имели дела с вероятностями или не предсказывали развитие исторических событий. Будущее Востока зависит от множества различных соображений: от отношений правительства России со своим народом; от хода событий во вновь приобретенных провинциях Австрии и деликатных отношений между Австрией и Венгрией; от будущих действий князя и народа Болгарии, первая из которых в настоящее время находится под влиянием России; от растущей мощи и влияния Греции; и, наконец, от возможного, но маловероятного возрождения Турции. И, не говоря за других, я бы считал самонадеянным, при сложившихся обстоятельствах, заниматься пророчествами.

Однако, что касается наилучшей политики для Великобритании, то она совершенно ясна и может быть резюмирована в коротком предложении. Она заключается в том, чтобы мирными средствами способствовать решению любых трудностей и проблем по мере их возникновения и везде, где это возможно, посредством нашего влияния поддерживать и поощрять конституционное правительство в борьбе с автократией и деспотизмом. Это мы можем сделать с большой пользой в наших отношениях с Румынией, и для меня будет источником большого удовлетворения, если информация, которую я здесь попытался распространить, будет иметь хоть малейшую тенденцию в этом направлении.

ДЖЕЙМС САМУЭЛЬСОН.

Клотон, Биркенхед:
20 апреля 1882 года.

Содержание.

ЧАСТЬ I.

СЕГОДНЯШНЯЯ РУМЫНИЯ.

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Географический и описательный	3
II. Geographical—Archæological	20
III. Судоходство по Дунаю	30
IV. Топографические и т. Д.	36
V. Топографические и коммерческие	67
VI. Сельскохозяйственные и скотоводческие—собственность крестьян	74
VII. Образовательно—этнографические	88
VIII. Судебные и уголовные дела	100

ЧАСТЬ II.

ИСТОРИЧЕСКАЯ.

IX. От гетов (около 335 г. до н.э.) до конца римского владычества в Дакии (около 274 г. н.э.)	115
X. От эвакуации Дакии Аврелианом (около 274 г. н.э.) до конца правления варваров (примерно в конце тринадцатого века)	138
XI. От основания княжеств, между серединой Тринадцатого и четырнадцатым веками, до восшествия на престол Михаила Храброго, 1593 г. н.э.	161
XII. Времена и карьера Михаила Храброго	170
XIII. От смерти Михаила Храброго (1601 г. н.э.) до низложения принца Кузы (1866 г. н.э.)	199
XIV. От низложения принца Кузы (1866) до коронации короля Карла (1881)	233
XV. Нынешние румынские лидеры и их политика	258

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Передвижения и поселения народностей и варварских племен	272-3
II. "Капитуляции"	274
III. Конституция Румынии	275
IV. Крестьянская собственность Румынии	277
V. Список произведений (со ссылками на текст)	278
СЕКРЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	281

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

АВТОТИПНЫЕ ТАБЛИЧКИ.

Собор Куртя д'Арджес, видом на Букарест	Фотография Душека, " "	Фронтиспис Лицом к лицу стр. 40 " 258
Портрет королевы Румынии Елизаветы в национальном костюме	после Душека	" 258

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ В ТЕКСТЕ.

[Гравировкой г. Пирсон.]

		Страница
румынских крестьянах, в рабочих, платье,	фотография Дюссек	7
крестьяне у колодца	" " "	8
подземные жилища с крестьянами	" " "	10
Вход в карпатском селе	" " "	12
мужчин и женщин дорожно- строительная	" " "	13
терминал на причале Траяна моста на румынские берега	эскизу автора	21
терминал на причале Траяна моста на сербской стороне	" " "	24
план Бухарест	уменьшено с оригинала проф. Zamphirolu	37
Монах и монахиня	после Дюссек	39
Fruitseller из бухарестского	" "	48
цыганский продавца цветов	" "	49
цыганские музыканты	" "	52
румынская девочка	" "	53
цыганка	" "	53
рисунка на щите на внешний вид собора Куртя д'Ardges	скопирована с Reissenberger	60
то же—другой узор	" " "	61
в кабаре на праздник	после Дюссек	73
румынских Лемех	очерк автор	75
хоры, народные танцы Румынии	после Дюссек	98
разделе телега уголовного Соляная шахта	снижена на автора от плана М. Д'Istrati, инженера шахты	107
соляные насыпи на пол мой	очерк автор	110

дакийский воин (первая буква)	От Piranese гравюры рельефов на троянца, столбец	115
Траяна решения своей армии	" "	126
Даки подожгли свою столицу	" "	129
Дакские трофеи	" "	137
конная статуя Михая Храброго в Бухаресте	после Дюссек	177
статуя Михаил Кантакузен в Coltza больницы (начальная буква)	" "	200
оборону Плевны		244
принц (ныне король) Карл главнокомандующий, перед Плевной	фотография Дюссек, сделанные на месте	251
портрет с автографом М. К. А. Розетти	после Дюссек	264
Портрет М. Bratiano	" "	265

карты.

[Нарисовано и литографировано с помощью авторских примечаний Э. Веллером.]

Географическая карта Румынии		лицом к лицу стр. 3
Историческая карта Румынии	после Киперта и с.	115

Ошибки.

Страница	45,	примечание,	к	стр. 202	читать	начальную букву, стр. 200.
"	64,	примечание	1,	" 7209	"	7029.
"	162,	строка	19,	" запад	"	восток.
"	165,	"	22,	" Баязет II.	"	Баязет I.

ЧАСТЬ I.

РУМЫНИЯ, СЕГОДНЯ.

Мы любим

короля, который любит закон, уважает его границы

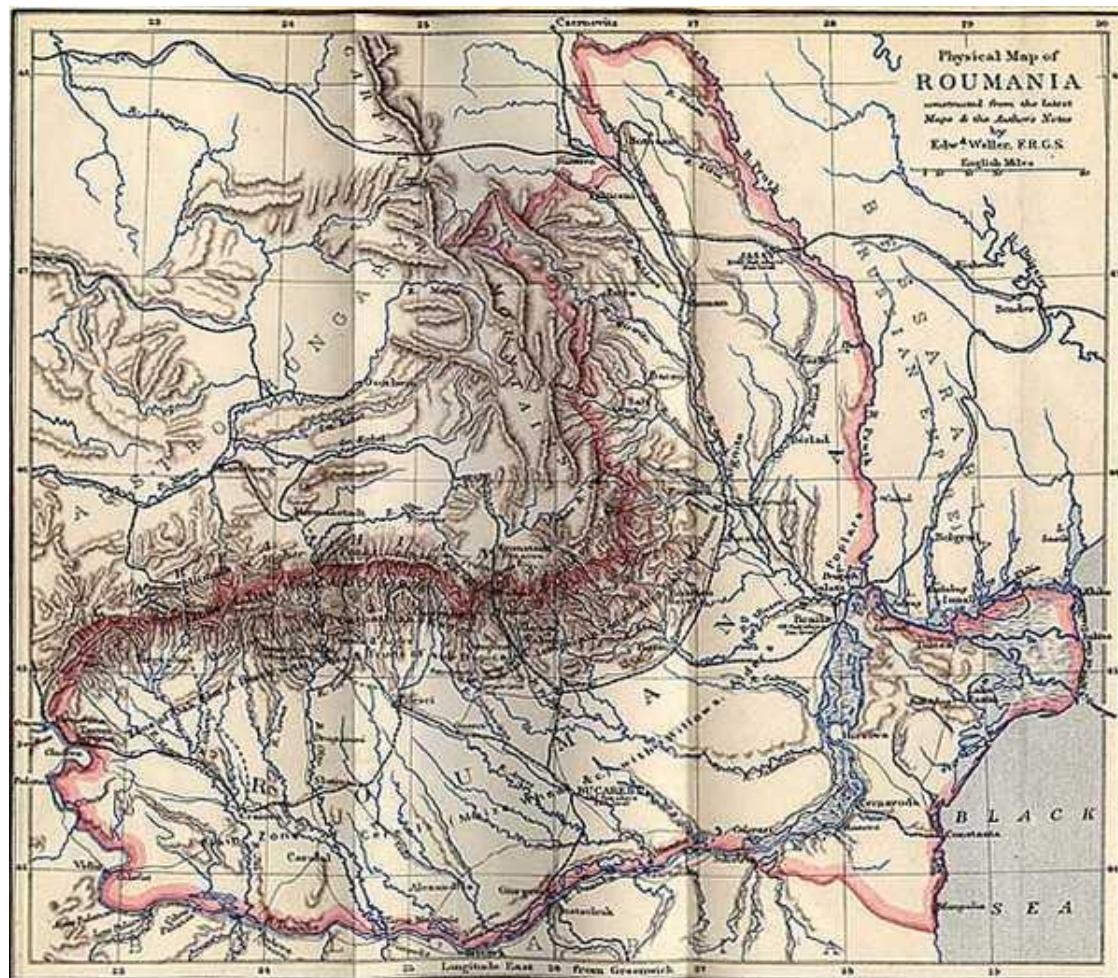
И царствует довольный ими; тому, кому мы служим

Искренне и с восторгом, кто оставляет нас свободными.

Купер.

Там добродетель царит, как королева на королевском троне,
И только она устанавливает законы.
Которой подчиняются низменные привязанности,
И предоставляют свои услуги по ее воле.

Спенсер.

Физическая карта РУМЫНИИ

ГЛАВА I.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ОПИСАТЕЛЬНЫЙ.

Границы, размеры и население Румынии—Сравнение с Англией—Конфигурация поверхности—Высота городов—Горы—Внешний вид страны—Регион равнин—Растения и состояние сельского хозяйства—Крестьянство—Женщины—землекопы—Костюмы—Колодцы—Подземные жилища—Болотная лихорадка—Путешествия, прошлое и настоящее—Зона холмов—Растения, цветы, фрукты и злаки—Дешевые фрукты—Улучшенные жилища—Заработная плата рабочих—Нефтяные скважины—Соляные шахты—Карпаты—Характер пейзажа—Альпийские деревья и растения— Синайя—Летняя резиденция короля—Монастырь—Удобства для посетителей, бани и т. Д.—Занятия посетителей—Красивые пейзажи—Новый дворец—Король и королева—Геология Румынии—Скудные сведения—Основные месторождения и их местоположение—Полезные ископаемые—Соль—Нефть—Бурый уголь—Озокерит—Хематит—Неосвоенные минеральные богатства.

Я.

Королевство Румыния расположено между 22 ° 29' и 29 ° 42' к востоку от Гринвича и между 43° 37' и 48 ° 13' к северу от экватора. Его общими границами являются на востоке и юге Прут и Дунай, за исключением Добруджи к югу от последней реки, у ее устьев, а на западе и севере Карпатские горы, по высотам которых проходит линия границы. Граница, отделяющая его от Болгарии, на юго-востоке выходит из Дуная чуть восточнее Силистрии и течет нерегулярно в юго-восточном направлении, пока не достигает Черного моря, примерно в девяти с половиной милях к югу от Мангалии. (К северо-востоку от этой линии проходит румынская железная дорога от Чернаводы до Констанцы или Кустендже, а к юго-западу от нее проходит болгарская линия от Рушчука до Варны.) Королевство представляет собой неправильный притупленный полумесяц, и очень трудно говорить о его "длине" и "ширине"; но, насколько мы в состоянии оценить его размеры, они следующие: — Прямая линия, проведенная от Верчоровы, границы на западе у "Железных ворот" Дуная, до устья Сулины той же реки на востоке, составляет около 358 миль; и другая - от границы близ Предяла в Карпатах, по железнодорожной линии Плоешти - Кронштадт, Трансильвания, до устья Сулины. самая южная граница ниже Мангалии на Черном море составляет около 188 миль.^[3]

Приблизительная площадь Румынии составляет 49 250 квадратных миль, а если добавить, что площадь Англии и Уэльса составляет почти 51 000 квадратных миль, читатель сможет составить приблизительное представление о масштабах страны.^[4] Но, проведя это сравнение, давайте продвинемся еще на шаг. Согласно последним оценкам населения, в Румынии проживает около 5 376 000 человек против 25 968 286 (согласно прошлой переписи) в Англии и Уэльсе; другими словами, при площади, равной площади Англии, в Румынии проживает около пятой части ее населения, или примерно столько же, сколько в Ирландии.^[5]

Общую конфигурацию поверхности страны можно описать как неправильную наклонную плоскость, спускающуюся от вершин Карпат к северному или левому берегу Дуная, и ее пересекают многочисленные водотоки, берущие начало в горах и впадающие в великую реку, что делает ее хорошо приспособленной для любого вида сельскохозяйственной промышленности. Характер градиентов лучше всего будет понятен при обращении к карте с помощью следующих нескольких рисунков. Города Галац и Браила или Ибраил,

расположенные на Дунае, находятся на высоте пятнадцати метров над уровнем моря, что, как читатель, несомненно, знает, равно 1,095, или как можно ближе к 1-1 / 10 ярду. В Бухаресте, столице, которая находится в тридцати или сорока милях от берега, суша поднимается на высоту семидесяти семи метров;[6] еще дальше вглубь страны, где становится заметен переход от равнины к холмистой местности, город Плоешти находится на высоте 141 метр над уровнем моря, в то время как Тырговиштеа и Яссы (Jassy), каждый отступая дальше в холмы, они находятся соответственно на высотах 262 и 318 метров, при этом последний по названию город (бывшая столица Молдавии) достигает, таким образом, высоты более 1000 футов над уровнем моря. Или, опять же, можно сказать, что равнина, простирающаяся по всей протяженности южной части страны, занимает, грубо говоря, около трети; затем идет область холмов, поднимающихся на высоту около 1500 футов; а за ними Карпатский хребет, образующий, так сказать, огромный вал на севере и востоке, насчитывает среди своих восьмисот или девятисот вершин, многие из которых возвышаются на высоту от 6000 до 9000 футов над уровнем моря. Самыми высокими из этих вершин являются либо Пионул (в Молдавии), либо Караиман, недалеко от Синаи (Валахия), летней резиденции двора, высота которых составляет почти 9000 футов; последняя легко доступна даже дамам, если они хорошо умеют лазать, и с нее открывается великолепный вид на окружающие пейзажи.[7] Вид страны, когда путешественник движется вглубь материка от Дуная к высотам Карпат, очень поразителен; и поскольку автор в то или иное время путешествовал вдоль большей части реки, как по суше, так и по воде, и от берега в Джурджево до границы в горах, краткий отчет о его впечатлениях и наблюдениях может оказаться более интересным, чем простой рассказ. сухое географическое описание различных зон.[8]

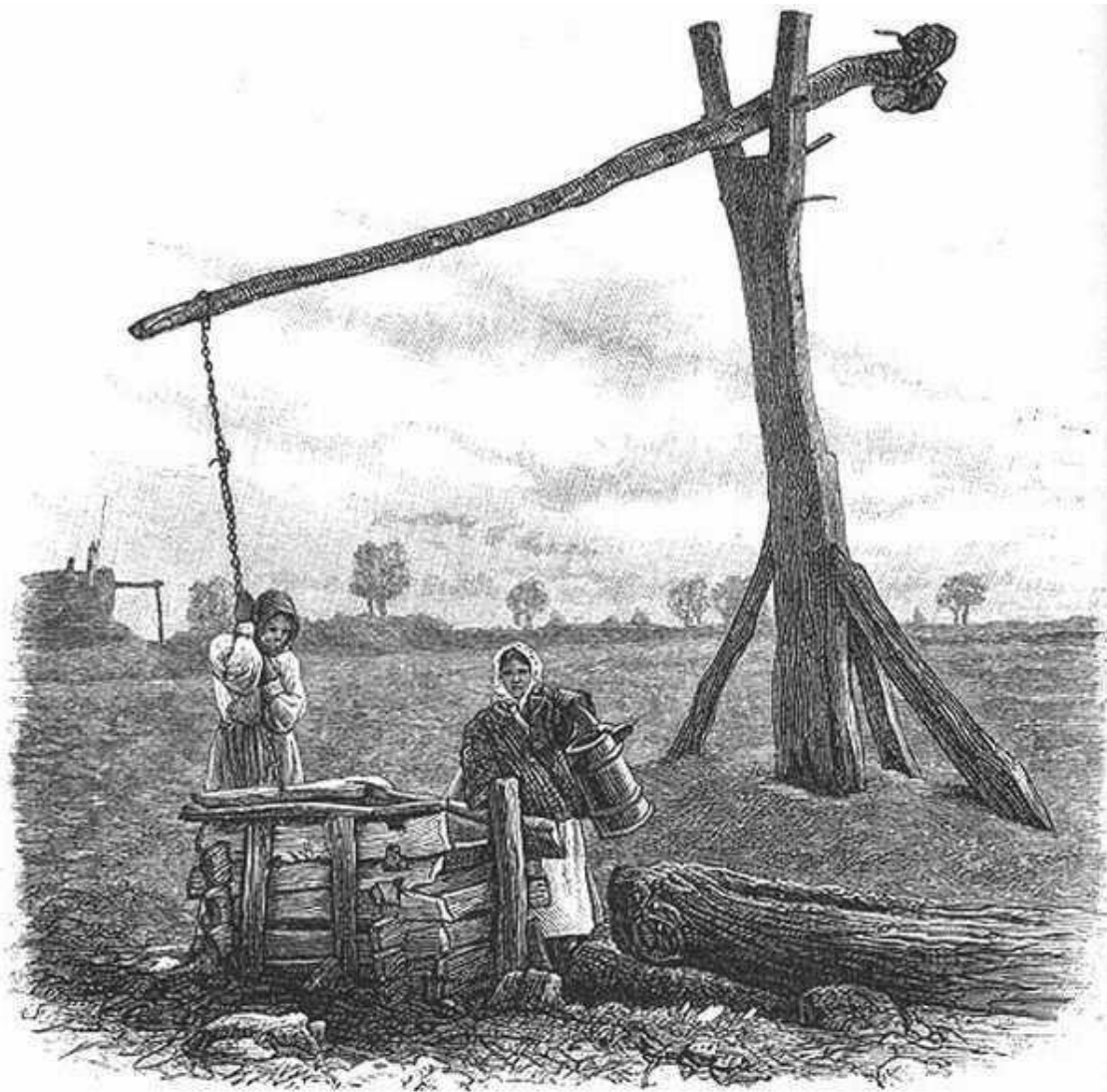
II.

Вид равнины, открывающийся при выезде с плоских однообразных берегов Дуная, отнюдь не располагает к себе. Хотя местность почти сразу начинает подниматься, окружающие пейзажи плоские и засушливые. Почва, черная или темно-серая, в основном глинисто-кремнистая, а равнина поросшая жесткой травой, сорняками и низкорослыми кустарниками, разнообразится полями кукурузы, грядками желтых тыкв и кухонными овощами. Кое-где железная дорога проходит через плантации или огибают их. Главными растениями в этом регионе (и это относится к равнинам в целом) являются ивы, ольха, тополя и тамаринды, но в основном ивы и тополя встречаются среди деревьев и более крупных растений; кукурузы, пшеницы, проса и других злаковых, а также разнообразных фруктов и овощей, о которых будет рассказано в связи с более возвышенными регионами. Первое впечатление, которое создается у путешественника, приезжающего из наших прекрасных живых изгородей и пастбищ или с богато возделанных равнин Трансильвании, заключается в том, что сельское хозяйство неряшливо и запущено, и это впечатление никогда полностью не исчезает, в каком бы направлении он ни ехал; хотя, как мы сейчас увидим, более высокие зоны возделываются гораздо тщательнее.[9]

РУМЫНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ.

Крестьяне, работающие в поле, кажутся незнакомцу новыми и интересными, и еще более поразительными кажутся некоторые из их жилищ. Мужчины обычно носят длинную белую блузу из грубого льна и брюки из того же материала. Блузка затягивается на талии мотком шнуров или поясом, и часто носят сандалии, и в этом случае шнурки, скрепляющие их, наматываются на некоторое расстояние вверх по ноге. Шляпы из обычного войлока, дешевой ткани или высокие цилиндрические шапки из овчины дополняют внешний наряд. Зимой овчины заменяют грубую льняную тунику. Среди них можно встретить два типа лиц, оба из которых изображены здесь. У одного длинные усы и бритое лицо; у другого типа, который, как говорят, напоминает даков с колонны Траяна, волосы растут по всему лицу. Автору показалось, что последние в целом напоминают русских крестьян, и это мнение было подтверждено одним или двумя наблюдателями за ростовщицеством в стране.^[10]

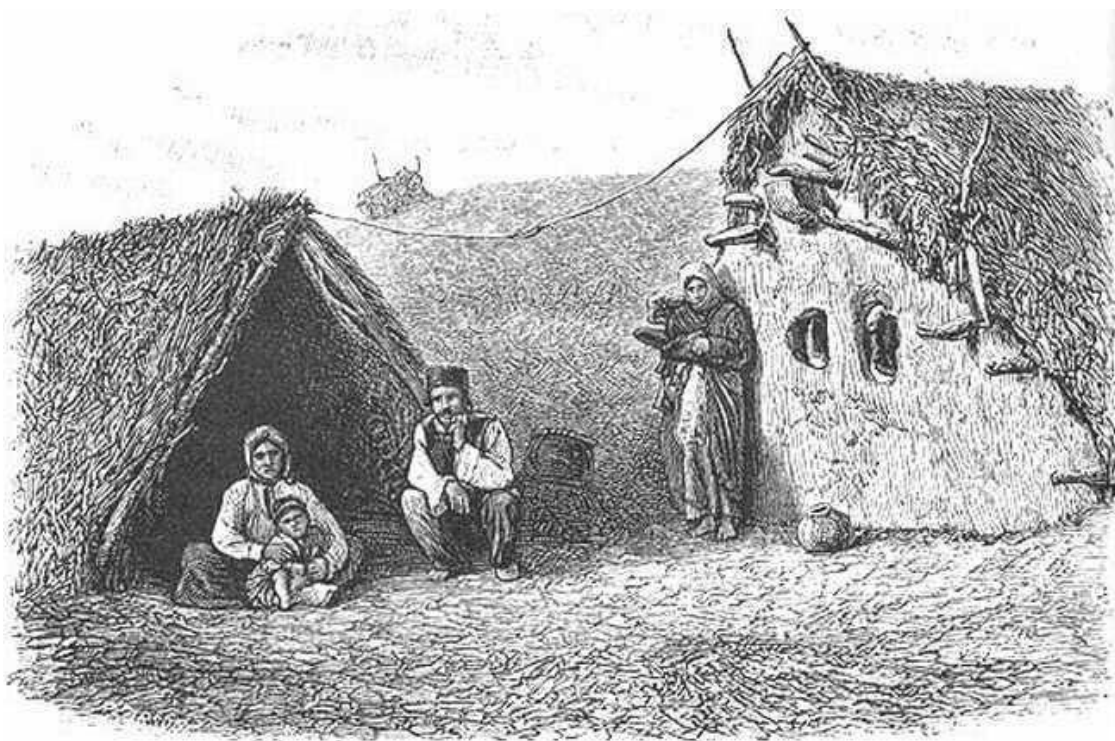

КРЕСТЬЯНЕ У КОЛОДЦА.

Женщины, как и во многих других континентальных странах, являются главными работниками на полях, и говорят, что они гораздо более трудолюбивы, чем мужчины. Они не только занимаются сельским хозяйством, но и выполняют работу землекопов, прокладывая дороги и вместе с мужчинами копая железнодорожные насыпи. Они обычно носят косынку, довольно изящно повязанную на голове и под подбородком; верхняя часть тела одета в свободный жакет или лиф, иногда белый, но часто из очень яркого эффектного материала, а нижние конечности покрыты юбкой, которая обычно более темного цвета, чем жакет; но она также часто шьется из яркой ткани. Это их повседневная одежда, и в такой одежде мужчины работают лопатами с квадратным лезвием, похожими на наши, в то время как у женщин рукоятки длиной с метлу и изогнутые лопаточные или сердцевидные лезвия. Парадные или праздничные платья крестьян очень красивы, в каждом районе есть свой особый костюм, но о них мы скажем несколько слов позже. Иногда, прогуливаясь или проезжая по деревне, человек может увидеть крестьян, сплетничающих у колодца, который представляет собой яму, вырытую в земле и огороженную досками, при этом ведро поднимается и опускается с помощью очень примитивного приспособления. Он состоит из горизонтального ствола дерева, качающегося на другом высоком вертикальном стволе, раздвоенном наверху; цепь крепится к одному концу

горизонтальной балки или перекладины, к которой прикреплено ведро, в то время как другой конец уравнивается камнями. В некоторых скважинах используются лебедка и маховик, но только что описанная часто привлекает внимание путешественников.

Некоторые крестьянские дома на равнинах даже примитивнее колодцев, если лачуги, служащие жильем, могут быть такими достойными. Глубоко в земле выкапывается большая яма, чем-то напоминающая по форме старомодную пыльную яму, но, конечно, больших размеров. При необходимости его выстилают глиной, а из земли или непосредственно над ним делают крышу из веток и прутьев, в центре которой оставляют отверстие для выхода дыма. Иногда вход образует примитивный дверной проем, и люди спускаются либо по ступенькам, либо по наклонной плоскости, в то время как на противоположном конце вставляется окно. Иногда, но не всегда, вокруг этих полуподземных жилищ, которые, как уже говорилось, в основном встречаются на равнинах, прорубается небольшой сток для отвода поверхностных вод. Вряд ли нужно говорить, что в этих подземных камерах мужчины, женщины и дети живут вместе вперемешку и что результатом такого существования являются широко распространенные болезни. Болотная лихорадка - одна из самых распространенных и злокачественных болезней равнин; едва ли найдется семья (а семей крестьянства очень много), в которой один или несколько детей не были бы унесены этой лихорадкой. Тем не менее, есть те, кто утверждает, что подземные дома не являются вредными для здоровья, и они не обязательно являются признаком бедности. Говорят, что такие лачуги были впервые построены для того, чтобы они могли укрыться от наблюдения банд мародеров, сначала одной нации, затем другой, которые в разное время наводняли и грабили прекрасную дунайскую территорию; что первоначально они были окружены деревьями, срубленными на дрова; и что дух консерватизма заставляет многих крестьян, в остальном зажиточных, предпочитать эти подземные жилища коттеджам современной постройки, из которых состоят деревни в более высоких землях. Это кажется правдоподобным объяснением их присутствия; но в стране, которая в значительной степени возделывается, как мы услышим, собственническими крестьянами, такой примитивный образ существования, достойный тех дней, когда варвары опустошали территорию Румынии, вряд ли продержится долго.

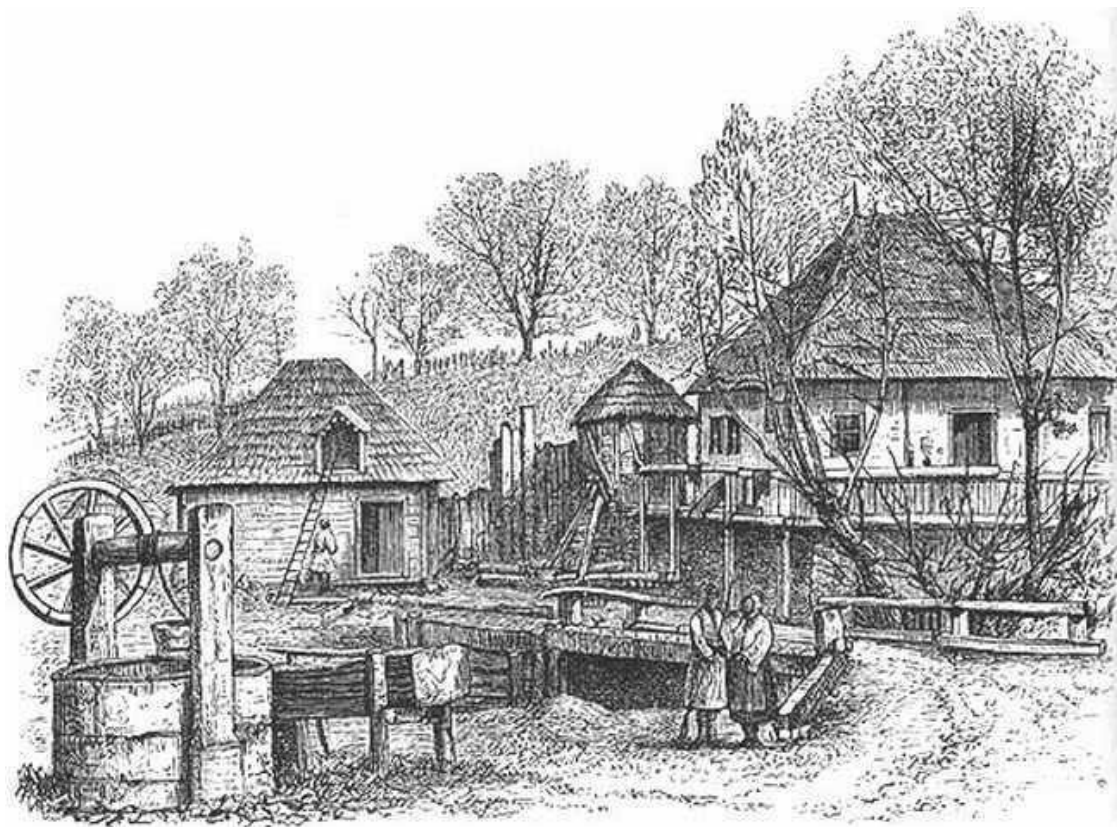
ПОДЗЕМНЫЕ ЖИЛИЩА С КРЕСТЬЯНАМИ.

Что касается крестьянства, то это прекрасные здоровые мужчины и женщины, и в дальнейшем у нас будет возможность изучить их привычки и состояние.

После воображаемого путешествия вглубь страны большую часть дня — ибо поезд румынской железной дороги не сравнится по скорости с "Летучим голландцем", хотя это значительный шаг вперед по сравнению со старым способом передвижения, когда часто требовалась дюжина лошадей, чтобы тащить одну повозку по грязным дорогам, — и, оставив город Бухарест с его многочисленными куполами и шпилями пока позади, мы приближаемся ко второму, более возвышенному участку страны.^[11]

По мере удаления от Дуная мы оказываемся перед гораздо более разнообразным и улыбчивым ландшафтом, где произрастают почти все растения субтропического и умеренного поясов. Среди деревьев наиболее заметны дуб, вяз и бук; но помимо них часто встречаются клен, платан, рябина, липа, конский каштан, акация; а из фруктовых деревьев — грецкий орех, лещина, слива, мушмула, вишня, яблоня, груша и виноградная лоза. Поля кукурузы перемежаются грядками с ярко-желтыми тыквами. Пшеница, овес, просо и другие злаки распространены повсеместно, а в садах розы, герань, вербена, астры, резеда и великое множество других хорошо известных цветов умеренного пояса придают пейзажу красоту и разнообразие. Действительно, что касается природных продуктов, то эта часть Румынии не оставляет желать ничего лучшего, и то, что эти блага почвы столь же обильны, сколь и хороши, можно найти в дешевой фруктовой лавке, предлагаемых на продажу. Маленькие корзиночки с двадцатью или тридцатью прекрасными фиолетовыми сливами можно приобрести за пенни, а прекрасные персики или большие гроздья отличного винограда, естественно, естественного происхождения, можно приобрести по пропорционально низкой цене. Ни один из последних фруктов не сравнится с теми, что готовят у нас дома, но они очень вкусные и нежные.

Точно так же крестьяне и их жилища носят вид комфорта и процветания. Больше никаких подземных жилищ, а на их месте деревни, состоящие из жилищ, более или менее напоминающих коттеджи и шатры Швейцарии и Тироля, хотя обычно они не так хорошо построены и не так живописны. Они обычно построены из дерева, кирпича и штукатурки и хорошо побелены, их крыши состоят из маленьких деревянных или обожженных глиняных черепиц или сланцев, и в них есть все удобства, присущие таким жилищам. Придорожные кабаре, или трактиры, часто очень живописны, крыша часто украшена гирляндами виноградных лоз, указывающими на предоставляемые внутри удобства для жизни.

ВЪЕЗД В КАРПАТСКОЕ СЕЛО.

Когда мы въезжаем в горную местность, на дорогах и железных дорогах можно увидеть группы крестьян, мужчин и женщин, которые поддерживают их в порядке, срезают насыпи и ремонтируют мосты, а женщины работают длинными лопатами необычной формы, о которых уже упоминалось.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ПРОКЛАДЫВАЮТ ДОРОГИ.

Можно заметить мимоходом, что заработная плата таких рабочих составляет для мужчин 2 50 ф. ст., а для женщин 1 50 ф. ст. соответственно в день. Здесь тоже у нас появляются признаки чего-то помимо сельскохозяйственной промышленности. Запах нефти воздействует на органы обоняния, и мы часто видим повозки, запряженные волами или буйволами, с одной или несколькими бочками минерального масла; в то время как на холмах можно увидеть грубые деревянные конструкции, закрывающие колодцы, и дороги или трамваи, по которым нефть доставляется в долину внизу. По мере того, как мы продвигаемся дальше в горы, появляются свидетельства наличия другого минерального сокровища. Это каменная соль, которую целыми тележками перевозят на железнодорожные станции или складывают в разных местах. Этот ценный минерал ни в коей мере не похож на нашу каменную соль, а крупные глыбы легко можно принять за гранит или грубый неполированный мрамор. Внешний вид и способ работы одной из крупнейших шахт страны будут описаны ниже; а основные населенные пункты, в которых добывают соль и нефть, будут указаны на нашей географической карте. Основными соляными копиями являются *Дофтана* (Прахова) недалеко от Кампины, *Пояны* и *Сланика* (Прахова), *Окнеле Мари* (Рамнику), *Тыргу Окна* (Бакэу). Основные нефтяные скважины также находятся недалеко от Кампины, в *Колибасу*, *Пакури*, *Дофтанете*, *Телеге* и др., *Мойнестей* др. (Бакау). Есть нефтеперерабатывающие заводы в *Тырговиште*, *Пеатре*. *Плоешти* и др.

III.

Но мы не должны больше задерживаться в этом царстве плодотворности и должны перейти к более отдаленным альпийским регионам. При этом мы меняем высоту гораздо быстрее, чем раньше, и поскольку мы путешествуем по восходящим долинам к поросшим соснами скалам и горам, трудно понять, с каким европейским нагорьем проводить сравнение. "Это Уэльс?" - естественно, спросит английский читатель. - Нет, потому что горы слишком крутые и скалистые, и все же далеко не такие бесплодные, как в нашем княжестве. - Мы в Пиренеях? Конечно, нет; растительность не так богата, видно мало водопадов, и глинистая или песчаная поверхность имеет неопрятный вид, местами окрашенная в красный цвет железистыми ручейками и покрытая заросшим сорняками кустарником, что совершенно не соответствует наклонным садам солнечного юга Франции. Пейзаж доломитовый? В некотором смысле так оно и есть. Вершины гор часто бывают очень зазубренными, Россзене, или лошадиные зубы, как их еще называют, но они темно-серые, а не белые или желтые, как Доломитовые Альпы. Деревья те же, что и в других альпийских краях: ели, сосны, лиственницы и березы, густо растущие на высоте около 5000 или 6000 футов над уровнем моря; затем идут трава и альпийские цветы и, наконец, грубая зубчатая вершина. Какой бы регион он ни напоминал, а, возможно, его ближайшими аналогами являются более дикие районы Баварских Альп или менее суровые районы Тироля, он прекрасен и романтичен, и достаточно посетить его нескольким западным туристам, чтобы стать продолжением игровой площадки Европы; поскольку в сочетании с прекрасными пейзажами здесь присутствуют очаровательные костюмы, примитивные манеры и некоторые интересные аспекты восточной жизни. И если его путь приведет его в Синаю, летнюю резиденцию двора и санаторий, в который жители Бухареста прибегают пока не в слишком большом количестве, посетитель с готовностью согласится, что в Европе мало мест, более приспособленных для отдыха и освежения утомленного ума.^[12]

Синайя представляет множество достопримечательностей для туриста. Расположенный на склонах холмов на стыке трех долин и непосредственно окруженный горами, высота которых варьируется от 3000 до 8000 или 9000 футов над уровнем моря, и которые легко доступны обычному альпинисту, он состоит из прекрасного старого монастыря, временной резиденции двора, двух хороших старомодных отелей и большого количества красивых вилл, принадлежащих богатым землевладельцам, чиновникам и купцам Бухареста. Здесь есть казино, или читальный зал, и небольшой концертный зал, прекрасная купальня и сад, в котором военный оркестр каждый вечер исполняет живую и приятную музыку, чтобы гости могли слышать ее, пока они ужинают на верандах перед отелями. Монастырь расположен на высоком холме, к которому из долины внизу ведут пологие дорожки и подъездные пути, и он состоит из двух больших беседок, окруженных низкими жилищами, которые раньше (и до сих пор в некоторой степени) занимали монахи, а теперь служат резиденциями Двора и его слуг. Два храма на самом деле представляют собой один, разделенный по центру, и в каждом отделении находится небольшая византийская церковь, в которой совершается богослужение православной греческой веры. На дальнем конце монастыря находятся покои короля и королевы, и вряд ли нужно добавлять, что сделано все, чтобы сделать это старое здание пригодным для проживания членов королевской семьи.^[13] Сбоку от монастыря находится зеленое плато, с которого открывается прекрасный вид, и на котором обычно по воскресеньям днем можно увидеть, как крестьяне, а также многие придворные офицеры и дамы танцуют национальные танцы страны, в частности, национальный танец "Гора", о котором будет рассказано ниже. За монастырем небольшая долина переходит в горы. На самом деле эта

долина представляет собой обширный лес, в котором растут великолепные лесные деревья, изобилующие папоротниками и дикими цветами, в то время как в центре ее стремглав несется река, образуя при спуске три прекрасных каскада, последний или самый высокий из которых увенчан высокой скалой, подняться на которую само по себе является хорошим утренним занятием для здоровья. За этой скалой возвышаются карпатские пики Караиман, Верфул и др., и с их вершин, до которых можно добраться за два-три часа, говорят, что в ясный день за Дунаем видны далекие Балканы.

Но если Синая с ее окрестностями прекрасна сегодня, то какой она будет в будущем? Недалеко от железнодорожного вокзала, на заметном возвышении, ведется строительство великолепного отеля, который удовлетворит потребности растущего числа посетителей. В настоящее время королю, помимо его временной резиденции в монастыре, принадлежит только небольшой особняк, известный как "Павильон Шассе", расположенный в лесу за монастырем. Хотя внешне это непритязательная маленькая вилла, интерьер красиво отделан резным дубом и обставлен изысканными предметами из того же материала, и в целом выполнен со вкусом, за который так широко известна первая леди страны. Но король также возводит поблизости, в выгодном месте, прекрасный летний дворец, из которого будет открываться великолепный вид на окружающие пейзажи; и там он и его королева, без сомнения, продолжают, как и в своей временной резиденции, оказывать щедрое гостеприимство посетителям и завоевывать расположение и популярность среди своих подданных.^[14]

Но мы должны извиниться за это отступление и вернуться к нашему общему обзору.

IV.

Говоря о внешнем виде поверхности, было упомянуто, что она песчаная или глинистая, и теперь, возможно, будет полезно сказать несколько слов о геологических образованиях страны. Местными геологами сделано мало в этом направлении, и знания, которыми мы обладаем, почерпнуты из наблюдений нескольких иностранцев, которые опубликовали работы, случайно посвященные этому региону.^[15] Можно сказать, что вся Румыния образует северную часть бассейна Нижнего Дуная. В Болгарии, на южной стороне реки, где берега часто поднимаются на высоту 300 или 400 футов, есть отчетливые следы миоценовой формации; но там, как и на северных берегах, перед холмами находится широкая равнина лесса, третичного аллювиального отложения. На северном, или румынском, берегу, начинающемся недалеко от Железных ворот на западе и простирающемся до восточных устьев Дуная, фактически по всей зоне уже упомянутой равнины, обнаружены эти аллювиальные отложения, а у подножия Карпат они иногда достигают глубины от 150 до 300 футов и придают стране вид запущенной пустыни, где поверхность не покрыта густым лесом или сельскохозяйственной зеленью. Вторая зона, то есть нижние холмы и горы, относится в основном к миоценовой формации; но под ней, в различных частях выходя на поверхность, находятся слои того, что Лайелл называет "второстепенным элементом того обширного месторождения песчаника и сланца, которое в провинции называется "флиш" и которое, как полагают, составляет часть эоценовой серии".^[16] В этом регионе, который румыны называют районом виноградников, можно найти мергель, песчаник, мел и гипс, а также каменную соль, нефть и бурый уголь. Последнее название является важным продуктом страны, который используется наряду с древесиной на железных дорогах, а также в печах для обжига кирпича и извести.

Южные склоны Карпат состоят из различных более древних слоев — вторичных, первичных и метаморфических - и породами, из которых они состоят, являются известняк, мрамор, сланцы (сланцевые и слюдистые) и гнейс. На вершинах встречаются конгломераты, образованные кварцем, известняком и песчаником.

К этому скудному и поверхностному описанию геологических формаций страны нам остается только добавить, что наклон пластов обычно направлен вниз, в направлении Дуная, и что они часто искажены весьма примечательным образом.^[17]

Мы уже говорили о залежах соли, нефти и бурого угля, и в связи со вторым обнаружено вещество, известное как озокерит или ископаемый воск. Это коричневато-желтый полупрозрачный кристаллический углеводород, который размягчается от тепла руки и горит ярким светом. Он никогда не применялся промышленно, за исключением небольших количеств крестьян, которые сами изготавливают из него грубые свечи; но это объясняется скорее отсутствием предприимчивости, чем скудостью запасов. Антрацит тоже присутствует в разных местах, но его не обрабатывают. В существовании железа нет никаких сомнений. На это указывают не только железистые ручьи и источники, но и то, что он был обнаружен в сочетании с углем в различных частях страны.^[18] Образцы гематита несколько раз подвергались анализу, но результаты были очень неудовлетворительными. В одном образце, проверенном М. Ханом, содержание металлического железа составило всего 35,5%, а в другом, проведенном доктором Бернатом, - 40%. То, что золото было найдено и разрабатывалось в Карпатах еще в эпоху Даков, хорошо известно; и, согласно современным авторам, кобальт, сера, мышьяк, медь,^[19] и свинец также присутствуют в разных районах, но полезные ископаемые Румынии в настоящее время ограничены солью, нефтью и бурым углем; и, учитывая важность предмета, это вызывает большое сожаление тот факт, что правительство не использует те же средства для обучения населения практической геологии и минералогии, которые используются для распространения сельскохозяйственных знаний в превосходном учебном заведении, о котором будет сказано ниже. Если людям будет позволено развивать свою промышленность только в мирных условиях, то, без сомнения, вскоре станет очевидно, что слои населения богаты значительными запасами полезных ископаемых.

ГЛАВА II.

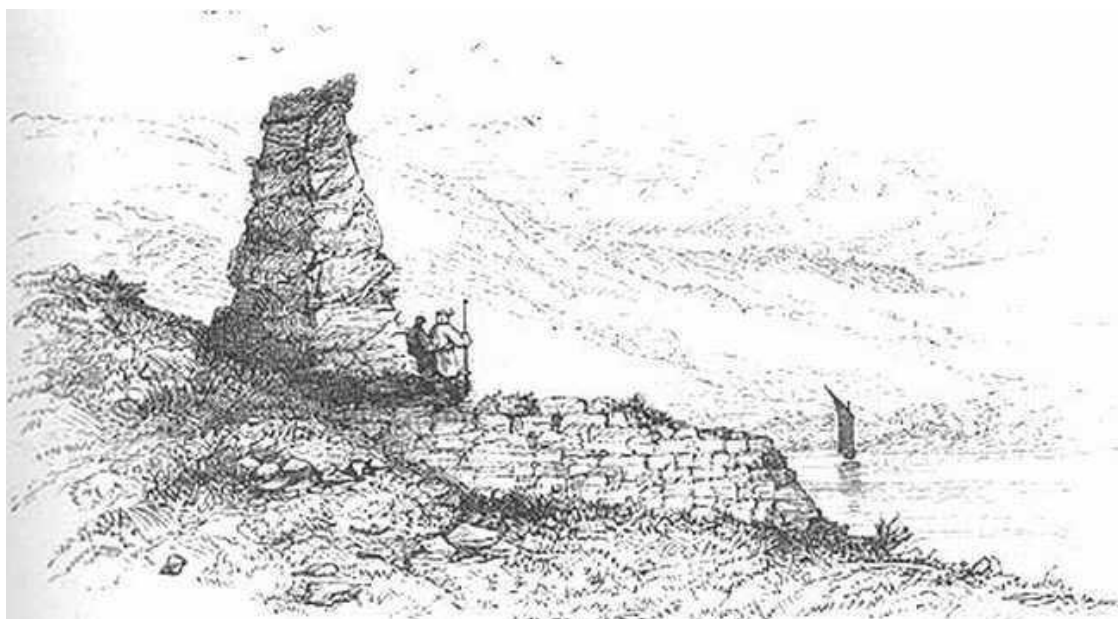
GEOGRAPHICAL—ARCHÆOLOGICAL.

Речная система Румынии— "Прекрасный голубой Дунай"—Внешний вид Нижнего течения Дуная, сравнимый с Хамбером или Миссисипи—Плавучие мельницы—Дунай на Казанском перевале—Величественный пейзаж— "Железные ворота", ошибочные представления о них—Их истинный характер—Археологические находки—Дорога Траяна—Его табличка—Его мост в Турну-Северин—Его конструкция и история—Притоки Дуная и города на них—Рыбы румынских рек—Озера—Минеральные воды Балта Альба—Римские дороги—Мост Константина—Римский мост улицы, дома, храмы—Статуя Коммода—Готические и доисторические руины—Климат—Сильные перепады температуры и холода—Прекрасная осень—Дожди—Сравнение с другими странами—Российские ветры—Внезапные смены дня — Сравнение страны в целом с другими европейскими государствами—Резюме ее производства, ресурсов и достопримечательностей для посетителей.

Я.

Речная система Румынии представляет собой одну из самых примечательных особенностей ее географии, сыграла важную роль в ее прошлой истории и обещает оказать мощное влияние на ее промышленное и политическое будущее. Эта система включает в себя великую главную артерию, Дунай, с многочисленными притоками, которые берут начало в Карпатах и, несясь сначала бурными потоками, затем такими же вялыми, часто в виде наполовину пересыхающих потоков, пересекают страну, прежде чем впадают в основную реку.

"Прекрасный голубой Дунай" так высоко оценили, что путешественника, посетившего его из-за его живописных достопримечательностей, он, вероятно, разочарует. Она не голубая, хотя в определенные сезоны года, как говорят, имеет голубой оттенок, но на большей части пути от Вены до Казанского ущелья и на всем расстоянии от Орсовы до Черного моря она напоминает по цвету и виду нашу реку Хамбер, и мы слышали, как американские путешественники сравнивали ее с Миссисипи. Часами напролет она течет между идеально плоскими берегами, на которых не видно ничего, кроме камышей и ивовых зарослей. Поверхность реки оживляется бесчисленными плавучими водяными мельницами, которые стоят на якоре либо посередине течения, либо близко к берегам и черпают движущую силу в быстром течении. Они используются для измельчения кукурузы и других зерновых культур страны. То тут, то там на обоих берегах виднеются небольшие города или укрепления. На болгарской стороне находятся города Видин, Никополь, Систова и Рустчук с их куполами и минаретами и праздно смеющимися толпами зрителей, либо живописно одетых мужчин, либо женщин, сидящих на камнях и похожих на множество мешков с полем, выстроенных в ряд. Это, безусловно, нарушает монотонность великого потока, но общий вид реки от Верчоровы, где она начинает омывать румынский берег, до устья в Сулине представляет собой одно длинное плоское течение, более высокое, как мы уже говорили, на болгарской стороне, чем на румынской.

КОНЕЧНАЯ ПРИСТАНЬ МОСТА ТРАЯНА НА БЕРЕГУ РУМЫНИИ. (ПО ЭСКИЗУ АВТОРА.)

Но хотя этот участок реки строго входит в сферу нашего обзора, есть другой участок, лежащий непосредственно над ним, который заслуживает мимолетного внимания, тем более что мы знаем, что он сыграл важную роль в римском завоевании и последующей колонизации древней Румынии. Пожалуй, в Европе нет ни одного речного пейзажа, равного этому, и уж точно нет такого, который превосходил бы ту часть Дуная, простирающуюся примерно на семьдесят пять миль от Базиаса - конечной станции железнодорожной ветки из Вены в Верчорову — до так называемых "Железных ворот". Именно здесь река прокладывает себе путь через Карпаты, и хотя вдоль своего общего русла она варьируется в ширину от полумили до трех миль и более, на Казанском перевале, ущелье, по обе стороны которого расположены отвесные скалы высотой от 1000 до 2000 футов, в некоторых местах она сужается примерно до 116 ярдов и обладает глубиной в тридцать морских саженей. Берега очень напоминают берега прекрасного норвежского фиорда, они поднимаются более или менее круто и покрыты соснами и другими альпийскими деревьями, а иногда, как в Норвегии или даже в Шотландии, кажется, что пароход пересекает длинное озеро, окруженное горами. В нижней части этого участка Дуная находится то, что любящие метафоры османы впервые назвали "Железными воротами", и они, без сомнения, сочли их непреодолимым препятствием для своего продвижения на запад вверх по реке. Однако существует значительное недопонимание, которое, конечно, не устраняется рассказами современных авторов, которые, по-видимому, переписывали друг у друга, не посещая их, относительно тех же самых "Железных ворот". Некоторые из упомянутых авторов говорят о "скалах, которые образуют каскады высотой 140 метров" (или около 460 футов), "и которые представляют серьезные препятствия для навигации". Где находятся эти каскады, мы так и не смогли выяснить. Дело в том, что общий спуск реки на этом участке не превышает двадцати футов, и там, где она вытекает из Карпат, берега более пологие, чем выше по склону, а вершины представляют собой просто высокие холмы. Сами "Железные ворота" состоят из бесчисленных камней в русле реки. То тут, то там они выступают над поверхностью, но обычно они немного ниже ее, и они разбивают всю поверхность на значительном расстоянии на волны и водовороты, через которые проходят только узкие проходы, так что при определенных состояниях реки пассажирам и грузам больших пароходов приходится пересаживаться на

лодки поменьше вверх и повторно пересаживаться на пароходы большего класса вниз, "Железные ворота".

II.

Но, безусловно, наиболее характерными и для нас наиболее интересными особенностями Дуная в здешних местах являются его исторические воспоминания. Почти на всем пути от Голубаца (рим. от Куппы до Орсовы, на правом (южном) берегу сохранились следы замечательной дороги, построенной Траяном (и, вероятно, его предшественниками) для его экспедиции в Дакию, а в одном месте напротив Градины находится известная табличка, вделанная в скалу в память о завершении строительства дороги. Эта табличка была предметом многочисленных споров, и на ней есть следующая надпись:—

ИМП. ЦЕЗАРЬ. DIVI. NERVÆ. F. NERVA. ТРАЯНУС. АВГУСТ. ЗАРОДЫШ. PONTIE. МАКСИМУС. ТРИБУНАТ. ГОРШОК. IIII. ОТЕЦ. PATRIÆ.[20]

Сербские крестьяне, однако, мало уважают героев — по крайней мере, древних, — а варвары семнадцати или восемнадцати веков, похоже, разжигали костры и готовили свою "мамалыгу"[21] прижимаясь к табличке до тех пор, пока она не станет похожа на почерневшую массу. О самой дороге мы поговорим позже довольно подробно в связи с экспедицией Траяна, но несколько слов о его мосте в Турну-Северине все же можно добавить. Все, что остается видимым путешественнику сегодня, - это два крайних пирса, наброски которых приведены здесь; но между этими пирсами через реку был перекинут мост, и при очень низком уровне воды видны верхушки нескольких других пирсов, которые все еще стоят. Говоря об одном мосте, мы допустили некоторую вольность с фактами, поскольку теперь почти повсеместно признано, что на самом деле было два сооружения. Ниже по реке находится небольшой остров, который, как говорят, в прежние времена простирался до того места, где найдены остатки моста, и на этом выступе суши концы секций начинаются обоих берегов. Предполагается, что земля либо затонула, либо была смыта течением.[22] Мост, на который в дальнейшем будут сделаны ссылки в нашем историческом очерке, был построен по планам Аполлодора, архитектора Колонны Траяна в Риме. Строительство было начато около 103 года нашей эры и, вероятно, состояло из двадцати опор, каждая высотой 150 римских футов и шириной 60 футов, а расстояние между двумя конечными опорами на берегах составляет около 3900 английских футов. Опоры были каменными, но верхняя часть моста была деревянной. На северном причале камень состоит из щебня, или искусственного конгломерата, состоящего из мелких округлых камней и цемента, и, вероятно, он был отлит в блоки, но тот, что на правом (южном) берегу, сделан из тесаного камня. С северной стороны есть старая стена, идущая от пирса к руинам башни, которая, очевидно, была соединена с мостом.

КОНЕЧНЫЙ ПРИЧАЛ НА СЕРБСКОЙ СТОРОНЕ. (С НАБРОСКА АВТОРА.)

Но было бы лучше, если бы мы приберегли любые дальнейшие замечания относительно археологических реликвий Румынии, а также некоторые наблюдения, представляющие непосредственный интерес в связи с Дунаем, до тех пор, пока мы не завершим краткий обзор водной системы страны.

Между "Железными воротами" и его тремя устьями, а именно устьями Хилии, Сулины и Святого Георгия, из которых только второе судосходно для больших судов, Дунай простирается примерно на 650 миль[23] и принимает в своем русле многочисленные притоки, из которых следующие являются основными на румынской стороне. Прут является наиболее важным. Он образует границу между Румынией и Бессарабией (Россия), и по нему проходят небольшие суда, перевозящие зерно. Следующей по историческому значению является *Серет*, которая отделяла Молдавию от Валахии, а остальные реки на данный момент - *Олту*, на которой расположены города Римнич и Слатина; *Яломица*, орошающая Тырговиштеа, одну из древних

столиц, и принимающая в себя приток *Праховы*, которая берет начало недалеко от Синая. Река с последним названием очень интересна, поскольку в непосредственной близости от обоих берегов находятся нефтяные скважины или соляные копи. Затем есть *Хребет*, который протекает мимо одноименного городка и городка Питешти и принимает *Дамбовицу*, на которой расположена столица, Букарест. В этих реках в положенное время года водится множество видов рыбы, и, поскольку рыбная ловля сохранилась очень мало, они являются хорошим развлечением. Наиболее важными видами, используемыми для приготовления к столу в Румынии, являются две или три разновидности осетровых, форель (мелкая, но сладкая), сельдь, лосось, судак, щука и карп, а также окунь, плотва, усач, линь и т.д. Румыния не является озерной страной, и самые большие озера, называемые Балтас, находятся на равнинах у Дуная, в то время как среди внутренних озер, которых немного по количеству и важности, озеро Балта Альба в районе Ромнику Сарат обладает сильными минеральными свойствами, в которых содержится хлорид натрия. преобладают натрий, карбонат и сульфат соды. Его воды используются для ванн и, как говорят, излечивают некоторые формы золотухи, ревматизма, невралгии и других серьезных заболеваний. Помимо Балта Альба, в Румынии есть несколько других источников минеральных вод.

III.

Возвращаясь теперь к "Железным воротам" Дуная, так сказать, portalу, через который мы въезжаем в страну, мы находим в связи с большим мостом, а также начиная с других частей Дуная, остатки римских дорог, об одной или двух из которых уже упоминалось; и по соседству с ними, опять же, свидетельства постоянного пребывания римлян. Одна дорога, к западу от Железных ворот, была названа в связи с маршрутом Траяна. Она начиналась в Удж-Паланке и тянулась в северо-восточном направлении к Темешвару (Рим. Тибискум), а оттуда в древнюю столицу Дакии Сармизегетузу (современный Вархей), откуда, как полагают, она была продолжена до трансильванских склонов Карпат, граничащих с Молдавией. Эта дорога, которая, как и все другие упомянутые здесь останки, будет найдена на нашей исторической карте, находилась не на территории нынешней Румынии. К ней присоединилась другая, начинающаяся от Орсовы, которая следовала по долине Черны, миновала современные бани Мехадии (Рим. Ad Mediam) и вышла на первую дорогу в Темешваре. Третья, еще более восточная, начиналась у моста Траяна в Турну-Северине, и были обнаружены следы, которые позволяют предположить, что она, должно быть, пересекала Валахию более чем в одном направлении и проходила через перевал Ротентурм в Карпатах, в то время как четвертая дорога, с которой она, вероятно, была связана, начиналась вблизи моста Константина, недалеко от Турну-Магуреле, и прослеживается в северо-западном направлении к Карпатам. В этих горах отчетливо видны другие дороги, соединяющие Германштадт, Карлсбург, Шассбург и др. Дорога на южном берегу нижнего Дуная проходила вдоль всего течения реки, и по ней дошли до окрестностей Галаца; в то время как в Добрудже до сих пор сохранились остатки двух римских стен, по одной с каждой стороны железнодорожной линии от Чернаводы на Дунае до Констанцы (ранее Кустенджи) на Черном море. Что касается других археологических остатков, то они еще более многочисленны и лучше очерчены, чем дороги. В Турну-Магуреле, неподалеку, сохранились следы второго моста через Дунай, известного как мост Константина, который, как полагают, был построен этим императором. В том же районе, в Челейу, было найдено несколько интересных римских руин, руины зданий, на стенах которых до сих пор видна раскраска, и статуя Коммода с надписью. В Речике, недалеко от современного города Каракал, недалеко от реки Олту в районе Романати, также сохранились остатки улиц и домов с

надписями; а в Славени, неподалеку, находятся остатки храма Митры. Опять же, в Сиглене или Тиглине, недалеко от Галаца, находится старый римский лагерь; в Водастре, недалеко от Челейу (уже упоминавшегося), были найдены еще более древние доисторические останки, в то время как в Петросе и Бузеу, на железнодорожной линии между Букарестом и Галацем, были обнаружены готические и другие древности.[24] Интересные, но более поздние реликвии можно увидеть в Кампу-Лунге, первой столице Валахии. В Куртя д'Арджес, второй (то есть последующей) столице, находится красивый кафедральный собор, который будет более полно описан ниже; и Тырговиштеа, третья столица, из которой резиденция правительства была перенесена в Букарест, также представляет некоторые интересные исторические руины.

IV.

Прежде чем перейти к рассмотрению темы, связанной с географическим положением Румынии, представляющей особый интерес для англичан, несколько слов могут показаться интересными в отношении ее исключительного и изменчивого климата.

И зима, и лето здесь очень суровые; весна настолько коротка, что ее почти нет, но это компенсируется долгой осенью, благодатным сезоном, который часто длится с середины сентября до конца ноября. Летом столбик термометра часто достигает 90-95 ° по Фаренгейту в тени, в то время как зимой он часто падает до нуля, но среднегодовой показатель составляет около 57 ° по Фаренгейту. Обедая далеко не так часто, как у нас, и он редко длится долго. Были проведены сравнения между Румынией и другими странами, которые показывают, что в то время как в Англии у нас в среднем 172 дождливых дня в году, в Западной Франции их 152, в Германии 141, а в Румынии всего 74. Снежные бури здесь случаются нечасто, в среднем всего двенадцать снежных дней в году. Однако наиболее суровой характеристикой климата является холодный, пронизывающий восточный ветер, который проносится над степями Азиатской России и часто делает жизнь на румынских равнинах почти невыносимой; и еще одной неприятной чертой является внезапная смена жары на холод между полуднем и вечером в последние месяцы года.

Однако, взглянув в целом на физиографию Румынии, можно увидеть, что, хотя она занимает территорию, значительно превышающую территорию некоторых небольших, но процветающих независимых государств Европы, она обладает большими преимуществами, которыми они не обладают. Менее суровый и гористый, чем Швейцария, и не такой однообразно равнинный, как Голландия, его пейзаж отражает характер обеих этих стран. Защищенный с севера и запада Карпатским хребтом и господствующий по всей длине Дуная на юге, его политическое положение (о котором сейчас будет сказано далее) делает его более безопасным, чем Бельгия или, возможно, даже чем Дания. Его почва способна производить, либо спонтанно, либо с незначительными затратами труда, все, что необходимо человеческому роду, будь то предметы необходимости или роскоши. Виноград, персик, табак прекрасно растут на открытом воздухе. В его обширных лесах содержится большинство видов древесины, в то время как среди его минеральных богатств уже добыты очень тонкая соль и нефть, и, исходя из исследований химиков и металлургов, нет никаких сомнений в том, что уголь, железо, сера, медь и даже драгоценные металлы надежно хранятся под поверхностью. Все эти ценные природные продукты могут быть легко доставлены вниз по склонам гор или через равнины короткими и удобными маршрутами по суше и воде к более крупному водотоку, который обеспечивает его сообщение с внешним миром; а что касается препятствий, создаваемых "Железными воротами"

для судоходства по верхнему Дунаю, то они, вероятно, вскоре исчезнут в эпоху, когда динамит производит такие масштабные революции в промышленной истории наций. Добавьте к этим фактам, что Румыния предлагает богатое поле для рыбалки, что ее альпийские районы красивы и легкодоступны, и что ее древности не могут не привлекать внимания археологов; и мы уже из этого краткого и очень поверхностного географического обзора видим, что в пределах своих границ она таит обещание блестящего будущего. А теперь давайте обратимся от природных возможностей страны к трудам и путям человека.

ГЛАВА III.

СУДОХОДСТВО По ДУНАЮ.

Дунай — Его значение для Румынии—Для Великобритании—Статистика британских и иностранных судов, торгующих там—Характер грузов—Зерно—Наш импорт оттуда по сравнению с импортом из других государств—Важность Румынии как производителя кукурузы-Влияние русско—турецкой войны на дунайскую торговлю-Дунайская комиссия—Ее история—Австрия и Румыния—Депеши Каллимаки—Катарджи-Предполагаемые претензии и замыслы Австрии—Необходимость нейтралитета Дуная—Предстоящие переговоры.

Пожалуй, нет вопроса более важного для новообразованного королевства, чем свободное судоходство по Дунаю; ибо независимо от того, ограничены ли его владения на южной границе этой рекой или же в будущем они выйдут за ее пределы, читатель не может не видеть из предшествующего, что Дунай является великой артерией, по которой, так сказать, циркулирует промышленная жизненная кровь нации. Но если это вопрос первостепенной важности для Румынии, то для нас он едва ли менее важен. Большая часть внешней торговли стран, граничащих с Дунаем, который входит в устье Сулины, единственного судоходного устья, и выходит из него, осуществляется в британских заливах, как показывают следующие цифры: —

Тоннаж, входящий в Дунай и выходящий из него в 1880 году.

	Пароходы	Тоннаж	парусных судов	Тоннаж	Всего судов	Общим тоннажем
Британский флаг	479	408,492	15	4,214	494	412,706
Все другие страны	242	150,536	1,526[25]	238,312	1,768	384,848
Всего	721	559,028	1,541	238,526	2,262	797,554

Таким образом, будет видно, что объем перевозок Великобритании на Дунай и обратно составляет почти на 30 000 тонн больше, чем у всех других стран, вместе взятых. А теперь что касается характера перевозимых товаров. Они состоят из зерновых (из Румынии и т. Д.), А внутри - из большого разнообразия промышленных товаров. Из прежних 5 394 729 четвертаков было вывезено в 1879 году; и в целом можно сказать, что Румыния получает взамен почти все предметы потребления в виде промышленных изделий, и особенно из этой страны хлопок и хлопчатобумажную пряжу, шерстяные изделия, уголь и железо.

В любой год дефицита наш импорт кормов с Дуная стал бы наиболее важным фактором, поскольку в отчетах Торгового совета за 1881 год указаны следующие сравнительные данные по импорту:—

Импорт зерновых в 1880 году.

Cwts.		
Из	США	68 138 992
"	России	12 830 851
"	Канады	9 455 076
"	Индии	6 458 100
"	Румынии	4 355 344

Все другие страны, включая Египет, который считается отнюдь не маловажной страной-производителем зерна, прислали нам меньше зерновых, чем Румыния; и когда мы смотрим на один вид зерновых, а именно на кукурузу, которая считается равной тому, что известно как американская смесь, и которую можно выращивать гораздо шире, чем в настоящее время, мы находим Румынию третьей в списке; действительно, по той или иной причине ее экспорт в прошлом году очень существенно сократился, поскольку в 1879 году она занимала второе место:—

Импорт кукурузы в 1880 году.

Cwts.		
Из	США	31 087 773
"	Канады	3 322 327
"	Румынии	1 764 482

Нам придется еще раз коснуться этой части предмета; но если читатель желает убедиться в огромном значении для этой страны неограниченной торговли на Дунае, ему стоит только обратиться к ежегодным отчетам Торгового совета, и он обнаружит, что в 1876 году, когда порты были закрыты вследствие последней русско-турецкой войны, наша торговля практически прекратилась и что она едва ли еще оправилась от последствий остановки.

Действительно, вопрос судоходства по Дунаю уже некоторое время признается как один из важнейших в Европе, и после Крымской войны, когда великие державы отобрали у России небольшую часть Бессарабии, примыкающую к устьям Дуная, была назначена Международная комиссия, состоящая из представителей этих держав и Румынии, обязанностью которых было поддерживать нейтралитет и свободное судоходство по Дунаю у его входа, для чего им было разрешено взимать пошлины и строить сооружения. Впоследствии срок полномочий этой комиссии был продлен на двенадцать лет с 1871 года (следовательно, до следующего года), и нейтральность произведений, существовавших на момент истечения срока действия договора, была объявлена постоянной. По Сан-Стефанскому мирному договору (статья хii) и последующему Берлинскому конгрессу 1878 года было приказано демонтировать все крепости на Дунае, а военные корабли, за исключением сторожевых кораблей, были исключены. Права,

обязанности и прерогативы Международной комиссии были сохранены в неприкосновенности, и (на Берлинском конгрессе) ее юрисдикция была распространена на Железные ворота.

Это все, что имеет историческую ценность и что до недавнего времени авторитетно публиковалось по данному вопросу, но тем, кто интересуется либо коммерчески, либо политически, было хорошо известно, что комиссия работала не совсем гладко и что между Австрией и Румынией возникли разногласия относительно их соответствующей юрисдикции. Впервые это прозвучало публично в прошлогодней румынской тронной речи, когда король заявил, что его правительство готово защищать свои права на контроль судоходства по Дунаю в румынских водах, или что-то в этом роде. То, что последовало дальше, - это современная история. Австрия, расценив это как оскорбление, предназначенное ей самой, пригрозила отозвать своего посла, и Румания извинилась. Однако тем временем М. Каллимаки-Катарджи, бывший министр Румынии в Париже и Лондоне, несанкционированным образом опубликовал длинную переписку между министром иностранных дел Румынии и им самим, в которой содержалось заявление о трудностях на Дунае, которое было передано лорду Грэнвиллу. Она была распространена в основном во Франции и Румынии и интересна в связи с будущими событиями.[26] По словам М. Катарджи, Австрия почти с момента создания комиссии пыталась противостоять ее действиям там, где, по ее мнению, такие действия ущемляли ее интересы и юрисдикцию, в то время как, с другой стороны, она агрессивно посягала на права своих соседей. Из его заявления следует, что когда была предпринята попытка сформировать "Прибрежную комиссию", которая заняла бы место первоначальной Европейской комиссии и обеспечивала чистоту всего течения Дуная (очень желательная цель, как читатель увидит из нашего описания Железных ворот), Австрия возражала против любого вмешательства в ее юрисдикцию над той частью Дуная, которая протекала по ее территории. Но когда совсем недавно комиссия назначила подкомитет для изучения нижнего течения Дуная и представления ему отчета с такими рекомендациями, которые обеспечили бы выполнение проекта в его целостности, было обнаружено, что имело место некое невидимое влияние, направленное на изменение и извращение всей структуры и целей комиссии.

Доклад был составлен, но его сочли совершенно несоответствующим желаемой цели, поскольку в нем игнорировались свобода судоходства, вопрос о каботажной торговле и т.д.; в то время как, с другой стороны, в нем предлагалось создать "смешанную комиссию, которая должна была стать исполнительным комитетом, совершенно не предусмотренным Берлинским мирным договором, и которая выявила претензии на новый порядок".

Эти претензии были попыткой одной державы, а именно Австрии, господствовать на всем протяжении реки. Исполнительная комиссия должна была состоять из четырех членов, представляющих Австрию, Сербию, Румынию и Болгарию, а австрийский комиссар должен был председательствовать и иметь решающий голос. Сербия очень мало заинтересована в реке, поскольку ее территория простирается всего на несколько миль ниже Железных ворот, и для самого ее существования важно поддерживать дружеские отношения со своим могущественным соседом, чтобы "в результате Австрия, которая уже является хозяйкой верхнего течения Дуная, получила дальнейшие привилегии и подлинное превосходство на остальной части его течения".

Далее М. Катарджи говорит графу Гранвиллю, "что, если Австрии удастся закрепить свое господство, она воздвигнет все препятствия на пути импорта продукции западных стран в большой бассейн Дуная, чтобы обеспечить свою собственную монополию".[27]

Таково нынешнее состояние Дунайского вопроса, и у нас есть основания полагать, что продолжают переговоры, которые призваны проложить путь к урегулированию в следующем году. Из того, что мы знаем о тех, кто представляет интересы Великобритании в этом вопросе, мы уверены, что эти интересы будут тщательно охраняться; но это не должно мешать нам учитывать международные принципы и права, повсеместно признанные справедливыми, и которые, мы уверены, не будут упущены из виду в ходе переговоров. Румыния наиболее глубоко заинтересована в этом; она имеет полное право на исполнительный контроль за судоходством по Дунаю в своих собственных водах, при условии соблюдения ее обязательств перед Державами. На утверждение, выдвинутое более или менее официально Австрией, что, если бы это право было предоставлено Румынии, другие прибрежные державы могли бы претендовать на ту же привилегию, дается простой ответ, что такое право уже принадлежит им, так же как Австрии принадлежит право контролировать судоходство по Дунаю в Пеште или Вене, Германии - регулировать судоходство по Рейну в Кельне или Бельгии - в Роттердаме. Что касается Англии, то ей не нужны были откровения г-на Катарджи, чтобы ознакомить нас с фактом, что Австрия поступит так, как она поступила, а именно попыталась ограничить нашу торговлю в бассейне Дуная; и поэтому наши интересы и интересы Румынии идентичны.

Но следует надеяться, что текущие события в этой части Европы излечат Австрию от ее агрессивных тенденций и что она не будет занимать такое же отношение к державам, какое она занимала к своему более слабому соседу. Она выиграет больше, лояльно сотрудничая с ней в целях улучшения судоходства по нижнему Дунаю, чем стремясь открыто или тайно обеспечить себе господство, которое она не смогла бы поддерживать постоянно, даже если бы ее нынешние усилия были успешными.

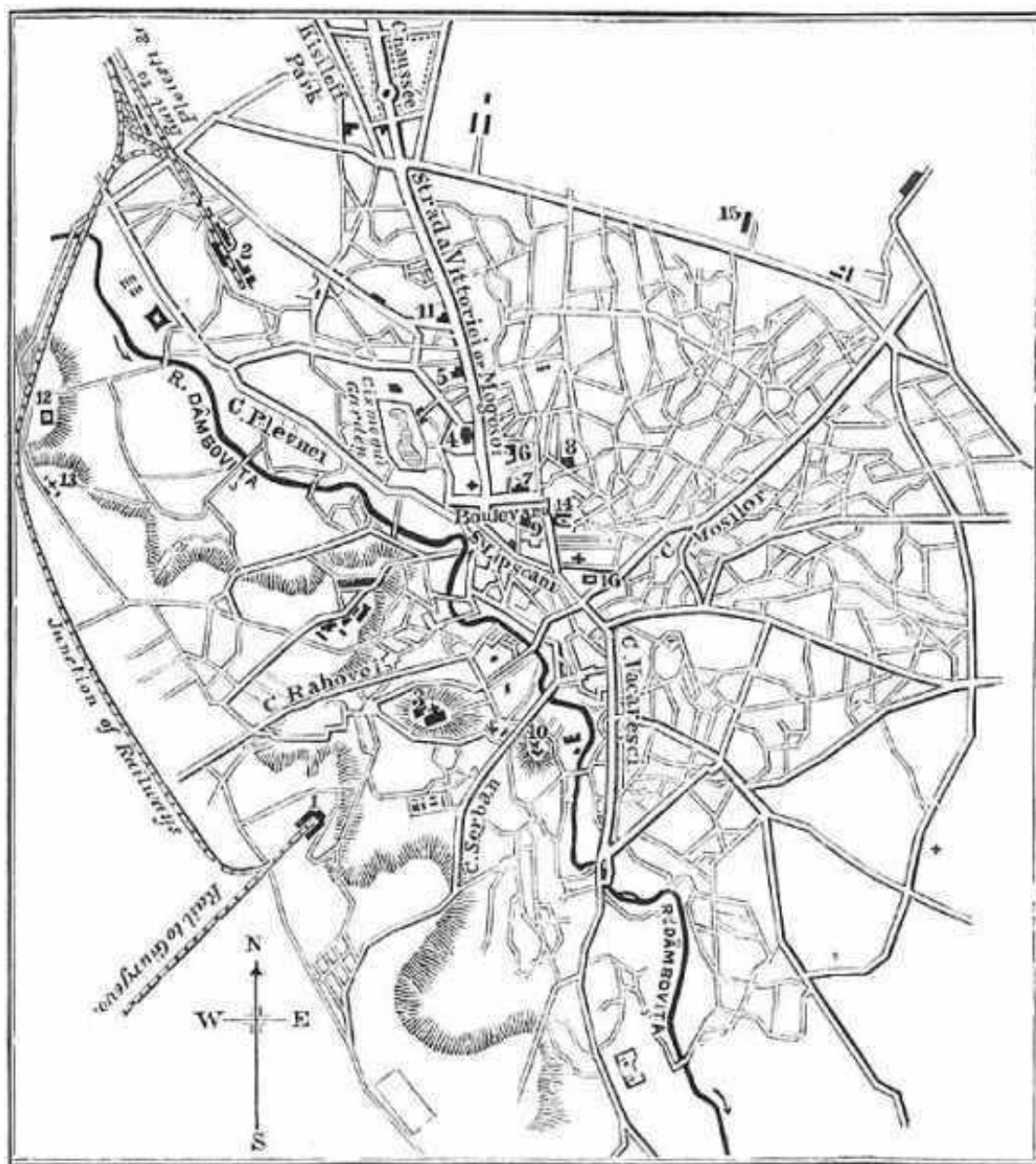
ГЛАВА IV.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ И Т.Д.

Главный города Румынии—столица, Бухарест—невежество относительно него—противоречивые версии—ее истинный характер—сладкие воды Dambovitza'—размеры Бухарест—внешний аспект—шоссе, дамской Миле Бухарест—улицы, магазины и дома—Академии—его коллекции—монеты,—даков, римлян, и другие предметы старины—отличной физической лаборатории—профессор Vacologlu—в Coltza лаборатории—доктора Бернат—в Cismegiu сад шебби-суды—другие постройки—церкви, железнодорожные вокзалы—штраф больницы—доктор давила—в Колентина больницы—полиция де тœurs и мораль Бухаресте—в 'благотворительности' больницы 'Coltza'—музеи—жизнь в Бухаресте—отели—высшие классы—мест развлечений—стоимость земли и домов для разных классов—заработная плата ремесленников; цыган—привычки рабочих классов—прожиточный минимум, еда, одежда, и т. д.—Родной костюмы, сшитые крестьянства—их красота и разнообразие—беднейший класс—Мамалыга—цыгане—их происхождение и история их рабства—Уилкинсон аккаунт из них в свое время—их эмансипации и современном состоянии—Laoutari или музыкантов—их других профессий—их религия—слияние с родной Roumanians—разительный контраст между цыганами и коренные жители—липоване—румынская любви из ярких цветов—изобразительной рекламы—забавные вывески—отсутствие интеллектуальных развлечений и занятий—хотите, обмена и рынка новостроев—Большие успехи с 1857 года—Эдгар Кине счет СРР в его день румынских компании для возведения общественных сооружений—похороны—Octroi пошлины—их обременительный характер—несколько слов о евреях—горькие публицистические атаки на них—Куртя д'Ardges—его красивый собор—экстерьер—отлично узоры и орнаменты—интерьер—легендарной истории—Негру-Водэ и Маноле—поэма Маноле—Entombs его жена жива в фундаменте—его судьба—настоящую историю—Нягу Bassarab, ее основатель—Джон Радуль—оригинальный и интересный таблетки, касающихся ее истории вплоть до 1804—последующая история и настоящее состояние(Примечание: Краткая история христианства в Румынии—атеизма и равнодушия к религии).

Я.

Главными городами Румынии являются Букарест, столица в районе Ильфовъ; Яссы или Яссы, старая столица Молдавии, в одноименном районе; Галац или Галац в Ковурлуе; Куртя д'Арджес в одноименном районе; Браила или Ибраил, Крайова, Ботошани, Плоешты и Питешти. Мы не назвали их точно в порядке их размера, поскольку в наши намерения входит дать некоторые подробности только о первых четырех.

ПЛАН БУКАРЕСТА С УКАЗАНИЕМ ГЛАВНЫХ УЛИЦ И ЗДАНИЙ.

(Сокращено из Плана профессора Зампиролу.)

1. Филаретовский вокзал.	9. Почта и телеграф.
2. Железнодорожная станция Тырговиштеа.	10. Церковь Раду-Вода.
3. Кафедральный собор Метрополии.	11. Министерство финансов.
4. Дворец.	12. Летний дворец (Котрочены).
5. Национальный театр.	13. Убежище Элен.
6. Совет министров.	14. Больница Кольца.
7. Академия.	15. Больница Колентина.
8. Посольство Великобритании.	16. Банк Румынии.

Что касается столицы, Букареста, то здесь читатель найдет общий план на случай, если ему когда-нибудь захочется посетить город. Однако давать какой-либо подробный отчет об этом было бы ошибкой, поскольку такое описание, безусловно, было бы неточным через несколько лет, поскольку город изо дня в день претерпевает большие изменения и благоустройство. Тем не менее, это сердце Румынии, центр, из которого исходит весь прогресс; и хотя мы будем ссылаться на некоторые из его наиболее ценных институтов, когда будем рассматривать национальные и социальные вопросы общей важности, мы предлагаем остановиться на нем ненадолго.

Некоторые вопросы, которые задают относительно Букареста даже люди, считающие себя хорошо информированными, в высшей степени забавны. Один друг, который на самом деле очень начитанный человек, спросил нас вскоре после нашего визита, не был ли это большой непрерывный "Мабилль", и он выглядел очень недоверчивым, когда мы сказали ему, что, хотя мы много раз ходили по нему и внимательно рассматривали все плакаты, объявляющие о развлечениях в различных местах, мы не помнили, чтобы видели среди них танцевальный сад, и что, по нашему мнению, такового не существует. Другой мой друг, высокообразованный профессионал, не был вполне уверен, находится ли Букарест к северу или к югу от Дуная; но он знал, что это было место, где главным занятием были азартные игры. Возможно, в последнем утверждении есть доля правды, но игровые столы запрещены, и ему не нужно уезжать так далеко от дома, чтобы увидеть, как закон обходят стороной.

Но неудивительно, что незнакомые люди не могут составить правильного представления о Букаресте, и их недоумение вряд ли рассеется, если они будут время от времени читать описания города и его обитателей. Некоторые авторы описывали его как скопление полуразрушенных домов, стоящих на немоощеных улицах. Высшие классы представлены в виде очень вежливых развратных леди и джентльменов, включая значительную часть первых, которые разводились три или четыре раза и имеют привычку принимать одновременно всех своих *бывших* мужей в присутствии и с санкции "мужчины, обладающего собственностью". Низшие классы состоят из полуголых цыган обоего пола с изрядным количеством священников или "пап", которые едят хлеб с луком или мамалигу (кукурузный пудинг народных масс), или бездельничают на порогах домов, или прогуливаются по немоощеным улицам с тощим поросенком. Согласно таким авторам, главное занятие Бюкарестера - разводиться или быть похороненным на государственной службе. Кроме того, существует романтическая школа авторов, которые представляют его как город дворцов, стоящих на собственной территории, с многочисленными прекрасными византийскими церквями, увеселительными садами, в которых разыгрываются спектакли, или где лаутари или менестрели (цыганские оркестры) весь день играют дикую и волнующую музыку. Здесь очаровательные румынские красавицы с горящими глазами и нежнейшими голосами; темноглазые цыганки, целомудренные, как Диана, и такие же быстроногие; степенные бояре, величественные турки (которых, кстати, мы ни разу не видели, пока были на румынской земле, хотя на дунайских пароходах было много, и очень много женатых); преподобные аббаты в длинных черных одеждах и с ниспадающими белыми бородами; и монахини в уникальных костюмах из темной ткани, с шапочками и капюшонами, напоминающими шлем крестоносца. Истина, как обычно, лежит между этими двумя противоположными крайностями.

МОНАХ И МОНАХИНЯ.

Букарест, или Букурески, "город радости", как его называют румыны, - это большой, неправильной формы, разбросанный город с населением около 175 000 человек, расположенный на маленькой грязной речушке под названием Дамбовица (как уже говорилось,

приток Хребтов), о которой было написано несколько очень известных стихов, провозглашающих, что ее воды настолько сладки, что любой, кто выпьет из них, никогда не захочет покидать Бухарест. Какими могли быть его удерживающие свойства в прежние времена, мы не можем сказать, но мы вполне можем представить, что любой человек, который отважится испить этой воды, впоследствии не сможет навсегда покинуть город. Однако в данном случае национальная поэзия не производит большого впечатления на прозаических авторитетов. Река "канализируется", или ограничивается каменными насыпями, и в нее в изобилии поступает *апа дульче* из другого источника, который не оказывает никакого контролирующего влияния на движения пьющего. Наибольшая протяженность города, на взгляд вороны, составляет около 3-1 / 10 миль, а его наибольшая ширина несколько меньше, но многие отдаленные части скорее напоминают проселочные дороги, чем улицы. Если смотреть издали или с холма, на котором стоит церковь митрополита, она имеет самый живописный вид, состоящая из огромного количества церквей, в основном византийских, лишь немногие из которых видны на нашей фотографии, и множества зданий хорошего размера. Но что придает городу особое очарование, так это то, что все эти здания, кажется, расположены в одном огромном саду, поскольку в непосредственной близости от него вряд ли найдется хоть одно, где не было бы деревьев, и многие из больших домов действительно стоят в садах значительной протяженности. Это тоже является причиной того, что город занимает такое большое пространство пропорционально количеству его жителей. Он построен с вызывающей недоумение неправильностью, как видно даже из нашего поверхностного плана, где указаны только главные улицы; но промежуточные пространства заполнены узкими, кривыми и плохо вымощенными улицами и переулками, самой неприятной особенностью которых является то, что вследствие мягкого податливого характера грунта тротуар проседает и вскоре становится неудобно волнистым. Есть, однако, несколько широких, хорошо вымощенных улиц, [28] главной из них является Поду Могосой, как ее до сих пор называют, хотя после падения Плевны она получила более достойное название Strada Victoriei; она проходит через центр города от зарождающегося бульвара, который обещает в один прекрасный день преобразить все место - в парк или сад значительной протяженности, где он продолжается по аллее деревьев, известной как Шоссе. Это любимое место отдыха Бухарестов, и в установленные часы из разных частей города быстро съезжаются машины, чтобы посмотреть и быть замеченными. В этих бирджах, как называют маленькие открытые экипажи (напоминающие маленькую коляску), находится самое пестрое сборище туристов - послы, государственные чиновники и зажиточные горожане обоего пола в европейской одежде; дамы более скромного звания в национальных костюмах; [29] цыгане, бедные рабочие и женщины, которым, как можно было бы предположить, было бы лучше идти пешком, полуодетыми и очень сильно нематыми. На Страде Победы или около нее находятся многие из главных зданий — национальный театр, Королевский дворец (очень скромное сооружение, в настоящее время подвергающееся реконструкции), Министерство финансов и несколько прекрасных отелей. Магазины, которые в основном держат немцы и французы, довольно приличные, хотя и не такие, как в Вене, Париже или многих других небольших континентальных столицах. [30] Дома здесь, как и повсюду в Бухаресте, построены из кирпича, оштукатурены белой штукатуркой и часто очень со вкусом украшены снаружи фигурками или листвой из терракоты; но именно растрескивание и отваливание этого внешнего покрытия, которое чаще происходит в местах, подверженных резким перепадам температур, чем в более спокойном умеренном климате, придает Бухаресту ветхий вид, о котором так часто упоминают писатели. Однако этот недостаток, вероятно, скоро исчезнет,

поскольку рост богатого среднего и торгового класса и общий рост благосостояния приведут к замене каменных зданий тем, что можно рассматривать только как временные сооружения.

БУКАРЕСТ.

(С ФОТОГРАФИИ ФРАНЦА ДУШЕКА.)

Помимо "Викторией", есть еще несколько очень хороших улиц, одна из которых - Липскании, получившая свое название в честь лейпцигских торговцев, которые раньше жили там, и до сих пор это всего лишь торговая улица. Здесь есть несколько небольших площадей с центральными садами, но самой прекрасной магистралью обещает стать бульвар, который должен обогнуть город, соединив его с более широкими дорогами. На этом бульваре стоит Академия, большое классическое здание с прекрасным фасадом из колонн; а на площади напротив находится бронзовая конная статуя Михаила Храброго, выгравированная во второй части этого трактата.

II.

Академия является центром интеллектуальной жизни в Букаресте. Временно там заседает Сенат, но в нем также находится множество других учреждений. Во-первых, это Национальная библиотека с коллекцией в 30 000 томов, наиболее умело управляемой М. Точилеско, который в то же время является хорошо известным писателем и профессором древней истории в Университете. Благодаря своему знакомству с литературой большинства европейских народов, своим собственным историческим и этнологическим достижениям и своей готовности предоставить их, а также сокровища библиотеки в распоряжение незнакомцев, этот джентльмен не может не поднять свою страну в глазах тех, кто наносит ей визит. Он также является хранителем прекрасного археологического музея в том же здании, который очень ценен для историков. Он содержит полную серию румынских монет, подаренных Академии М. Стурдзой; множество дакийских, римских, греческих, египетских и сирийских реликвий; наряду с меньшей коллекцией бронзового, каменного и железного веков. Некоторые из дако-римских памятников и саркофагов, найденных недалеко от Олту, представляют особый исторический

интерес, а многие из наиболее ценных предметов, таких как оружие и золотые украшения, имеют рунические надписи. Что касается более позднего периода, то здесь представлены албанское оружие и костюмы, средневековые облачения и украшения духовенства, великолепная резная дубовая ширмасемнадцатого века, вероятно, одна из лучших из существующих, и множество других предметов, представляющих интерес для антиквара.[31]

Коллекция естественной истории бедна, хотя местные виды представлены хорошо; галерея картин небольшая и хорошая, сюжеты в основном исторические, с добавлением портретов Гелиаде и других национальных героев. Классы университета встречаются здесь, но, за одним исключением, оборудование для высшего научного образования очень низкого качества. Это исключение составляет физическая лаборатория, которая сделала бы честь любому государственному учреждению. Он состоит из трех или четырех больших помещений и включает в себя все современные физические приборы, тщательно защищенные от травм. Большинство инструментов первого порядка производятся парижской фирмой Secretau, а небольшой двигатель и магнитоэлектрическая машина Siemens-Halske находились в процессе монтажа во время нашего визита. Выбор инструментов и порядок, царящий во всем зале, на практике свидетельствуют о достижениях профессора М. Эмануэля Бакологлу, о чьей педагогической силе и широко распространенных знаниях мы со всех сторон слышали только похвалы. Химическая лаборатория - это не что иное, как популярный лекционный зал, бедный и беспорядочный в своем устройстве и совершенно недостойный национального учреждения. С другой стороны, неподалеку от больницы Кольца есть небольшая, но совершенная химическая лаборатория, где преподаватели, доктор Давила и его способный ассистент доктор Бернат, дают отличные инструкции молодым студентам-медикам города. Это, однако, слишком мало для его цели, и мы надеемся, что "эра мира", упомянутая в прошлогодней тронной речи, позволит государству повысить эффективность обучения и оснащения города. В любом случае, есть одно практически осуществимое средство достижения этой цели, на которое будет указано, когда мы будем говорить об общем образовании народа.

III.

Под одной крышей собираются географическое и другие ученые общества. Но мы достаточно сказали об этом здании и теперь должны перейти к нескольким более выдающимся зданиям города. Помимо Шоссе и его окрестностей, в центре города есть еще один большой парк или сад для увеселений, называемый Чишмеджу, с декоративными водоемами, цветочными клумбами и прекрасными аллеями деревьев, который является излюбленным местом отдыха более скромных слоев населения. В непосредственной близости от этого сада находятся Суды справедливости, и самая большая услуга, которую мы можем оказать жителям Букареста, - это посоветовать посетителям держаться от них подальше или, по крайней мере, довольствоваться осмотром внешнего вида. Внутреннее убранство некоторых частей, по крайней мере, соперничает по грязи и беспорядку с самым подлым из наших полицейских дворов. Правительственные здания гораздо более высокого уровня, а здание Совета министров очень просторное и хорошо обставленное. Ни одна из многочисленных церквей Букареста не является по-настоящему прекрасной, за исключением их внешнего вида, который часто очень живописен. Все они построены из кирпича и оштукатурены, многие покрыты металлическими крышами, и картины в них очень низкого качества, какими бы интересными некоторые из них ни были с исторической точки зрения. Самым прекрасным является кафедральный собор, или метрополитен-черч, который стоит на возвышенности недалеко от бульвара, а рядом с ним

находятся два бедных здания, в одном из которых проживает метрополитен, а в другом заседает Палата депутатов. Церковь построена сравнительно недавно, в 1656 году и отреставрирована в 1859 году.

В Бухаресте есть две железнодорожные станции, обе расположены на некотором расстоянии от центра города. Одна из них - конечная станция железной дороги из Джурджево, расположенная на Дунае примерно в двух часах езды; другая из линий ведет в Верчирову, Пеш и Венту на западе; Предьял и Кронштадт, Трансильвания, на севере; и Галац, Яссы и Одесса на северо-востоке. Пассажиры, направляющиеся в Константинополь, добираются по железной дороге до Джурджево, где они пересекают Дунай до Рушука, а оттуда снова следуют по железной дороге через Болгарию до Варны и далее пароходом до Константинополя; но из Бухареста проложена линия, которая доставит их к Черному морю через Добруджу, а именно из Чернаводы в Констанцу (Кустенджи), оттуда пароходом в столицу Турции.

Возвращаясь еще раз к рассмотрению общественных зданий, мы должны упомянуть больницы, которые превосходно управляются "Эфорией Спиталелор", больничным советом, как мы должны его называть, и его генеральным директором доктором Давилой, с работой которого постоянно сталкиваешься в Бухаресте. В городе семь больниц или лазаретов, по крайней мере, три из которых стоит посетить. Больница Колентина рассчитана на 200 коек, 130 для женщин и 70 для мужчин. Палаты просторны, хорошо вентилируются и обогреваются, а кровати и постельное белье чистые и удобные. (Однако этого нельзя сказать о некоторых других приспособлениях.) Там работают десять женщин-медсестер, и мы слышали жалобы на нехватку добровольцев там и в других местах, что умаляет гуманитарный характер нашей работы. К больнице прикреплен диспансер, где с 1 января по 8 сентября прошлого года был выписан 10 791 человек. Весьма отталкивающей особенностью этой больницы является палата, в которой содержатся сорок или пятьдесят несчастных женщин, находящихся под наблюдением так называемой "полиции смерти", которые очень заботятся о здоровье нескольких из этих несчастных созданий, живущих в убогих переулках города, в то время как в некоторых местах они позволяют уличному движению осуществляться так же открыто, как на Странде или Хеймаркете. Другой больницей, которая для непосвященных гораздо привлекательнее Колентины, является Филантропическая, красивое здание недавней постройки, с широкими коридорами и очень красивыми палатами, превосходно оборудованными ваннами и всеми современными удобствами. Третий расположен недалеко от академии и называется больницей Кольца. Первоначально это был монастырь, у входа в который уже упоминалась статуя Майклу Кантакузену, основателю,^[32] и, как говорят, он был преобразован в больницу в 1715 году.

Это можно назвать студенческой больницей, поскольку здесь находится не только маленькая химическая лаборатория доктора Берната, но и анатомические кабинеты, амфитеатр и анатомический музей. Последних, действительно, существует несколько: остеологических, физиологических и т.д., и они делают честь джентльменам, которые сформировали их с почти непреодолимыми трудностями. В Бухаресте или поблизости от него есть несколько других важных зданий. Двум из них, Сельскохозяйственному колледжу и приюту Святой Елены на окраине, будет дано специальное описание ниже; но в самом городе, помимо уже названных, есть Национальный банк, несколько монастырей, предназначенных для благотворительных целей, и три или четыре отеля, где путешественники могут жить с большим комфортом и роскошью по непомерной цене.^[33]

IV.

Раз уж мы говорим на эту тему, возможно, будет небезынтересно добавить несколько слов о режиме и стоимости жизни в целом. Высшие классы и те средние классы, которые существуют, удивительно гостеприимны и общительны; они живут в большом комфорте, а некоторые из них - в роскоши, которая, как мы опасаемся, не всегда оправдана их доходами. Стиль жизни франко-немецкий, фактически почти такой же, как в Санкт-Петербурге. Многие люди регулярно ужинают в крупных отелях, особенно в тех, которые оборудованы для этой цели удобствами под открытым небом в летние месяцы. Театры часто посещают, а летом любимым местом отдыха является эстрадный театр под открытым небом недалеко от сада Святого Георгия, где ставятся как местные, так и французские пьесы и где высоко ценятся песни "Эрин и Альбион" в исполнении уроженцев этих берегов. Здесь можно увидеть серьезных дипломатов, сидящих бок о бок с *буржуазией*, и единственной неприятной чертой является сомнительный характер некоторых пьес, которые напоминают те, что время от времени ставятся в наших английских театрах; обе имеют общее происхождение, и их лучше оставить на месте их зачатия, в этом хваленном центре цивилизации, Париже.

В то время как высший и средний классы в Бухаресте живут в стиле многих крупных континентальных городов и часто в большой роскоши, более бедное население ни в коем случае не находится в столь плачевном положении, как изображают некоторые авторы. Великое множество представителей высшего класса ремесленников занимают свои собственные дома. Земля сравнительно дешева, и рабочий может приобрести коттедж с парой гостиных, маленькой кухней и небольшим садом примерно за 3000 франков, или 125 фунтов стерлингов. Стоимость жилья в лучшей части города, где земля сравнительно дорогая, с шестью комнатами, конюшней и садом, составляет в среднем 80 000 франков, или 3200 фунтов стерлингов, при этом стоимость земли в городе варьируется от двух до двенадцати франков за квадратный ярд.

Большую часть самой грубой работы выполняют цыгане, но лучший класс румынских ремесленников, таких как плотники, столяры, маляры, жестянщики (которые покрывают крыши зданий), получают от пяти до семи франков в день, работая от восхода до заката, с двумя часами на еду, или в среднем по двенадцать часов в день. Итальянцы и немцы, из которых многие работают по найму, получают на один-два франка больше, чем местные жители, в то время как инженерам и монтажникам платят от восьми до десяти франков в день. В Румынии много времени теряется из-за застолий и праздничных дней, которых в году бывает более сотни, включая воскресенья. В течение этого времени здесь не только нет производства, но и время, проведенное в праздности, приводит к таким же деморализующим потерям, как и в других местах. Рабочие слоняются по винным лавкам, поскольку они собираются здесь около трактиров; и, хотя очень редко можно увидеть пьяных людей на улицах, многие из них сильно пьют, употребляя большое количество рачина (хлебного спирта) и кислого вина.^[34]

Стоимость жизни умеренная. Черный хлеб варьируется от 1г. до 1-1 / 2г. за фунт, белый - от 1-1 / 2г. до 2г., поэтому почти такой же дорогой, как у нас. Румыния, по сути, является страной животноводства, и, хотя цена на мясное мясо варьируется от 4г. до 5г., баранина стоит от 3г. до 3-1 / 2г. за фунт. Обычное вино стоит от 3г. до 4г. за пинту; фрукты всех видов очень дешевы и являются предметом роскоши почти для каждого класса населения. Табак дорог из-за монополии. Мы считаем, что в 1805 году была предпринята попытка революции по табачному вопросу, которую пришлось подавить военной силой. Все виды одежды для беднейших слоев

импортируются, и лучший костюм стоит около тридцати франков, пара сапог - одиннадцать-двенадцать франков. Однако это не относится к стране. Там женщины, помимо полевых работ и ведения домашнего хозяйства, шьют *всю* одежду, как мужскую, так и свою собственную; и под этим подразумевается, что они прядут, ткут и шьют одежду. Уже упоминавшийся обычай ношения дамами национального костюма в сельской местности и на государственных мероприятиях в Бухаресте дает очень прибыльную работу местным женщинам, и такие костюмы выставлены на продажу в магазинах столицы по ценам, варьирующимся от *6 фунтов стерлингов* или *7 фунтов стерлингов* за все, за что владелец захочет заплатить. Многие из этих костюмов свидетельствуют об изысканном вкусе женщин, которые их шили; сочетание шелка, шерсти и ниток, а также красивое кружево, эффект которого усиливается крошечными блестками позолоты и серебра, не могут не вызывать восхищения. Однако эти костюмы лучше подходят для молодых девушек, чем для дам более зрелого возраста.

ПРОДАВЕЦ ФРУКТОВ ИЗ БУКАРЕСТА.

Не только женщины, но и мужчины носят одежду гораздо более живого покроя, чем мы привыкли на западе Европы; и в то время как оборки на одежде некоторых из них вызвали бы

насмешки среди наших отважных сотрудников, на парчовые жилеты других, возможно, смотрели бы с завистью.

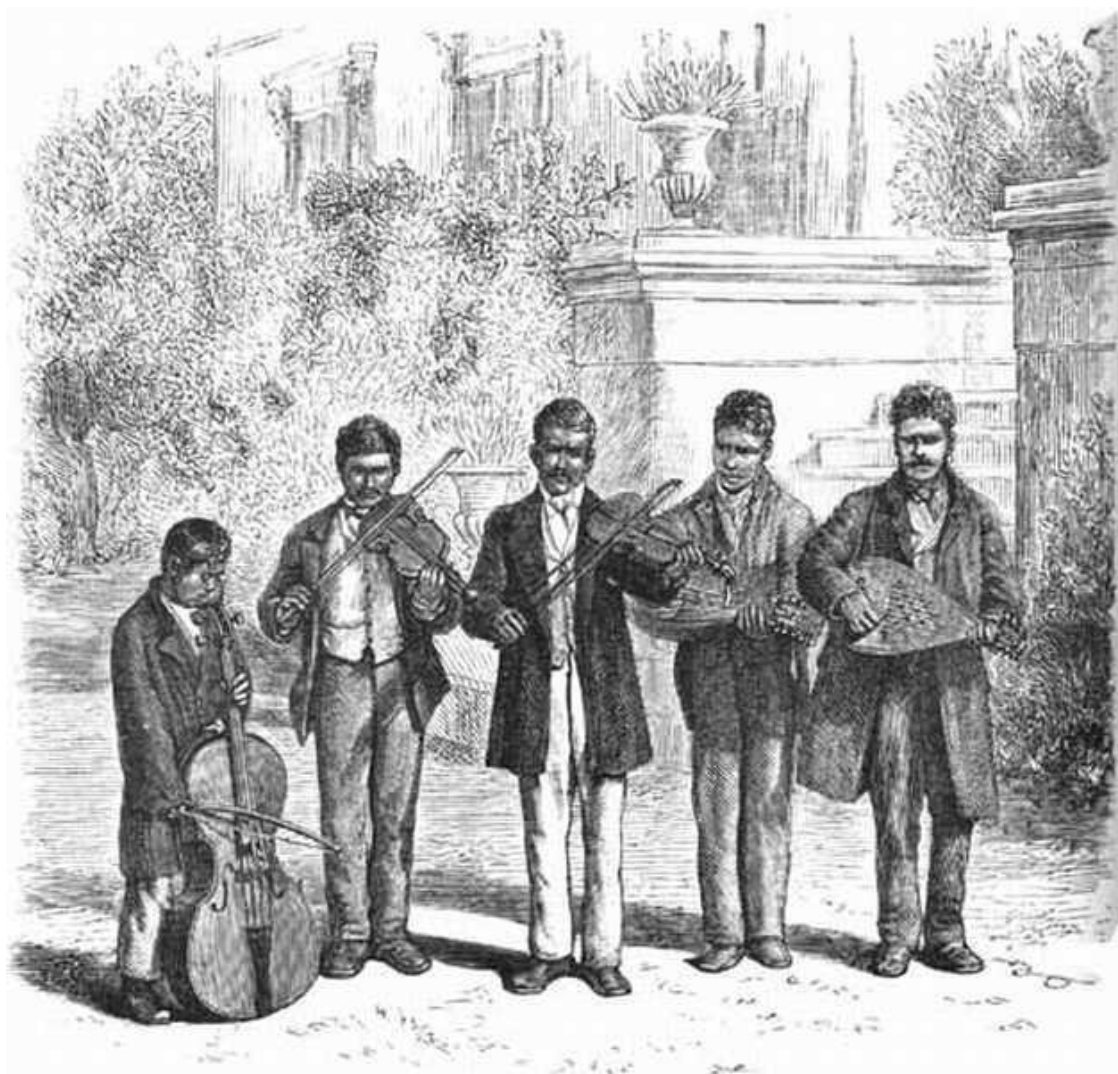

ПРОДАВЕЦ ЦВЕТОВ-ЦЫГАНКА.

Предыдущие замечания относительно рабочих классов, однако, не относятся к простым рабочим. Это главным образом цыгане, сотни которых, мужчин, женщин и детей, можно увидеть носящими кирпичи и известковый раствор и выполняющими всевозможную тяжелую работу, за которую они получают около одного-двух франков в день. Если они заняты возведением здания, они работают, готовят еду и спят в нем; в противном случае они находят убежище там, где могут. Они часто полуголые, дети иногда совсем; и их главная, если не единственная пища, которую они едят вместе со всеми беднейшими слоями общества, - мамалига, или кукурузная мука, сваренная и приправленная небольшим количеством соли. Это блюдо продается примерно по цене 2д. за 3 фунта, но его цена зависит от урожая кукурузы.

V.

Что касается самих цыган, о которых наши читатели, без сомнения, много слышали в связи с этой страной, то до недавнего времени они составляли нацию в нации, и даже сейчас они говорят на своем собственном языке и в некоторой степени стоят особняком от остального населения. Это те же самые люди, которых французы по-разному называют богемцами, немцы - зигеннерами, испанцы - гитано, турки - чингенне, а румыны - цигани, которые смотрят на них примерно так же, как белый человек смотрит на негра, между природой которого и румынского цыгана есть много сходного. Мало кто сомневается в том, что они индустского происхождения, поскольку их язык имеет большое сходство с санскритом; и когда они впервые вторглись в Румынию, вероятно, в начале пятнадцатого века, они были просто расой кочующих варваров, прибывших позже, которые вскоре были порабощены боярдами. Многие из них занялись промывкой золота в Карпатах, и часть, если не весь продукт их труда, доставался женам воевод; действительно, согласно некоторым авторам, значительное количество из них были рабынями, которых принцесса или ее чиновники не колеблясь продавали, жестоко обращались или даже безнаказанно предавали смерти.

ЦЫГАНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ.

Уилкинсон в свое время (1820) дал нам о них что угодно, только не лестное описание. В княжествах, по его словам, их было около 150 000, и "они использовали их с большей выгодой, чем другие страны, держа их в состоянии обычного рабства". Они могли постоянно подвергаться суровым погодным условиям и были пригодны для любого труда или переутомления, но их природная лень заставляла их предпочитать все невзгоды нищеты наслаждению удобствами, которые можно получить от трудолюбия. Они были ворами по собственному выбору, но "не с целью обогащения, и их кражи никогда не простирались дальше мелочей".^[35] Женщины были хорошо сложены до того, как у них начали появляться дети; оба пола были крайне неряшливы и грязны. Описание их привычек грубым языком историка было бы неподходящим для прочтения нашими читателями. Регулярной торговли ими не было, "как покупка, так и продажа производились частным образом, и обычная цена за особу обоего пола составляла от пятисот до шестисот пиастров". Он говорит, что правительству принадлежало 80 000, следовательно, более половины из них, и им "разрешалось разгуливать по стране при условии, что они обязуются не покидать ее и платить ежегодную дань в размере сорока пиастров каждому мужчине старше пятнадцати лет". Они жили в палатках недалеко от крупных городов и, по-видимому, работали ровно столько, сколько требовалось для поддержания тела и души вместе. Но, добавляет он, "они обладают природной легкостью и быстротой в

приобретении знаний об искусстве", и музыкальное исполнение было их сильной стороной. Их также использовали в качестве рабов в домах бояр, особенно на кухнях, которые они делали "не менее отвратительными, чем сосуды со свиньями". Их избивали, часто в присутствии хозяина или любовницы, и "знатные дамы, какими бы молодыми и красивыми они ни были, не проявляют особого деликатного нежелания обращаться к подобным авторитетам". Применялись и другие наказания, иногда очень бесчеловечные; и хотя хозяева не имели власти над их жизнью или смертью, если последнее было результатом слишком жестокого избиения, "ни правительство, ни общественность не обращали внимания на это обстоятельство". Бояре не только "воспитывались под присмотром этих развращенных слуг", но, поскольку женщины высших классов не имели привычки кормить грудью своих младенцев, они отдавали их в руки цыганок-кормилиц, которые передавали им их болезни и, без сомнения, влияли на мораль их последующей жизни.[36] Хотя номинально цыгане были освобождены в 1848 году, их положение осталось неизменным после подавления революции, и только в 1854 году они были освобождены окончательно. Сегодня в Румынии их номинально насчитывается 200 000 человек, и до недавнего времени они были разделены или разделились сами на отдельные касты по различным профессиям. Самыми высокопоставленными из них были лаутари, или музыканты, которые обычно выступают в группах, состоящих из четырех или пяти человек в каждой. Они обычно играют на одной или двух скрипках, мандолине и пандейских свирелях. Их музыка дикая и жалобная, издали создается впечатление, что играют на двух или трех волынках. Их заслуга в том, что они очень хорошие музыканты и способны исполнять национальные песни только на слух. Некоторые из них поднялись до положения признанных композиторов, и действительно, если уж на то пошло, многие представители цыганской расы занимают сравнительно высокие посты в других областях человеческой разведки.

РУМЫНСКАЯ ДЕВУШКА.

ЦЫГАНКА.

Другая часть - рабочие по металлу, такие как лудильщики и литейщики латуни; третья часть работает по дереву и выполняет различные обязанности, связанные со строительным ремеслом; но значительную часть по-прежнему составляют бродяги и воры, которые наводняют страну и доставляют неудобства честным крестьянам и рабочим. Последний названный класс не исповедует никакой религии и не подчиняется никаким законам, за исключением уголовного права, когда их принуждают. Оседлая часть цыганской общины принадлежит к национальной церкви; женщины целомудренны в отличие от румын, но их мораль, как говорят, очень распущена среди них самих. Однако вряд ли справедливо говорить в настоящее время о

цыганской расе в таких общих чертах. Как уже говорилось, многие из них занимают очень почетное положение в обществе; и несколько лет назад немецкий писатель предсказал то, что происходит сейчас, а именно слияние цыган с румынами.[37] Ученый филолог из Букареста сообщил нам, что этот процесс идет быстрыми темпами; касты не так четко определены; смешанные браки с румынами происходят ежедневно; многие цыгане даже не знают своего собственного языка; и их число быстро сокращается. Интеллектуально они талантливы, но ленивы. Многие мужчины, и еще больше женщин, очень красивы. Хотя на их лицах можно найти все оттенки, почти такие же, как у негритянской расы в Соединенных Штатах, черты румынских цыган, как правило, хорошо сформированы индоевропейски. Нет ничего более поразительного, чем видеть, как две женщины проходят мимо друг друга или идут бок о бок: одна румынка, белокурая, румяная и голубоглазая, другая цыганка с кожей черной, как терн, иссиня-черными волосами и черными глазами, и все же черты лица в обоих случаях схожи, и каждая женщина по-своему красива.[38]

О цыганах рассказывалось много историй, и их характер часто был окутан романтикой; но мы не можем уделить им больше места, и мы не хотим *ничего* посвящать другому классу существ, которых можно увидеть в Румынии, а именно секте липованцев, изувечивших себя, хорошо известной лицам, которые знакомы или, скорее, были раньше знакомы с Россией, из которой они были изгнаны, когда поселились в Румынии. В основном это возницы наемных экипажей, они носят русскую одежду, состоящую из длинного суконного пальто, перетянутого в талии поясом, и круглой фуражки с козырьком. Нам сообщили, что полиция прилагает усилия, чтобы задержать лидеров этой секты, которая, несомненно, является пятном на цивилизации любой страны, в которой находятся ее члены.

VI.

Румыны очень любят яркие цвета, и одна из особенностей, которая поражает посетителя Букареста, - это оттенки женских платьев, иногда, но не всегда, столь же со вкусом подобранных, сколь и блестящих. Другой особенностью является любовь к изобразительному искусству в связи с рекламой торговцев. Среди многих примеров этого в различных профессиях часто встречаются вывески, изображающие женщину, отдыхающую в своей постели после интересного события, в то время как медсестра (которая таким образом рекламирует свою профессию) держит на руках красивого младенца, вызывающего восхищение его родителей и широкой публики. Развлечения рабочего класса, да и, если уж на то пошло, всех классов, ни в коем случае не относятся к высшему разряду. Румыны любят музыку, и многие из них - опытные музыканты. Национальный театр в сезон часто посещают представители среднего класса, так же как и *кафе-шантаны* для низших слоев общества; но здесь нет интеллектуального наслаждения, как в западных странах, нет популярных лекций или развлечений, нет обществ взаимного совершенствования для любого класса общества. Если кто-то поинтересуется, какие существуют ученые общества, он, вероятно, получит, как и мы, длинный список их с внушительными названиями, и многие из них, как говорят, публикуют "Труды" (*Zeitschrift*); но поинтересуйтесь немного дальше, и вы обнаружите, что это общество не существует уже много лет, и что никто никогда не встречался — что этот "Zeitschrift" был опубликован один раз, но не во второй раз, и так далее. Географическое общество проделало хорошую работу. В 1875 году они опубликовали отчет через своего секретаря М. Кантакузено, который содержит много ценной информации о Румынии; но, к сожалению, как и в случае со всеми румынскими

статистическими отчетами, это во многих случаях отличается от заявлений других "авторитетов" и не может быть принято как заслуживающее полного доверия.

Эти замечания, однако, не применимы к исследованиям и публикациям в трудах и обзорах таких ученых, как Хасдеу, Аурелиан, Точилеско, Бакологлу, принц Джон Гика, Когалничану и многих других. Однако они полностью недоступны для широких масс, которые очень нуждаются в популярном обучении, и этот факт был признан королевой, которая не только делает все, что в ее силах, для популяризации информации посредством простых публикаций, но и, как мы полагаем, предприняла попытку, до сих пор безрезультатную, ввести систему популярных лекций.

В другом отношении город отстал от эпохи, и это касается его коммерческих механизмов. Хотя существуют крупные сделки с сырыми продуктами, с мануфактурами всех стран, с акциями и паями, здесь нет публичной биржи, нет фондового рынка, нет биржи зерна, весь бизнес осуществляется посредниками. Но если бы читатель знал, в каком состоянии была страна перед Крымской войной, он бы удивился не отсутствию таких институтов, а тому, что в них вообще была необходимость. В своей работе о румынах, опубликованной в 1857 году, Эдгар Кине предлагает в качестве средства их возрождения после стольких лет угнетения "банк", "кредитное учреждение" и железные дороги, которых в то время еще не существовало.^[39] В настоящее время между большинством важных центров существуют банки, кредитные учреждения, железные дороги и другие незавершенные проекты. На самом деле, не будет преувеличением сказать, что прогресс, достигнутый в этой стране за двадцать пять лет, в других европейских государствах потребовал одного или двух столетий; и это обстоятельство, которое большинство авторов, пишущих об этой стране, упускают из виду в своей критике. С целью возведения подходящих зданий для торговли и для государственных учреждений в целом недавно была создана корпорация, которая называет себя "Румынской компанией по строительству общественных сооружений". Его капитал составляет десять миллионов франков, а принц Деметриус Гика, президент Сената, является председателем с безупречным советом директоров, и, без сомнения, в ближайшие пять-десять лет изменения и улучшения будут такими же быстрыми, как и те, что происходили в непосредственном прошлом.

О румынских похоронах написано много, возможно, даже слишком много. В том, что они эффектны, почти до непочтительности, и что обнажение лица трупа в его глазурированном гробу отталкивает, сомнений быть не может, но они ни на йоту не хуже траурных процессий с их "аранжировками" в черном и перьях, которые все еще можно увидеть в Англии; и там, как и здесь, следует надеяться, что с улучшением национального вкуса эти выставки будут прекращены.

Однако очень отличается старомодная система *ostroï*, на которую горько жалуются беднейшие классы, все еще в моде не только в Букаресте, но и во всех других крупных городах Румынии, и еще более несправедливый подушный налог. Последний составляет восемнадцать франков с человека и взимается как с богатых, так и с бедных. Однако нет необходимости говорить больше на эту тему; ибо "Романул", ежедневный журнал, принадлежащий М. Розетти и издававшийся им в бытность министром внутренних дел (27 августа 1881 г.), содержал наиболее эффектную передовую статью против налога, из которой ясно, что его несправедливость признана в высших кругах. Что касается системы *ostroï*, то она плоха сверх всяких представлений. Муниципальный налог, иногда составляющий столько-то за 100 килограммов (от 4 до 44

франков), в других случаях *адвалорный* или, опять же, с каждого предмета, взимается почти со всего, что требуется жителям по мере того, как оно привозится в город, от еды, одежды и предметов первой необходимости до такой роскоши, как вино, искусственные цветы и экипажи. И что усугубляет пороки системы, так это то, что муниципалитет перекладывает эти обязанности на мужчин (обычно евреев), которые уклоняются от установленного графика, предоставляя кредиты нуждающимся людям, а затем вынуждая их платить непомерные проценты (если это можно так назвать) за жилье, которое они получают. Именно за подобные действия, отчасти являющиеся результатом отсутствия хорошего правительства в сочетании с непредусмотрительностью народа, а также из-за готовности евреев обратить эти и подобные обстоятельства в свою пользу, последние подверглись преследованиям, которые раньше принимали форму насилия и негодования, а теперь ограничиваются горькими оскорблениями и национальной недоброжелательностью.

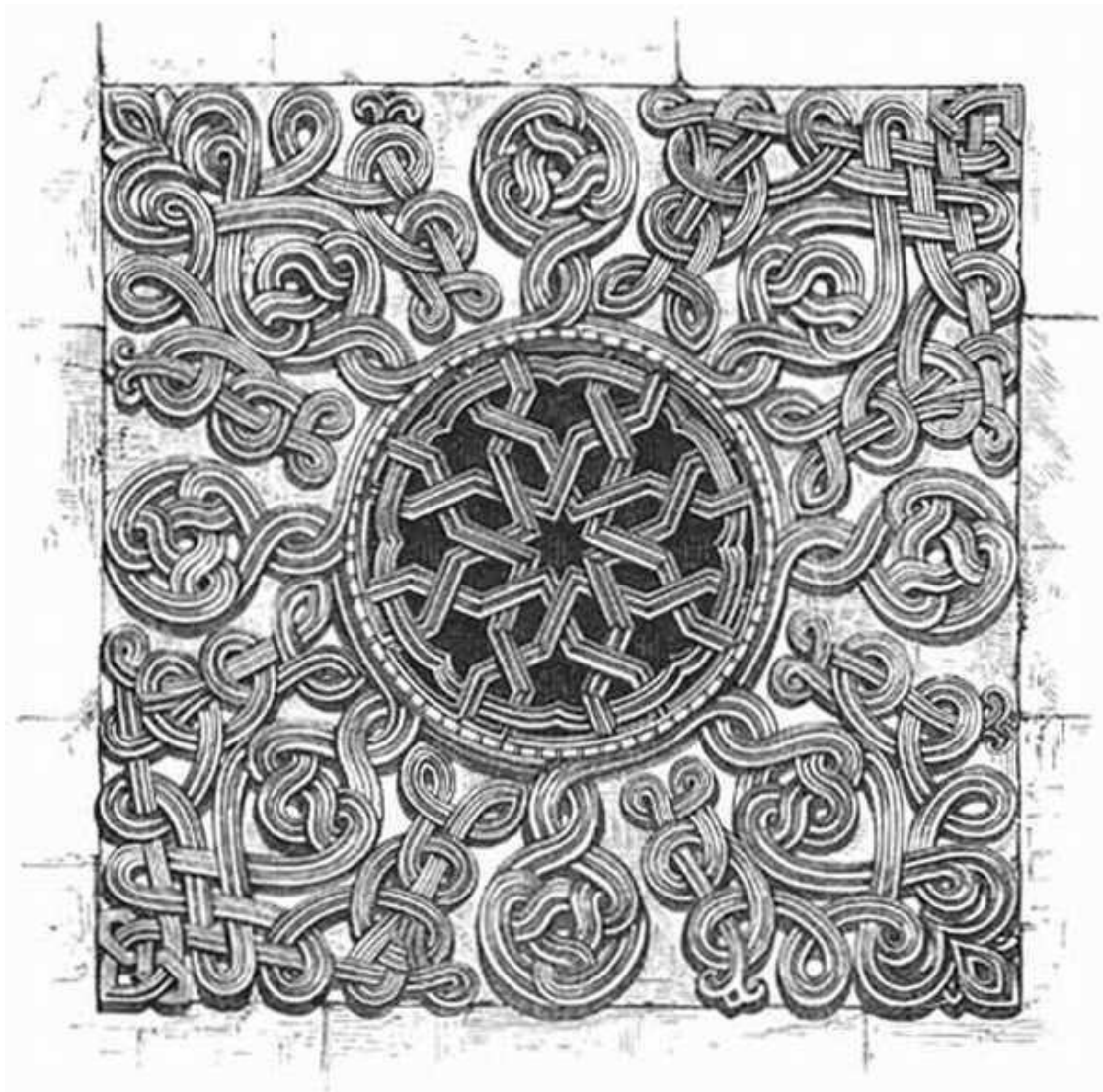
Евреи, по словам "Romania Libera" (очень неподходящее название для представителя подобных взглядов), являются хозяевами торговли в стране и отравляют все экономически. Он рекомендует создавать акционерные предприятия для продажи одежды, обуви и белья. Правительство должно считать своим священным долгом способствовать этому движению всем своим влиянием. "Евреям нечего опасаться. Мы не сбросим их в Дунай и не воздадим им сицилийской вечерней, как они того заслуживают. Превентивное экономическое регулирование гораздо более эффективно, чем вышеназванные меры".^[40] Излишне отмечать, какое пагубное влияние подобная статья оказала бы на легковозбудимый народ, ставший жертвой ростовщичества и угнетения; и хотя нет достаточно сильных выражений, чтобы применить их к виновникам таких безобразий в отношении евреев, которые опозорили виновные в них восточные нации, англичанам следует поколебаться, прежде чем возлагать вину на правительство любой страны, в которой они происходят. Евреи - главные торговцы в Румынии, и если они непомерны и ростовщичны, то встретиться с ними можно путем конкуренции и предприимчивости со стороны местных торговцев, а не путем оскорблений.

VII.

Прежде чем перейти к рассмотрению одного или двух других румынских городов, которые потребуют упоминания о торговле страны, мы посвятим несколько страниц описанию одного из самых интересных населенных пунктов, или, скорее, здания в нем, которое обычно считается его наиболее примечательной исторической реликвией, а именно церкви или кафедрального собора Куртя д'Арджес.

Небольшой городок Куртя д'Арджес, в котором есть одна или две старые добрые церкви, расположен на одноименной реке, в нескольких часах езды от станции Питешти на железной дороге Букарест и Верчиорова (Вена); это резиденция епископа и один из старейших городов Румынии. Говорят, что он был основан Раду Негру, что равносильно утверждению, что его основание теряется в неизвестности. В непосредственной близости от него находится монастырь с красивейшим собором, вокруг которого сосредоточено множество интересных исторических ассоциаций, и о котором мы предлагаем дать краткое описание.^[41] Он выполнен в византийском стиле, но архитектор использовал в его отделке большое количество мавританского или арабескового орнамента, и все здание напоминает красивый большой мавзолей. Камень, которым облицован собор, обычно называли мрамором, но это беловато-серый известняк, чем-то напоминающий литографский камень,^[42] который очень легко

обрабатывается резцом, но затвердевает под воздействием воздуха. Мы уже говорили, что он облицован этим камнем, то есть снаружи, поскольку внутренняя облицовка здания выполнена из кирпича, оштукатуренного для получения росписей. Церковь неправильной формы, состоит из квадратного блока, за которым находится большая многоугольная пристройка; все сооружение возвышается на фронте высотой семь футов, а к portalу, выполненному в мавританском стиле, ведут двенадцать мраморных ступеней, которые, как говорят, символизируют двенадцать колен Израилевых. Из квадратной основной части церкви возвышается большой купол в центре и два купола поменьше спереди, в то время как второй купол, который больше и выше центрального, венчает пристройку сзади. Купола и главки составляют вершины того, что архитекторы называют "тамбурами"; тамбуры куполов круглые, тамбуры центрального купола восьмиугольные, а тамбуры заднего, второстепенного, пятиугольные. Из всех куполов одинаково торчат перевернутые камни грушевидной формы, на каждом из которых изображен крест, состоящий из вертикального стержня, пересекаемого горизонтально тремя меньшими; кресты украшены шарами и цепочками и символизируют Троицу. На земле, напротив портала, внутри каменной балюстрады, окружающей церковь, находится изящное маленькое открытое сооружение, напоминающее святилище. Он состоит из четырех простых арабских колонн, поддерживающих ряд лепнины, образующих квадратный карниз, и увенчан куполом, грушевидным орнаментом и крестом, точно такими же, как на куполах самой церкви. Окна в корпусе церкви и на тамбурах куполов очень узкие, а окна на тамбурах или цилиндрах меньших куполов изогнуты и наклонены под углом в семьдесят градусов, что создает у зрителя впечатление, что они наклонены, примерно так же, как хорошо известный шпиль в Честерфилде. Орнамент снаружи превосходит все возможные описания. Он включает в себя большую лепнину, примерно на полпути между фронтоном и карнизом, проходящую прямо вокруг главного здания; и круглые щиты над этой лепниной, которые, наряду с окнами, украшены самым изысканным узором, в котором цветы (в основном лилии), листья и витые ленты играют заметную роль. Повсюду, на карнизах, тамбурах и балконах, целомудренные венки и короны из лилий придают ткани красоте и легкости и придают всему зданию вид сказочного сооружения.

УЗОР НА ВНЕШНЕМ ЩИТКЕ.

Внутри здание менее интересно; оно тускло освещено узкими окнами, искусственное освещение обеспечивается многочисленными канделябрами во время богослужения. Второй купол поддерживается двенадцатью арабскими колоннами, а стены и купола украшены православными фресками — Спасителем, Богородицей и Апостолами, сценами из Ветхого и Нового Завета, а также портретами князей и епископов Престола. Длина здания внутри составляет около 76 венских футов, наибольшая ширина - 41 фут. Высота двух куполов составляет 86 футов и 81 фут соответственно, а меньших куполов - 66 футов.

Если архитектура и орнамент собора прекрасны, то исторические записи, которые он содержит, еще более интересны. Это правда, что над ними, как и над всеми другими румынскими хрониками, нависла большая неопределенность, но определенные факты, связанные со зданием и его историей, хорошо установлены.

УЗОР НА ВНЕШНЕМ ЩИТКЕ.

Его архивы были унесены захватчиками, которые время от времени грабили его ценные сокровища; но несколько надписей внутри и снаружи церкви, некоторые из которых на сербском и старославянском языках, а другие на румынском, проливают свет на ее историю и строительство.

Сначала, однако, мы должны познакомить наших читателей с некоторыми легендами, которые, хотя и иллюстрируют неопределенность ранней истории страны, дадут им представление о национальной мысли и чувствах в прошлом. Согласно традиции, собор был основан "Неагу Водэ", о котором мы поговорим позже; и говорят, что, пока он был заложником в Константинополе, он построил великолепную мечеть для султана, который позволил ему увезти в свою страну излишки материалов, и что из них он построил собор по своему собственному проекту. Еще более дикая легенда гласит, что архитектором был некто Манолл или Маноле, и говорят, что у него было несколько мастеров-каменщиков, связанных с ним в работе, но объединенным усилиям каменщиков не удалось возвести здание. Неагу Вода приказал им под страхом смерти продолжить это, когда Маноле, чтобы спасти их жизни, предложил, чтобы они последовали старому обычаю (будем надеяться, легендарному) возводить женщину в фундамент; и было решено, что жертвой станет женщина, которая первой появится с провизией

для своего мужа на следующий день. Все они поклялись держать этот факт в секрете от своих жен, но Маноле был единственным, кто сдержал свое слово, и, следовательно, первой появилась его жена Утца.

Он сразу же взял ее за руку
И повел к зданию,
Затем указал, где ей следует стоять,
И начал строить:
"Будь, моя возлюбленная, без страха".
Она не прерывала его речи.

Остальные каменщики в изумлении,
Все смотрят на него с ужасом,
И все стоят поодаль,
Потому что не осмеливаются приблизиться;
Когда он мягко заговаривает с ней,
И поспешно строит ее.

"Эта шутка нехороша,
Маноле, возлюбленный мой;
Вспомни, что я мать,
И что я воспитываю твоего сына".
Но Маноле по-прежнему шутит
И торопится изо всех сил.

Он добрался ей до груди,
И она сладко поет ему;
Крепкая стена нанесла ей ушиб,
И она заливается слезами,
Но когда он закончил,
Стена с лихвой пересилила ее.

Вот средство:
И стена смогла устоять;
И после этого монастырь
перестал рушиться;
Ни ветер, ни землетрясение не сотрясают его.
Утца внутри стены поддерживает это.

Пока поэт;^[43] но легенда на этом не заканчивается. Хвастовство каменщиков было настолько высокомерным после завершения строительства собора, что Радул, или Неагу (поскольку его называют обоими именами), отдал приказ убрать строительные леса и оставил их умирать с голоду на крыше. Маноле и его спутники пытались спастись, соорудив парашюты из легкого

дерева, но когда каждый пытался спуститься, его бросало на землю и превращало в камень. Сам Маноле предпринял попытку последним, но когда он подошел к парапету, его охватил ужас, когда он услышал плач своей жены, такой же, как он слышал его, когда закладывал ее в фундамент, и, потеряв всякое здравомыслие и силы, он упал на землю. С того места, где он упал замертво, бил источник чистой воды, и фонтан, который был воздвигнут там, до сих пор известен как фонтан Манолла.

А теперь перейдем от вымысла к факту. Согласно надписи на табличке снаружи церкви, она была основана Неагу Бассарабом, князем Валахии, к которому мы будем обращаться далее в нашем историческом очерке. Сообщается, что он был очень набожным и патриотичным человеком, основал множество монастырей и восстановил кафедральный собор Тырговиштеа. Он умер около 1520 года н.э. и был похоронен в церкви в Арджесе.^[44] Однако он не дожил до завершения строительства собора, поскольку на другой табличке в церкви написано, что Джон Радул, или Радул д'Аффумаз, на которого также будет сделана ссылка в нашем историческом обзоре, создал картины в 1526 году.^[45]

В шестнадцатом и семнадцатом веках церковь была осквернена и разграблена безжалостными захватчиками, христианами (венграми), а также мусульманами, которые унесли ее сокровища, которые, как говорят, представляли огромную ценность. Однако в 1681 году князь Сербан Кантакузин, о добрых делах которого мы расскажем позже, полностью восстановил собор, как явствует из румынской надписи на табличке снаружи возле портала. Эта надпись причудлива и интересна и заслуживает места в любом произведении, претендующем на то, чтобы иметь дело с историей страны. После ряда глубоко благочестивых и нравственных размышлений далее говорится: —

Поэтому нягойский воевода Бесераб, светлой памяти, прадед моей жены со стороны матери, который был благочестивым и богобоязненным человеком, когда был назначен правительством Валахии, среди многих других добрых дел добился возведения большого и великолепного монастыря в этом городе Аргезия, наряду с другими монастырскими постройками в окрестностях, для поклонения Богу и в честь его святой матери; этот монастырь, как легко можно представить по высокому жалованью, выплачиваемому рабочим, занятым его возведением, был разрушен. должно быть, это было очень дорогостоящее мероприятие. По прошествии значительного периода фундамент и ступени начали проседать либо из-за какой-то ошибки строителей, либо из-за сырости, вызванной продолжительными дождями, которые расшатывали камни. Примерно в то же время мне, Иоганну Шербану, Кантакосинскому бесерабскому воеводе, во имя Бога, было доверено управление моими предками. Как только я узнал о ветхости монастыря, я сразу же решил восстановить здание моих предков, чтобы память об этом знаменитом принце (Ньягоэ) не была забыта, и я послал нашего боярина Донью Пепано в качестве управляющего с многочисленными рабочими, и после этого восстановил все здание там, где оно пострадало, и скрепил расшатавшиеся камни железными болтами, чтобы они могли таким образом продолжать держаться вместе, а затем я также решил пожертвовать святому монастырю доход с холма^[46] из Менешти, недалеко от Арджес, хранить все свои доходы и пользоваться ими. Это будет сделано в поддержку святого монастыря и в вечную память о нас и наших предках.

- В 1719 году, 26 августа.

- Это произошло при митрополите Кире Феодосии.

В конце восемнадцатого века Арджес был преобразован в епископство, и в начале нынешнего епископ Джозеф прилагал большие усилия к обновлению и реставрации нескольких частей собора. Надпись, посвященная этому событию, кратка:—

"Во славу Святой Троицы, во славу и восхваление Святой Девы Марии, Матери Божьей, эта церковь была восстановлена там, где она пострадала от дождя. Там, где, однако, цвет был только стерт, он был перекрашен; по наущению Иосифа, первого епископа Арджесского, при котором были выполнены и другие работы под руководством митрополита Досифея и принца Константина Ипсиланти. Руководителем работ был Мелетин (из монастыря). В 1804 году, 25 октября."

Помимо того, что эта прекрасная ткань пострадала от рук варваров разных народов, время от времени она повреждалась землетрясениями; но она пережила все эти бедствия и часто ремонтировалась, реставрировалась и украшалась с начала этого столетия. Имущество и доходы монастырей в основном использовались на светские цели, и среди тех, чьи ресурсы были значительно урезаны, есть Ardges. Однако следует надеяться, что либо благодаря государственной поддержке, либо частной благотворительности этому прекрасному памятнику средневекового искусства и ценным историческим документам не будет позволено снова прийти в упадок, и он надолго останется тем, чем является в настоящее время, - несомненно, жемчужиной Румынии.^[47]

ГЛАВА V.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ—КОММЕРЧЕСКИЙ.

Трамвайные пути в Бухаресте—Другие усилия по улучшению—Галац—Его положение на Дунае—Набережные, улицы, здания и т.д.—Важность как морского порта—Языки, необходимые для торговли там—Почти полное отсутствие английских фирм—Отчеты генерального консула мистера Перси Сандерсона—Качество британских мануфактур—(Примечание: Опыт автора)—Причины предпочтения иностранных товаров британским—Торговые договоры—Давление Австрии в ущерб Великобритании—Статистика нашей импортной и экспортной торговли с Румынией—Зарождение ее обрабатывающей промышленности—Трудности, существующие до сих пор —Война и неопределенность с инвестициями—Новый порт Констанца (Кустенджи)—Другие города Румынии—Яссы —Его положение и институты— (Примечание: противоречивые оценки его населения)—Ибраил, Крайова, Плешти и др.

Хотя многие улицы Бухареста плохо заасфальтированы, а канализация в городе несовершенна, он, по крайней мере, изо всех сил старается не отставать от других европейских городов в том, что касается современных удобств. Его главные улицы хорошо освещены газом, и он может похвастаться хорошей линией трамвайных путей вокруг и через различные районы города. Но когда мы переходим к рассмотрению того, что сейчас является вторым по значимости городом Румынии, Галацем, нам приходится отступить на несколько десятилетий назад, прежде чем мы сможем осознать его состояние. Он расположен на левом берегу Дуная примерно в девяноста милях от устья Сулины, а к востоку от него находится озеро Братиш, которое отделено от

великой реки только полосой болотистой местности. В целом он застроен более регулярно, чем Бухарест, и примерно на милю вдоль берега реки простирается деловая часть с ее причалами для разгрузки судов, погрузкой на суда иностранных агентств, лесозаготовительными складами и железнодорожными причалами для погрузки и разгрузки. В самом городе нет ничего интересного для посторонних. Улицы находятся в состоянии, чередующемся между грязью по колесо и пылью по щиколотки, осушены недостаточно, если вообще осушены, и освещены масляными лампами, из которых каждая третья обычно реквизируется. Здесь есть несколько больших общественных зданий, включая префектуру, несколько больниц, две из которых, одна под названием Святого Спиридиона, а другая, построенная во время русско-турецкой войны, были большим подспорьем для раненых всех армий. Здесь также есть кафедральный собор в его нынешнем виде и несколько греческих церквей, в одной из которых, как говорят, хранятся останки Мазепы; пара синагог и несколько других культовых сооружений. Затем есть "парк" и сад, и в целом Галац напоминает Бухарест в небольших масштабах и без его улучшений. Главным достоинством этого места, по-видимому, является постоянное водоснабжение, которое, однако, регулируется таким образом, что, пока один домовладелец поливает свой сад, его сосед не может выполнить ту же операцию, а должен терпеливо ждать, пока он закончит; и, наконец, здесь, как само собой разумеющееся, довольно много кирпичных домов, некоторые из которых одноэтажные, а некоторые двухэтажные, в которых живут очень добрые и гостеприимные обитатели.

Однако важность Галаца как морского порта - это совсем другое дело. Хотя эта страна ведет с ней очень значительную торговлю, там очень мало английских домов или агентств, основной бизнес ведется немецкими, итальянскими, греческими и французскими фирмами; и не только эти языки, но также турецкий и болгарский необходимы для торговых целей.

Основными товарами, экспортируемыми в Англию, являются, как уже говорилось, кукуруза и ячмень, а основными товарами, импортируемыми из этой страны, являются хлопчатобумажная пряжа, хлопок, шерстяные изделия, машины, скобяные изделия, столовые приборы, сухие материалы, специи, чай и сахар, но, кроме них, вряд ли найдется предмет, используемый цивилизованным сообществом, который не поставлялся бы в Румынию из этой страны. В двух замечательных отчетах, опубликованных в 1877 и 1878 годах, наш генеральный консул в Румынии мистер Перси Сандерсон провел обзор торговли между двумя странами, и он дает несколько довольно важных намеков на "честных торговцев", то есть не в том утонченном смысле, в котором этот термин недавно использовался, а в его старом добром значении "честных торговцев". "Нельзя сказать, - замечает он, - что основная масса товаров, импортируемых из Великобритании, каким-либо образом представляет собой достоверный образец ее продукции", и "среди состоятельных слоев населения уже наметилась тенденция покупать французскую или австрийскую продукцию, когда они готовы платить высокую цену за действительно хороший товар, хотя те же товары, возможно, могли бы поставляться им из Великобритании по более низкой цене".^[48] Но консул Сандерсон приводит другую причину предпочтения, оказываемого иностранным производителям, в отличие от английских. Она заключается в том, что местная торговля ведется в основном выходцами из тех стран, из которых импортируются предпочтительные товары, "хотя в Галаце нет ни одного магазина, который держал бы англичанин - кажется сомнительным, есть ли такой во всей Румынии". И есть еще третья причина, на которую он ссылается лишь случайно, но мы сомневаемся, не является ли она самой убедительной из всех. В то время как континентальные государства, и особенно Австрия, проявили мало деликатности, требуя от румынского правительства заключения

благоприятных торговых договоров, Англия оказалась в невыгодном положении в этом отношении. Нам могут сказать, что мы находимся в режиме наибольшего благоприятствования, но в лучшем случае лица, занимающие высокие посты, и чьим заявлениям можно безоговорочно доверять, проинформировали нас о том, что, хотя это очевидно и номинально так, на самом деле это не так, поскольку торговые договоры были инициированы Австрией и оформлены таким образом, чтобы отдавать предпочтение ее производителям.^[49]

Однако, несмотря на эти недостатки, наш экспорт в Румынию в целом увеличивается, о чем свидетельствуют следующие статистические данные (Министерство торговли, 1881 г.), хотя произошло небольшое снижение цен на хлопчатобумажные материалы, на которые установлен высокий тариф, и на промышленное железо.

Общий объем экспорта из Великобритании в Румынию.

	1878.	1879.	1880.
Британские промышленные предприятия	887 488 фунтов стерлингов	997,078	1 112 761
иностранная и колониальная продукция и мануфактуры	112 987	100 354	86 501
Всего	1 000 475,00 фунтов стерлингов	1 097,432	1 199 262

Общий объем импорта в Великобританию из Румынии.

	1878.	1879.	1880.
Кукуруза	587 635	805 788	558 745
ячмень	316 402	462 622	796 808
Прочие продукты	66 518	104 592	106 283
Всего	970 555	1 373 002	1 461 836

Обрабатывающая промышленность Румынии в целом едва ли находится в зачаточном состоянии, но в Галаце можно найти деревообрабатывающий завод и лесопилки самого высокого уровня, принадлежащие господам П. Гетцу и Ко. Они освещены электрическим светом и занимаются крупной и растущей экспортной торговлей; действительно, в прошлом году (1881 г.), как нам сообщили, с этого завода на завод по производству Панамского канала был отправлен груз deals & c. Есть очень крупная мукомольная фабрика, а также "Галац мыловаренная и свечная компания"; но последняя не принесла успеха, поскольку сырье, включая стеарин (который встречается в Румынии под названием озокерит), импортируется по цене, которая препятствует их прибыльному использованию. Пока мы занимаемся вопросом о мануфактурах, мы можем упомянуть, что помимо нефтеперерабатывающих заводов, упомянутых в предыдущей главе, в Румынии есть сахарные заводы в Читилле и Яссах, спичечные фабрики в Букаресте и Яссах и одна суконная фабрика. Существует множество паровых мельниц для помола муки, а также водяные мельницы для приготовления фланели.

Это кажется небольшим началом, но есть большая надежда на будущее. Те же причины, которые препятствовали процветанию Румынии в других отношениях, сделали преследование

национальной промышленности абсолютно невозможным. Уилкинсон довольно подробно остановился на этом вопросе шестьдесят лет назад. Кто бы осмелился вложить капитал в фабрики, которые могли быть сожжены или разграблены турками или русскими в стратегических или других военных целях, или которые были бы обложены непосильными налогами сюзерена для содержания его константинопольского гарема и его нуждающихся чиновников? Почва действительно не могла быть вывезена, иначе не было бы даже сельскохозяйственной промышленности. Но недалек тот момент, когда преимущества Румынии как страны-производителя станут очевидными, и когда ее местные продукты в сочетании с близостью к Дунаю и Черному морю позволят ей успешно конкурировать с другими странами, особенно с теми ближайшими соседями, у которых она в настоящее время вынуждена получать промышленные товары.

Ее государственные деятели уже признают эти факты и предпринимают соответствующие шаги. В настоящее время формируется новый морской порт в Констанце (Кустендж), который будет связан с Бучарестом и всей Румынией существующей линией до Чернаводы, а также строящейся линией до Бучареста.[50] Помимо полезности в качестве оборонительной морской станции, этот новый порт придаст импульс торговле, которая будет дополнительно стимулироваться созданием *предприятий*, до сих пор ограничивавшихся морскими портами, в Букаресте и других местах.

Но мы посвятили достаточно места Галацу и зарождающейся коммерческой и обрабатывающей промышленности страны, и прежде чем перейти к тому, что на сегодняшний день является самым важным источником ее богатства, а именно к ее сельскохозяйственным ресурсам, мы должны сказать пару слов о старой столице Молдовы Яссах. Он живописно расположен на высоте более 1000 футов над уровнем моря, на железной дороге из Пашкани (Галац-Черновиц) в Кишенефф в России. Число его жителей неизвестно, вероятно, около 75 000, и включает в себя очень большую долю евреев, которые монополизируют торговлю и банковский бизнес этого места.[51] Он стоит на трех возвышенностях, и его главные улицы были заасфальтированы по контракту с лондонской фирмой стоимостью 200 000 фунтов стерлингов.[52] Он освещен керосиновыми лампами, плохо осушен и снабжен канализацией, но обладает некоторыми важными зданиями и содержит множество прекрасных резиденций, принадлежащих мелкопоместному дворянству. Помимо университета, где работают люди со значительными достижениями, в нем есть музей, школа искусств, различные средние учебные заведения и суды, включая апелляционный суд. Примечательным обстоятельством, связанным с жителями Яссы и которое в равной степени применимо ко всей Румынии, является то, что уровень смертности среди евреев постоянно ниже, а рождаемость выше, чем у христиан, и фактически были периоды, когда еврейское население увеличивалось, в то время как остальное пребывало в застое.[53] Когда Яссы перестали быть столицей Молдавии, законодательный орган потребовал компенсации и получил ее; но, согласно только что процитированному органу, "никакой выплаты никогда не производилось и, похоже, не будет произведено".

Следующим по значимости после Галаца портом является Ибраил, или Браила, также расположенный недалеко от устья Дуная; действительно, по словам консула Сандерсона, экспорт последнего превышает экспорт первого, в то время как импорт Галаца намного выше в основном из-за его более близкого расположения к амбушюру и того факта, что пароходы впервые заходят туда. Тот же автор считает вероятным, что когда-нибудь Ибраил станет более значительным портом, чем Галац, но обоим, вероятно, помешает новый порт Констанца. Другие

крупные города, Крайова, бывшая столица Малой Валахии; Пloeшти, значительный город со множеством живописных церквей, на линии от Бухареста до Кронштадта, и узел, откуда железная дорога ответвляется на Галац, и т.д.; Тырговиштеа, бывшая столица Валахии, не расположенная на железной дороге; Питешти и т.д., все по-своему интересны, но не настолько, чтобы задержать нас, и теперь мы должны обратить наше внимание на другие этапы румынского прогресса.

В КАБАРЕ В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

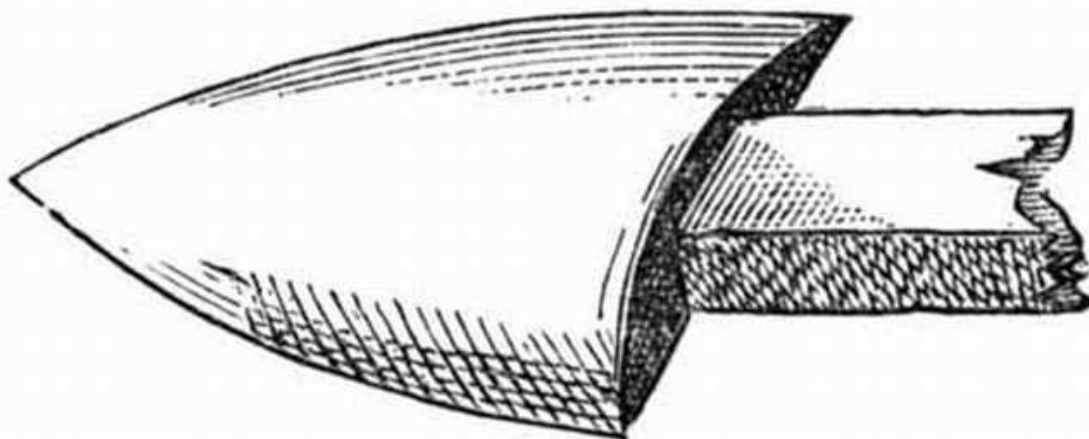
ГЛАВА VI.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СКОТОВОДСТВО —СОБСТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН РУМЫНИИ.

Обрабатываемые площади Румынии —Сравнительные оценки сельскохозяйственной продукции; пустыри и т.д.—Природа почвы—Севооборот—Сельскохозяйственные орудия—Старомодные плуги-Улучшенная техника—Урожайность зерновых —Кукуруза, пшеница, рожь, ячмень и т.д.—(Примечание: Отчет М. Джориса)—Неопределенность в отношении урожайности с акра—Оценки—Качество и ценность румынских зерновых —Неаккуратное выращивание—Затраты на выращивание зерновых—Неопределенность оценок—Нынешнее положение сельского хозяйства—Противодействие иммиграции—Конкуренция Соединенных Штатов—Крупный рогатый скот—Волы и буйволы—Овцы—Шерсть—Сыр, масло и т.д.—Возможности почвы—Табак—Хлопок—Сельскохозяйственное образование—Сельскохозяйственный и лесоводственный колледж Ферестре—М. Аврелиан—Территория и здания—Внешние устройства—Экспериментальное выращивание деревьев, фруктов, зерновых и т. Д.—Количество профессоров и учеников—Внутренние условия питания—Стоимость обучения—Лаборатория и отличные коллекции—История плуга, иллюстрированная моделями—"Школа искусств и ремесел"—Производство сельскохозяйственных принадлежностей—Школа дизайна—Крестьянство—Их история—Разновидности владения до 1864 года—Создание крестьянской собственности путем принудительной продажи земли—Успех реформы—Последующее выделение государственных земель—"Сельские обязательства"—Темная сторона— Судьба расточительных крестьян — Вынуждены продавать свой труд—Квази-рабство—Бояре или помещичье дворянство—Расточительность и запутанное состояние многих заложенных поместий—"Фермерство"— Покупка их земель трудолюбивыми крестьянами и другими лицами—Упадок бояр—Отличные качества крестьянства—Большая выносливость—Трудолюбие женщин—Образование продолжается—Светлое будущее крестьянства—Важность их процветания для государства—(Примечание: Сравнительная численность сельскохозяйственных и других классов).

Я.

Площадь Румынии, как уже указывалось в другом месте, составляет около 49 252 квадратных миль, и были сделаны оценки обрабатываемых и невозделываемых площадей, которые являются достаточно приблизительными, чтобы дать нам четкое представление о состоянии сельского хозяйства страны. Согласно этим оценкам, которые, вероятно, были сделаны в период (1864 г.), когда была создана крестьянская собственность, около одной пятой занято выращиванием зерновых, садовых продуктов и винограда; скорее менее трети приходится на пастбища и сено; одна шестая - на лес; а остальные девять тридцатых, или почти треть всей площади, все еще остаются необработанными.^[54]

РУМЫНСКИЙ ЛЕМЕХ ПЛУГА.

Глубина почвы в стране редко составляет менее трех-четырёх футов, она легко переворачивается и, как уже говорилось, обычно представляет собой темную глинисто-кремнистую землю, которая настолько насыщена гумусом (разлагающимися органическими веществами), что внесение навоза редко оказывается необходимым. Широко практикуется севооборот сельскохозяйственных культур, обычно кукурузы, пшеницы, затем под паром; но очень бедной почве, способной производить только рожь, часто позволяют оставаться под паром в течение многих лет подряд. Большая часть обработки почвы выполняется с помощью очень примитивных орудий, обычный старомодный плуг снабжен лемехом, напоминающим широкий сплюснутый наконечник гарпуна, который проникает в землю горизонтально. Однако в последние годы в обиход вошло постоянно растущее количество усовершенствованных плугов, жатвенных, косилочных и паровых молотилок. В 1873 году, согласно отчету консула Вивиана, насчитывалось около 185 000 местных плугов против примерно 38 000 импортных; но даже тогда уже использовалось почти в три раза больше паровых машин, чем конных молотилок, и с тех пор применение всех видов усовершенствованных машин значительно возросло, и несколько крупных английских и американских производителей орудий труда имеют представительства в Румынии. [55] существует мало сомнений в том, что в течение нескольких лет по-старинке сельскохозяйственные орудия полностью исчезнет; для конфигурации поверхности, которая на равнинах чем-то напоминает холмистой прерии Дальнего Запада, это особенно адаптированы для использования современных машин всевозможных типов.

Можно сказать, что в настоящее время сельскохозяйственная промышленность страны практически ограничивается выращиванием зерновых культур, особенно кукурузы, ячменя и пшеницы, а также разведением овец и крупного рогатого скота. Общий урожай зерновых всех видов был грубо оценен в 15 000 000 четвертей, что составляет лишь очень малую часть того, что могло бы быть произведено; и когда мы ищем информацию о соотношении различных видов зерновых, мы не находим ничего, кроме статистических данных, давно устаревших и расходящихся друг с другом. Однако вероятные пропорции (с учетом ежегодных колебаний) составляют половину кукурузы, треть пшеницы и оставшуюся шестую долю ячменя, ржи и проса, доля последних из которых быстро увеличивается. [56] Что касается урожайности с акра, хотя мы собрали воедино всю информацию, которую можно было получить, мы считаем невозможным установить что-либо определенное; и в этом нет ничего удивительного, если мы посмотрим на большие различия, которые существуют даже в Соединенных Штатах Америки,

где люди падки до статистики. На некоторых фермах Румынии урожайность составляет всего восемь бушелей с акра, и если бы крестьяне не владели землей и не выполняли свой собственный труд, это не окупало бы обработку; но, с другой стороны, мы слышим об очень больших урожаях на хороших фермах, и, несмотря на эти замечания, которые могли бы привести к противоположному выводу, нам из надежных источников сообщают, что с момента создания крестьянской собственности средняя урожайность с акра значительно возросла.

(Хотя невозможно установить что-либо похожее на определенный урожай, следующие цифры могут служить основой для расчетов, и они, по крайней мере, покажут, насколько существенным было общее увеличение производства зерновых: —В 1869-70 годах Вивиан дает урожай (который превышает показатели последующих лет) в 31 264 953 гектолитра. В 1881 году М. Джорис оценивает его в 45 000 000 гектолитров (один гектолитр = 2,75 бушеля). Принимая оценку М. Джориса в 15-1/2 миллиона кварталов и количество земли, обрабатываемой *под зерновые* только в 6 000 000 акров, это сделало бы среднюю урожайность *всех* зерновых чуть более двадцати бушелей с акра; и, глядя на очень большое преобладание кукурузы, ячменя, овса и ржи над пшеницей, это не кажется необоснованной оценкой. Дальше этого мы заходить не рискуем, и если читатель пожелает продолжить расследование, он найдет достаточно материалов в консульских отчетах, работах различных авторов о Румынии и серии писем, появившихся в "Таймс" в прошлом году из—под пера их лучшего корреспондента; но мы должны дать ему очень разумный и необходимый совет, который мы сами получили от ведущего государственного деятеля страны, снабдившего нас статистикой: "Il faut contrôler" - проверяйте все.)

Благодаря грубой и готовой системе возделывания в Румынии кукуруза, не требующая особого ухода, в этой стране намного лучше и ценится более высоко, чем пшеница. Последняя стоит в среднем на *5 шиллингов* за четверть меньше, чем яровая пшеница западных штатов, и это в значительной степени объясняется грязным состоянием семенной пшеницы, используемой в Румынии; в то время как, с другой стороны, кукуруза практически не уступает по качеству и стоимости американской смешанной.

Если трудно рассчитать урожайность с акра, то невозможно дать достоверную оценку затрат на выращивание различных зерновых культур. Попытки сделать это предпринимались, и в той мере, в какой они предпринимались, они, без сомнения, точны. Например, в статье "Сельское хозяйство в Румынии", появившейся в "Таймс" от 14 июля 1881 года из-под пера ее способного корреспондента, приведены оценки затрат на выращивание и доставку на рынок пшеницы, ячменя, овса, кукурузы и т.д.; Но когда мы заявляем, что урожайность пшеницы оценивается в 18,8 бушеля, кукурузы - в 22,6 бушеля, а ячменя - в 37,7 бушеля с акра, любому, кто знаком с сельским хозяйством страны, будет ясно, что это нельзя использовать для оценки средних затрат за квартал. Однако в нынешнем виде общая стоимость *заакр* рассчитывается следующим образом: —Пшеница - 66,35 франка, или (по 25,10 за 1л.) 52ш. 10д.; ячмень - 59,70 франка, или 47ш. 7д.; овес - 55,09 франка, или 44ш. 4д.; кукуруза - 59,29 франка, или 47ш. 2д.; а фермер, который является крупным землевладельцем и нанимает рабочую силу, очевидно, уделял больше внимания производству пшеницы, чем кукурузы, что обычно бывает не так. Находясь в стране, мы получили несколько оценок, но они отличались настолько сильно, что было бы несправедливо приводить среднее значение, и все, что можно с уверенностью сказать по этому вопросу, это то, что условия возделывания таковы, что указывают на постоянное увеличение производства при снижении квартальных затрат в течение некоторого времени в

будущем, поскольку внедрение усовершенствованной техники более чем компенсирует постепенное внесение навоза в почву. Однако на пути прогресса существует множество препятствий. По политическим причинам правительство препятствует иммиграции из других стран, и поэтому необработанные земли придется простаивать до тех пор, пока не наберется достаточно большое население, чтобы их обрабатывать. Румынский крестьянин очень консервативен и медлителен в движениях, но улучшенные коммуникации, современные орудия труда, поощрение сельскохозяйственного обучения и, последнее, но не менее важное, конкуренция Западных штатов Америки не могут не подтолкнуть его к увеличению усилий.

Следующим по важности после выращивания зерновых является разведение овец и крупного рогатого скота; но это имеет значение скорее для самой страны, чем для западных стран, поскольку экспорт сравнительно невелик. поголовье крупного рогатого скота, разводимого в стране, по-видимому, существенно не увеличилось.^[57] Есть три разновидности быков и один особый вид буйволов, которых в стране, по-видимому, около ста тысяч. Буйволы очень темные, почти черные, с рогами, лежащими сзади на шее животного, но в остальном их трудно отличить от обычного рогатого скота. Стоимость крупного рогатого скота, естественно, варьируется в разных частях света; быки стоят от 3 фунтов до 10 фунтов каждый, в соответствии с их размером и тягловой способностью, поскольку большая часть полевых работ выполняется этими животными или буйволами. Овцы, козы и свиньи также выращиваются в больших количествах. Шерсть первопричинных используется для прядения и ткачества, а овчины с остатками шерсти носят в качестве зимней одежды. Сыр также изготавливают из овечьего молока, и любопытным обычаем в Румынии является придавать сыру форму длинного тонкого цилиндра, при изготовлении плотно оборачивая его корой. Из него нарезают ломтики вместе со всей корой и подают гостю; это придает сыру легкий, но приятный привкус коры. Ежегодно значительные количества сыра, шерсти, сливочного масла и свиного сала экспортируются в Трансильванию, Болгарию и Турцию.^[58] Что касается Англии, то единственными другими продуктами, помимо зерновых, которые мы получаем, являются небольшие количества льняного семени и рапса; но Румыния производит просо, потребление которого растет, рожь, бобы, свеклу, которая перерабатывается в сахар на двух существующих заводах, лен, пеньку и, как мы уже говорили, виноград, а также все виды фруктов и садов. производить. Ее почва способна выращивать и раньше действительно давала очень хороший табак; но в этом вопросе она разделила судьбу Ирландии, поскольку необходимость взимания налога с этого товара привела к подавлению его роста в стране; и, наконец, опытные земледельцы заверили нас, что нет никаких причин, по которым в Румынии также не могло бы быть выращено растение, которое из всех других в наибольшей степени обеспечивает комфорт человека и процветание земли, где оно производится, а именно хлопок.

II.

Несомненно, недавнее назначение министра сельского хозяйства Румынии придаст значительный импульс важнейшей отрасли национальной промышленности, но это вопрос будущего. В настоящее время единственным важным подспорьем к прогрессу являются сельскохозяйственные школы; поскольку, хотя и проводятся небольшие осенние выставки зерна и сельскохозяйственной продукции, была проведена только одна сельскохозяйственная выставка, и та, как мы полагаем, была далека от успеха. Комитеты, однако, сформированы в

пятнадцати различных округах на основе, в чем-то схожей с теми, что существуют в наших классах естествознания и искусства, для обучения сельскому хозяйству, и их истоком и центром в настоящее время является сельскохозяйственный и лесоводственный колледж в Ферестре, примерно в двух милях от Букареста. Это заведение стоит посетить, и новичок может быть уверен в радушном приеме со стороны директора, М. Аурелиана, на опубликованные работы которого мы уже неоднократно ссылались. Работы ведутся в красивом здании, которое стоит на обширной территории недалеко от окончания Шоссе, или набережной, упомянутой в нашем описании Букареста, и его устройство и техника достойны восхищения.

Сначала о территории. Они разделены на секции, в которых проводятся эксперименты по выращиванию каждого дерева или растения, которые способна поддерживать румынская почва или считается, что способна поддерживать. Помимо обширных участков для выращивания всех видов зерновых, здесь есть небольшие грядки и плантации названных растений, цветов и овощей. Значительное место отведено виноградарству, где, помимо многих других видов, процветает калифорнийский виноград; кроме того, здесь есть многочисленные сады и коллекции фруктовых деревьев, разнообразие которых свидетельствует о богатстве и продуктивности почвы. Недостатка в пасажах нет, но на территории не разводят крупный рогатый скот.

В здании обучаются около 120 учеников, проживающих на территории, из которых одна половина посвящает свое время изучению практического ведения сельского хозяйства, а другая - изготовлению орудий труда, для чего поблизости есть мастерские (*ателье*). В университете работают десять преподавателей, шестеро из которых имеют профессорское звание. Ученики почти все крестьяне и буржуа; обучение бесплатное, и расходы государства составляют около 450 франков на душу населения ежегодно. Прием осуществляется по конкурсу, и на двадцать вакансий в сельскохозяйственном отделении в прошлом году было шестьдесят претендентов, в то время как в механическом училище количество заявок еще больше.

Организация обучения внутри здания ничем не отличается от внешней. Здесь представлены коллекции высушенных растений, семян, кусков дерева и т.д., а также меньшая коллекция геологических и зоологических образцов. В одном месте история плуга проиллюстрирована с помощью моделей, начиная с египетской, 2000 лет до н.э., и проходящей через длинную последовательность; греческой, 490 г. до н.э., римской, галльской, китайской, сиамской, примитивной румынской (уже замеченной), со многими другими моделями древних или средневековых времен и заканчивая большим разнообразием усовершенствованных современных конструкций. Там можно найти модели фруктов, различные изделия из конопли и других растительных волокон и тканей, а также многие другие объекты, представляющие интерес для агронома. Лаборатория хорошая, а полученные инструкции носят полезный и практический характер. В "Школе искусств и метрополитена", расположенных по соседству мастерских, обучают всему, что необходимо для выполнения механической части сельскохозяйственных работ. Инвентарь, прессы для вина и сыра, машины для отделения кукурузы, тележки и даже столы и стулья для дома изготавливаются студентами с помощью превосходного оборудования. Не пренебрегают и теоретической подготовкой. Помимо обучения химии, планы и фасады конюшен, зернохранилищ, коттеджей и т. Д. Должны быть нарисованы студентами, и их работа выполняется очень умело. На самом деле головное учебное заведение и его филиалы оказывают важнейшее влияние на сельское хозяйство

страны, и ни у кого, посетившего колледж Ферестре, ни на мгновение не возникнет сомнений в великом будущем, уготованном Румынии. Единственное, о чем можно сожалеть, так это о том, что средств учреждения недостаточно для полного удовлетворения его потребностей; но следует надеяться, что они будут предоставляться более щедро, чем до сих пор, богатыми членами общества, такими как крупные землевладельцы, и что не придется полагаться только на государственную помощь. Именно посредством этих учреждений крестьянин должен будет получить такое обучение усовершенствованным методам ведения сельского хозяйства, которое заставит его отказаться от своих старомодных представлений и позволит ему обеспечить адекватное вознаграждение за свой труд.

III.

Когда мы обратимся к прошлой истории Румынии, мы обнаружим, что в более ранние периоды крестьяне были первыми независимыми земледельцами; что позже они были порабощены боярами или продавали себя и свои семьи, чтобы обеспечить себе пропитание; что они были номинально освобождены от собственности местных бояр только для того, чтобы быть переданными в качестве *скутельников* чиновникам и другой привилегированной знати; и что в конечном итоге демократическое правительство и растущая власть народа обеспечили им не только фактическую свободу, но и реальную собственность на землю. земля, которую они веками возделывали для землевладельцев, живших в праздности.

Будет интересно, особенно во время нынешних попыток проведения земельных реформ в Великобритании и Ирландии, изложить здесь, что произошло в Румынии за последние несколько лет, и рассмотреть, какие дальнейшие изменения, вероятно, произойдут в результате преобразования там значительной части земли в крестьянские владения. До 1864 года в Румынии существовало три вида землевладения, в которых были заинтересованы крестьяне. Земля страны была практически поделена между боярством и государством, причем первому принадлежала гораздо большая доля. Крестьяне владели небольшим участком земли, примыкающим к их хижинам (многие из которых, как мы уже говорили, по сей день находятся под землей), и это было их несомненной собственностью. Но они обрабатывали почву на трех различных условиях или принципах. В Молдавии боярин выделял определенную часть поместья своим крестьянам для обработки для их собственного использования, а взамен последние оказывали оговоренные услуги своему землевладельцу. В Валахии часть плодов земли отдавалась боярину за право обрабатывать определенное количество земли; а в окрестностях Бухареста господствовала своего рода смешанная система. Однако в 1864 году правительство фактически заявило боярдам: "Крестьянство было лишено своего права на землю, но вы, унаследовав ее, также имеете в ней личный интерес, и теперь ваша собственность должна быть справедливо урегулирована". Таким образом, крестьянству было передано во владение около трети помещичьих земель по ценам, установленным правительством, которые должны были выплачиваться землевладельцам. Эти цены не всегда были справедливыми. Плоскогорье, которое можно было обрабатывать, оценивалось по той же стоимости, что и холмистая местность, в ущерб первой. Однако, как бы там ни было, обустройство было выполнено. У крестьян, конечно, не было денег; поэтому правительство заплатило боярам, взяв в залог права собственности на землю, и крестьяне были обязаны возвращать эту сумму государству ежегодными платежами. Правительство, в свою очередь, создало заем "Сельские обязательства", который должен был быть погашен в 1880 году, но они не были полностью погашены через год после того, как должны были быть, и часть оставшегося долга была

преобразована в новый заем, срок действия которого истечет в 1924 году. Однако это была лишь небольшая часть первоначального долга, и этот факт красноречиво говорит о трудолюбии крестьян.[59] Однако на этом перемены не закончились. Примерно через пять или шесть лет после того, как *государственные* земли были выделены примерно 50 000 крестьянам, которые в 1864 году были слишком молоды, чтобы воспользоваться эмансипацией; и это было сделано на еще более выгодных условиях: земля продавалась по старым ценам 1864 года, хотя она значительно выросла в цене, а выкупные деньги подлежали возврату через пятнадцать лет. Теперь, по сути, каждый крестьянин является собственником своего участка, и одним из мудрейших поступков, предпринятых румынским правительством, было принятие закона до истечения "сельских обязательств", который предотвратил отчуждение крестьянством своих участков в течение тридцати лет; в противном случае часть земли попала бы к ростовщикам и гарпиям, которые спекулировали на возможности обеспечить ее сохранность, когда она перешла во владение номинального собственника, путем предоставления на нее займов, как они делают на земле крестьян. расточительные домовладельцы.

Но это подводит нас к темной стороне картины. Трудолюбивые крестьяне, составляющие подавляющее большинство, заплатили за отведенные им земли, и очень многие продолжают покупать их у неимущих бояр. Многие, однако, все еще смущены, а некоторые даже фактически находятся в рабстве, и это является результатом их собственной лени и неподобающего поведения. Ибо большое число праздных или обездоленных крестьян-собственников, будучи не в состоянии заложить свою землю вследствие только что названного закона, вынуждены продавать свой труд на один, два или более лет в счет денежных выплат их землевладельцами, такие договоры разрешены государством и соблюдаются местными властями, а также обычаями и общественным мнением; иными словами, нарушение крестьянином условий привело бы его к голодной смерти, поскольку никто не обеспечил бы его всем необходимым для жизни. Насколько нам удалось установить, около трети всего крестьянства являются владельцами своих владений без залога, преуспевают и скупают дополнительную землю; примерно такая же доля владеет своими владениями, но считает необходимым заложить свой труд на один год или, возможно, на несколько более длительный срок, в то время как оставшаяся треть практически является крепостными на своих собственных фермах.[60]

IV.

Теперь что касается боярства, или старой земельной аристократии. Есть много богатых землевладельцев, и те, кто управляет собственными поместьями, являются наиболее процветающими. Значительная часть, однако, заключает контракты с субарендаторами на обработку земли за фиксированную сумму (*fermage*). Среди них многие бедны и вовлечены в бизнес. Когда мы были в Бюкаресте, "Кредит Фонсье" владел земельными титулами на сумму в пятьдесят миллионов франков, и это, вероятно, составляло около трети всех известных ипотечных кредитов страны. Примерно с 1870 года, когда уровень заработной платы начал расти в результате строительства железных дорог и связанного с этим увеличения спроса на рабочую силу, произошли важные изменения. Непредусмотрительность и *бродяжничество* послужили похоронным звоном по старому землевладельческому дворянству. Их поместья во многих случаях были скуплены *фермерами*, их субарендаторами; крестьянство приобрело значительное количество земли в дополнение к той, что была выделена им государством, а торговцы также приобрели во владение часть земли путем покупки, заложив таким образом основу влиятельного среднего класса, о котором в настоящее время вряд ли можно сказать, что

он существует в стране. Последствиями этих перемен не могут не стать развитие сельского хозяйства, предусмотрительные землевладельцы и общее процветание всей нации.

Мы несколько не решаемся проводить какие-либо дальнейшие сравнения между прошедшими земельными реформами Румынии и теми, которые проводятся в Ирландии или надвигаются в Великобритании; но некоторые разительные контрасты привлекают наше внимание. В Румынии у боярина по фиксированной цене отнималась *часть* земли и продавалась крестьянину без промедления или судебных разбирательств: результатом было, во-первых, немедленное улучшение положения крестьянина и его окончательная независимость и процветание; во-вторых, разоблачение бесполезности и беспомощности ленивого боярина-землевладельца, как только он был вынужден выполнять свои обязанности и оплачивать свой труд; во многих случаях его быстрый упадок и вымирание. В Ирландии при аналогичных условиях принимается Закон, которым в некоторой степени в прямых интересах ирландских землевладельцев и косвенно для защиты тех, кто находится в Великобритании, предлагается сохранить и изменить старые условия отношений между землевладельцем и арендатором, или передать землю путем продажи, что предполагает практически судебные процессы с их апелляциями и всеми их задержками, или бесконечный период (около тридцати пяти лет против пятнадцати) погашения. В Румынии *народ* через свой парламент установил условия передачи, и боярство было вынуждено подчиниться после столетий поборов и тирании; в Британии парламент, состоящий в основном из землевладельцев и лиц, выступающих против всех реформ, и из которого представители потерпевших партий были почти полностью исключены, искал средства правовой защиты, чему на каждом шагу препятствовала безответственная группа законодателей, которые на данный момент преобразовались в профессиональный союз землевладельцев; и массы крестьянства были вытеснены на дороги. Каким будет будущий результат ирландской земельной реформы, предсказать невозможно. Мы можем только надеяться на лучшее.

Мы уже говорили, что румынский крестьянин старомоден и медлителен в движениях, но у него есть и превосходные качества. Он обладает большой выносливостью и выдержкой и будет работать, правда, не очень постоянно, в самую жаркую погоду с пяти утра до восьми вечера, уделяя пару часов еде и отдыху в разгар дневной жары. С другой стороны, он встретит самый сильный холод с обнаженной грудью и довольствуется мамалыгой в качестве своей ежедневной пищи. Как мы уже говорили, женщины работают даже больше мужчин, к тому же выполняют большую работу по дому, которую способны выполнять только румынские женщины.^[61] Дети также работают, часто начиная с пятилетнего возраста, но зимой, с октября по апрель, они посещают школу. Как мы сейчас увидим, прогресс образования идет медленно, ибо, хотя предполагается, что школы есть в каждой деревне, многие из них закрыты и ощущается большая нехватка учителей. Образование, однако, неуклонно развивается, но пройдет одно-два поколения, прежде чем каждый крестьянин научится читать и писать. Как в городе, так и в деревне существует великое множество постных дней, которые крестьяне, однако, соблюдают не всегда. В будние дни они воздерживаются, но, хотя и не напиваются, воскресенье проводят в выпивке, и одним из величайших проклятий страны стала замена старого сливового спирта, приготовленного из зерна, на старый сливовый спирт, который раньше употребляли в пищу и последствия которого были гораздо менее вредными. Однако, учитывая все обстоятельства, будущее крестьянина отнюдь не мрачно. Если он хоть сколько-нибудь трудолюбив, он владеет своей фермой, и благодаря трезвости и усердию его имущество ежегодно увеличивается; постепенное распространение элементарного и технического образования, основы которого

прочно заложены в стране, откроет ему глаза на преимущества, которыми он пользуется; и вскоре он оценит тот факт, уже известный всем просвещенным людям Румынии, что от труда и усердия крестьян зависит не только их собственная судьба, но и будущий прогресс и процветание отечества.[62]

ГЛАВА VII.

УЧЕБНО—ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ.

Законы об образовании—Статистика—Стоимость обучения для государства—(Примечание: Сравнение с Великобританией)—Отсталое состояние образования—Несовершенное состояние университетского обучения—Румынская молодежь в Париже и других местах—Неразумность системы—Материальный ущерб для страны—Моральные недостатки—Взгляды Эдгара Кине—Противоречивые мнения в Румынии—Необходимость поощрения домашнего обучения—Приют Элен — Замечательное учебное заведение для девочек—Его основание и история—Снова доктор Давила—Принцесса Елена—Структура школы—Классы и преподаваемые предметы—Высокий стандарт для девочек подготовка учителей—Квалификация старшеклассников—Браки из приюта—Как договаривались—Мизерная оплата государственных учителей—Другие школы и учреждения—Несколько этнографических соображений—Происхождение, проиллюстрированное филологически—Латинские корни румынского языка—Примеры—Их значение—Мадьярские корни, свидетельствующие об иностранном господстве—Примеры—Румынская музыка, увековечивающая старые времена угнетения—Танцы—Описание исторического танца Герандо—(Примечание: Ссылки на работы по теме).

Я.

Теоретически образование в Румынии - это все, чего только можно пожелать; практически все обстоит совсем иначе. Статья 23 Конституции 1866 года провозглашает, что начальное обучение должно быть обязательным и бесплатным и что начальные школы должны постепенно создаваться в каждой коммуне.

В 1877-8 годах здесь было два университета (Букарест и Яссы), 96 частных школ, 55 средних и нормальных, 26 технических и специальных; 1242 школы для мальчиков, 265 для девочек и 628 смешанных начальных школ. Общее число стипендиатов, посещавших все эти учебные заведения, составило 119 015 человек (95 765 мальчиков и 23 250 девочек), а общее число учителей - 4486 человек. Общая сумма денег, затраченных на образование в том году из государственных, религиозных, муниципальных, районных и коммерческих источников, составила более 260 000 фунтов стерлингов. В 1881 году общая сумма, выделенная государством на все цели образования и общественного богослужения в течение 1882 года, составила 450 000 фунтов стерлингов. Эти цифры показывают, что при населении, превышающем пять миллионов человек, 2412 школ со средней посещаемостью почти в 50 учеников в каждой, которые получали образование по цене около 2l. 3s. per head, including those in universities, training, and all schools of every description; but the actual cost of the children taught in primary schools only was about 1l. 88шекелей[63]

Мы воздерживаемся от критики этих цифр, поскольку они не отражают нынешнего состояния образования. Многие сельские школы, как нам сообщили из достоверных источников, закрыты, а посещаемость в других значительно возросла. Помимо сбора самой достоверной информации, мы посетили школы всех видов, некоторые по несколько раз, иногда одни и неожиданно, в других в сопровождении авторитетных лиц, обычные, начальные, средние, коммерческие и районные школы, и сделанный вывод ни в коей мере не благоприятствовал *нынешнему* общему состоянию образования, хотя нет сомнения, что есть много школ, которыми хорошо руководят способные и усердные учителя, и что система будет развиваться и совершенствоваться с течением времени. Нескольких фактов будет достаточно, чтобы подтвердить это утверждение. Что касается высшего образования, то, как говорят, в 1878 году в двух университетах было 61 преподаватель и 508 студентов. Румынская молодежь, однако, как правило, не получает высшего образования в своей собственной стране, и подсчитано, что от семисот до тысячи из них всегда получают образование за границей, и главным образом в Париже. В этом нет ничего удивительного, поскольку дома нет подходящих условий, а среди вдумчивых людей это является источником большого беспокойства за будущее благосостояние страны. Рассматривая вопрос сначала в денежном свете и беря самую низкую оценку, стоимость обучения семисот молодых людей, таких как те, кого отправляют за границу, должна составлять по меньшей мере 80 000 *фунтов стерлингов* или 90 000 *фунтов* ежегодно — мы уверены, что это значительно ниже указанной отметки, — в то время как общие расходы двух университетов Румынии составляли в 1878 году около 22 000 *фунтов стерлингов*! Если бы вместо того, чтобы посылать эту крупную сумму денег в Париж и другие образовательные центры, она была израсходована дома, это стало бы средством привлечения в Румынию класса учителей, сильно отличающихся от многих из тех, кто в настоящее время удостоен звания профессора. Это было мнение, высказанное нам людьми здравомыслящими и разборчивыми в стране, и мы не готовы отличиться от них. Но есть другая, еще более серьезная опасность для страны, исходящая из системы. Отправлять юношу из дома, лишая его бдительной опеки родителей в самый опасный период его жизни, а именно в возрасте от семнадцати до двадцати одного года, само по себе является сомнительным мероприятием; отправить его в Париж - это во многих случаях верная гибель. Это не просто поспешно сформированное мнение, и, вероятно, его выражение не везде встретит одобрение. Но это исторически верно. Никто не написал более лестного отзыва о румынах, чем Эдгар Кине.^[64] В письме 1857 года он со всей возможной деликатностью затрагивает их недостатки и недочеты и намекает, что их пороки скопированы с французского; и далее он говорит:^[65] - Сыновья боярдов приезжают к нам, чтобы завершить свое образование.... Опасность для этих молодых умов, которые бесконтрольно подвергаются столь сильному очарованию, заключается в том, что даже наши пороки кажутся им санкционированными" (*consacrés*). Это правда, что он не сбрасывает со счетов систему, которая льет воду на мельницу французских академических институтов, но, предостерегая их от ловушек парижской жизни, он говорит: "Пусть они продолжают посещать нас". Что ж, они продолжают посещать их еще двадцать пять лет, и если читатель хочет знать результат, он должен спросить самих румын. Без сомнения, мнения расходятся. Есть люди, чьи взгляды заслуживают большого уважения, и которые одобряют отправку молодежи за границу вместо того, чтобы позволить им получить несовершенное образование дома, с удовлетворением отмечая жертвы, на которые идут люди с ограниченными средствами, чтобы обеспечить своим детям достойное образование. С другой стороны, взгляды профессионалов и светских людей в значительной степени преобладают в противоположном направлении. Опуская то, что, несомненно, было преувеличением, например, что 80 процентов.

из молодых людей, которые уезжают в Париж, возвращаются с совершенным знанием французского языка, *канкана*, и ничего более, мы уверены, что значительная часть не извлекает из этого такой пользы, которая оправдывала бы затраты; что они приобретают французские пороки и привычки к роскоши; и что по возвращении они без колебаний выражают свое отвращение к дому и домашним занятиям.^[66] Нам сказали, что образование за границей несовместимо с истинным патриотизмом. Как уже говорилось, эти взгляды могут быть преувеличены; но если принять во внимание истощение страны, которое неизбежно является результатом этой системы, и то, каким образом она препятствует привлечению подходящих инструкторов в Румынию, всем истинным патриотам (а румыны гордятся тем, что они такие) стоит подумать, не следует ли им в будущем поощрять предпочтение своих собственных учебных заведений учебным заведениям других стран; и это мы говорим, несмотря на тот факт, что в последние годы молодежь в некоторых случаях отправляли в наши английские университеты и государственные школы, а не в городские. В Англии эти соображения настолько серьезно относятся к главам семей, что быстро развивается движение за то, чтобы приблизить высшую форму образования как можно ближе к дверям родителей, о чем свидетельствует недавнее создание университетов и колледжей в Манчестере, Лидсе, Ливерпуле и Уэльсе. И если возникнут какие-либо сомнения относительно осуществимости такой реформы, ее можно решить, не выезжая за пределы столицы Румынии, где есть учебное заведение для девочек, столь же уникальное, сколь и хорошо организованное.

II.

"Приют Элен" в Бухаресте, хотя номинально это учебное заведение для подкидышей, на самом деле предоставляет множество образовательных преимуществ, которые можно найти только в женских колледжах Англии и Соединенных Штатов. Большая часть ученых - подкидыши или сироты; но многие платят за свое обучение, а некоторые девочки - дочери родителей, занимающих признанное положение в обществе. Первоначально школа была тем, за что она себя выдает до сих пор, - приютом для подкидышей, который находился в частном доме, принадлежащем доктору Давиле, который до сих пор является активным руководителем этого учреждения. В то время в нем обучалось всего сорок детей. В 1862 году принцесса Элен Куза, дама большой добродетели и доброжелательности, встала во главе учреждения, и в 1869 году было возведено нынешнее здание. Если Сельскохозяйственный колледж с его территорией заслуживает восхищения, то тем более приют Элен. Это роскошное здание, стоящее на возвышенности, окруженное прекрасными плантациями, к которому ведут прекрасные аллеи, в то время как его образовательные условия столь же превосходны, сколь и само учебное заведение благотворно. Королева - его покровительница, и она очень заинтересована в его успехе. В нем обучаются 230 девочек в возрасте от девяти до девятнадцати лет, большинство из которых, если не все, живут в учреждении, и двадцать маленьких детей, получающих образование по "системе Фребеля". Ученицы посещают четыре начальных класса, а затем переходят либо в пять высших женских классов, либо в техническую школу (*ателье*), также расположенную в том же здании, в то время как многие проходят подготовку в качестве учителей. Обычный курс обучения длится пять лет, к которому добавляется один год для последнего названного класса ученых. Предметами, преподаваемыми в четырех начальных классах, являются румынский язык и история, письмо, арифметика, рисование, музыка, элементы физики, шитье и вышивки, в то время как обучение продвигается все дальше и

дальше, пока в пятом классе для девочек (девятом в школе) девочкам не преподают румынскую, французскую и немецкую литературу, всеобщую историю и географию, рисование с натуры и моделей, рисунки для вышивки, геометрию и перспективу, естественную историю, минералогию, химию, вокальную музыку, рукоделие, бухгалтерию и т.д., и в самом высоком классе из всех (для учителей) девочек учат румынской, французской и немецкой литературе, всеобщей истории и географии. в дополнение к французскому и немецкому языкам добавляются геология, физиология, космография и итальянский. Коллекции и приспособления, облегчающие обучение этим предметам, превосходны: химические и физические лаборатории, небольшой музей естественной истории, геологии и т.д., библиотека, рабочие кабинеты, студия художников, театр, где дети дают представления и декламируют, а также простые гимнастические снаряды. Несомненно, многие ученики ограничивают круг предметов, в которых они пытаются преуспеть, но за что мы можем поручиться, дважды посетив школу с доктором Давилой и увидев учеников в Asyle, а также в их летних покоях, женском монастыре в Карпатах, так это за то, что их хорошо учат, и что некоторые из них были бы достойны самых продвинутых учеников в любой школе, которую мы посетили. Готовность, с которой они отвечают на все вопросы, будь то практического или теоретического характера, на языке, который им не является родным, столь же удивительна, сколь и похвальна. Многие, конечно, занимают скромное положение в жизни, и их ограниченный интеллект делает их пригодными только для того, чтобы стать домашними слугами, призванию, для которого, следовательно, их готовят; другие становятся учителями в государственных и других школах, в то время как некоторые, о которых уже говорилось, становятся украшениями общества, в котором они впоследствии возвращаются. Все они были хорошо накормлены и одеты и, казалось, были счастливы и благодарны за свои блага. Многие девушки выходят замуж из этого учебного заведения, и способ их выдвижения не совсем соответствует нашим английским представлениям на этот счет. Учитель или какой-либо другой молодой человек обращается в комитет с просьбой познакомить его с подходящей девушкой, и если они удовлетворены его респектабельностью и его средствами содержания жены, они выясняют, какая из девушек желает выйти замуж, и после того, как молодая пара встретится два или три раза, если они понравятся друг другу, заключаются переговоры о браке (точно так же, как в случае с королевскими семьями Европы)! Свадьба проходит в Приюте, невеста получает свое приданое и очень приличное небольшое приданое, и это событие всегда является поводом для большого ликования, в котором доктор Давила не преминет принять видное участие. Эти браки, сказал он нам, почти в каждом случае оказывались счастливыми, гораздо чаще пропорционально их количеству, чем аналогичные события за пределами учреждения.

Учителям в приюте Элен довольно хорошо платят, высший класс получает около 50 фунтов стерлингов в год на питание и ночлег; но это ни в коем случае не относится к школьным учителям в Румынии в целом. Мы закрывали уши от очень многих вещей, которые отдавали скандалом во время нашего визита в страну, но это была одна вещь, которую невозможно было игнорировать. Оплата труда государственных учителей действительно настолько мизерна, что они навязывают это детям тех родителей, которые нанимают их частными репетиторами, чтобы заработать на жизнь, в ущерб другим ученым.

Приют Элен частично поддерживается благотворительными фондами, частично - государственной помощью, и управляется комитетом. В связи с этим в Пентелеймоне также есть школа для мальчиков, основанная семьей Гика и реконструированная королем Карлом в 1868 году, к которой пристроена больница для инвалидов.

Государственная школа подготовки девочек в Букаресте - замечательное учебное заведение, возглавляемое образованной и энергичной дамой, которая выразила глубокое сожаление по поводу того, что нехватка достаточных средств помешала им конкурировать с Приютом Элен, который признан высшим учебным заведением.

В Букаресте есть также немецкая "Реальная школа", основанная доброжелательным немцем, в которой преподают все, что можно пожелать; но что касается Государственной нормальной школы для юношей, предназначенных в качестве сельских учителей, — что ж, мы воздерживаемся от выражения какого-либо собственного мнения. Один ученый друг намекнул кое-что о применении динамита ко всему концерну; и если бы это можно было сделать без ущерба для человеческих жизней, возможно, это был бы наилучший путь.

Однако единственный факт, связанный с состоянием образования в Румынии, который обращает на себя наше внимание, - это вопрос обучения молодежи страны дома.

Начальное образование, несомненно, будет прогрессировать; оно в значительной степени зависит от правительства, и со временем появятся учителя, готовые внедрить превосходную систему в ее целостности; но что касается прикладной науки и высшего образования в целом, это зависит от самих родителей; и, изменяя хорошо известную поговорку, это сводится к вопросу "Румыны для Румынии или румыны для Франции?"

III.

И это напоминает нам о вопросе, на который мы должны сделать краткую ссылку, хотя он будет более полно рассмотрен ниже, а именно, об этнографическом характере народа Румынии; ибо, хотя, к сожалению, в практической повседневной жизни и в политике они в настоящее время недостаточно полагаются на свои собственные внутренние ресурсы, нет сомнений в том, что теоретически они очень чувствительны и гордятся своей национальностью. Для незнакомого человека, приезжающего в страну на короткий период, это самый запутанный вопрос из всех; но изучение ее истории и тщательное рассмотрение мнений известных писателей выдвигают на первый план определенные факты, которые не могут не быть интересными. Исходя из количества племен и народностей, которыми страна в разное время наводнялась, непредвзятый мыслитель не может прийти к какому-либо иному выводу, кроме того, что, как и мы, румыны представляют собой смешанную расу, хотя латынь, несомненно, преобладает; и к свидетельствам истории можно добавить свидетельства языка и обычаев страны. Язык не только представляет разнообразие, возникшее в результате господства различных рас, но в некоторых отношениях указывает на природу этого господства, и обычаи имеют такое же значение. Как правило, румынский язык происходит от латыни, но в нем много слов турецкого, новогреческого, польского и венгерского или мадьярского происхождения. Среди латинских слов есть названия многих населенных пунктов и городков, которые, очевидно, существовали со времен римской империи, о чем свидетельствуют:—

Латинская	Румынская	Английский
Данубиус	Dunărea	Дунай
Porata	Prutu	Pruth
Ardiscus	Argesu	Ardges

Алутус	Олту	Олто
Севери Туррис	Турну-Severinu	Свою Очередь Северин
Никополь	Nicopolu	Никополь
Каракаллы	Caracalu	Каракал
Dravus	Драва	Прогнал
Карпаты	Карпаты	Карпаты

Затем, опять же, среди распространенных названий вещей и качеств есть объекты, которые не могли измениться, такие как части тела, хорошо известные животные всех эпох и т.д., как, например:-

Латинская	румынская	английский[67]
Аква	АПА	воды
Аурум	Auri	золото
Феррум	Фер	утюг
султанка	Bărbatu	а (бородатый) человек
капут	крышка	головки
Манус	Mână	силы
Насус	НАН	нос
полой	вина	вен
ОС	ОС	кость
Окулус	Ochiu	глаз
руки	Deget	палец
пес	Picior	ноги
впалая	делают rept	груди
Канис	Câne	собаки
поездок	Пеше	рыба
господин	Domnu	Господь
Умбра	Umbră	тени
Frigidus	Frigu	холодной
Calidus	Caldu	теплый
Альбус	АЛБ	Белый
Нигер	Негру	черный
Каса	Каса	коттедж

и так далее по всему словарю обычных вещей и атрибутов.

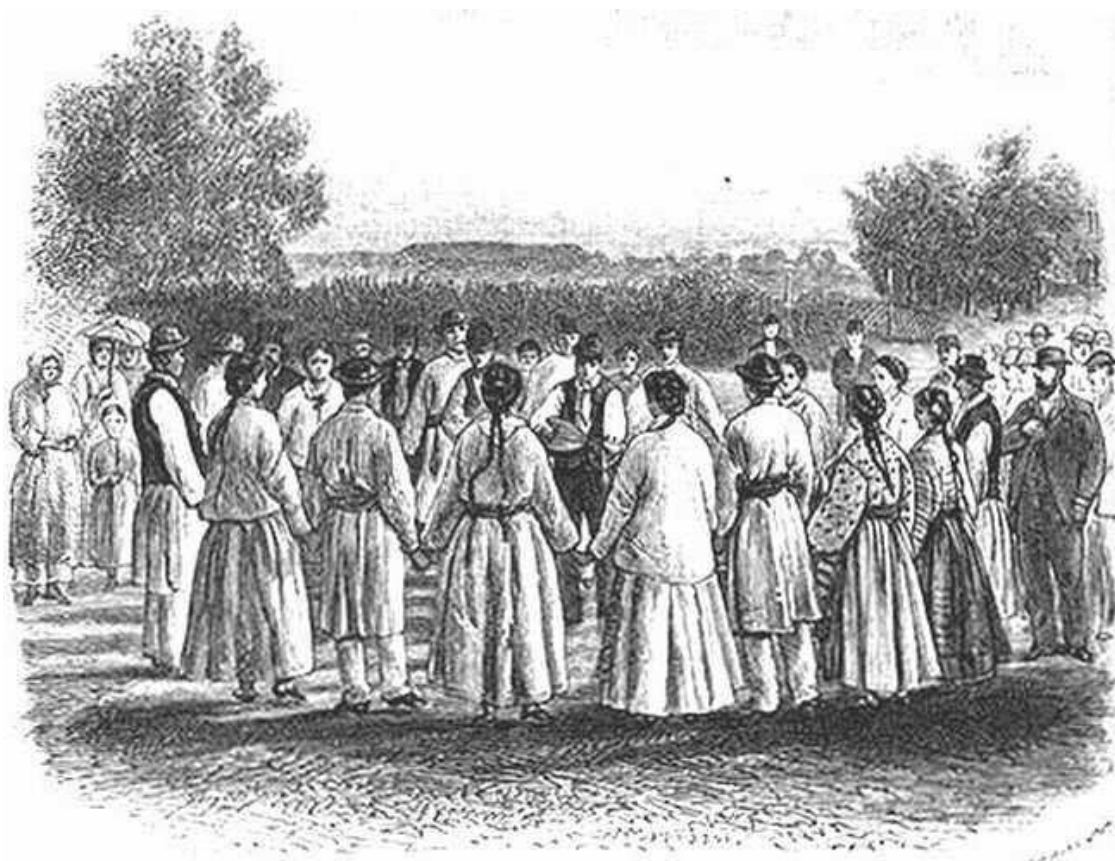
С другой стороны, когда мы приступаем к изучению слов варварского происхождения, мы обнаруживаем, что они относятся к характеру господствующей расы и их господству над туземцами. Если мы возьмем, к примеру, слова мадьярского или венгерского происхождения,

мы обнаружим, что они обозначают войну, завоевание, добычу полезных ископаемых, налогообложение, наказание и т.д., такие как *baia*, мой; *bănuî*, каяться, сожалеть; *bereî*, лес; *bicao*, оковы (на ногах); **bir*, подушный налог; *birău*, судья; *bitangu*, бродящий; *bucni*, наносить удары; *buzdugănu*, военная дубинка; *căţănîe*, солдаты, солдатские привычки; *cheltúi*, щедро дарить или тратить; *făgădău*, питейный магазин; *giulus*, рейхстаг или национальное собрание; *hodnogiî*, лейтенант (от *had*, война); *hotar*, граница; **lanţîi*, цепь; *odorbureu*, палач; **табара*, лагерь, война, войско; *варда*, сторожевой дом; и так далее.[68]

Помимо этих слов и оборотов, заимствованных из латыни и варварских языков, есть и другие, относящиеся к церковным вопросам, заимствованные из греческого; действительно, изучение языка само по себе является интересным историческим исследованием, и если теперь мы обратимся к искусству и обычаям румын, мы обнаружим такие же интересные связи с ее прошлой историей.

О музыке лаутари мы уже говорили. Это странно и жалобно, и любой, кто внимательно слушал песни, исполняемые некоторыми из этих групп, не мог не быть поражен их "красноречивым" характером, тем, как они дают выход попеременно чувствам радости и печали, скорби и ликования, и, подобно музыке Польши и т.д., напоминают о покоренном состоянии людей в прошлом. Как с музыкой, так и с танцами. Писатель, к которому мы обратимся позже, М. Опитц, описал "Гору", национальный танец румын, как иллюстрацию их покоренного состояния, а недавний проницательный наблюдатель оставил нам свои впечатления на ту же тему.

"Я помню один танец (говорит он), название которого я забыл, но который мне чрезвычайно понравился. После того, как танцоры сделали один или два шага парами по кругу, мужчины отделились от женщин. Последние двигались поодиночке вокруг мужчин, как будто искали какой-то дорогой им предмет. Затем мужчины собрались вместе и переставляли ноги, как марширующие солдаты; затем, используя свои длинные палки, они делали неровные прыжки и издавали громкие крики, как будто были вовлечены в битву. Женщины бродили вокруг, как тени. Наконец мужчины с радостными жестами бросились к ним, как будто они нашли их после большой опасности, вернули их в круг и затанцевали с радостью и воодушевлением. Здесь мы видим, насколько сильна традиция. Этот танец - настоящая поэма! Кто знает, о каком давно забытом вторжении варваров это воспоминание?"[69]

"ГОРА", НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ РУМЫНИИ.

Из этих нескольких иллюстраций будет видно, как язык и обычаи Румынии переплетены с ее прошлой историей. Мы лишь коснулись края темы; но мы убеждены, что это плодотворный источник интересных исследований, и поэтому призываем тех, кто способен следить за этим, уделить этому свое внимание.[\[70\]](#)

ГЛАВА VIII.

СУДЕБНЫЙ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС.

Судебная практика Конституции—Суды Румынии—Кодекс Наполеона—Жалобы на покровительство—Пенитенциарная система—Отмена смертной казни—История и последствия отмены—Статистика—Тюремная система—Злоупотребления—Перечисление тюрем—Трудоустройство заключенных—Декоративно—прикладное искусство среди них—Предметы, сделанные ими—Отсутствие воспитательных мер—Криминальная статистика (и примечание)—Посещение "промежуточной" тюрьмы Вакарешти—Старого монастыря—Описание тюрьмы—Сцена во дворе—Подследственные заключенные в кандалах—Беспорядочные половые сношения заключенных—Пагубные последствия—Взгляды "тюремного надзирателя" на систему—Различные классы заключенных—Мягкое обращение с ними—Частичная занятость—Гарантии от мятежа—Посещение исправительной соляной шахты в Дофтани (или Телеге)—Прежнее обращение с заключенными—Медленная смерть—Нынешнее обращение—Условия каторги—По сравнению с работой наших шахтеров—Злоупотребления—Спуск в шахту—Ее состояние—Неземные звуки и зрелища—Огромная соляная пещера—Пол пещеры—Заключенные на работе в цепях—Способ добычи и подъема соли—Освещение шахты для посетителей—Возвращение на поверхность—Посещение исправительного учреждения—Его порочащее состояние—Предполагаемые случаи мошенничества с заключенными—Общее мягкое обращение с преступниками в Румынии—Использование труда заключенных—Сравнение стоимости и результатов систем в Румынии и Англии—Благоприятно для Румынии.

Я.

Как и в случае с образованием, так и в отношении судебной и пенитенциарной системы, Конституция Румынии содержит множество замечательных положений (статьи 13, 18, 104, 105 и т.д.) о поддержании справедливости и пресечении правонарушений. Равные права, обычные трибуналы, быстрое разбирательство дел с участием присяжных, отмена смертной казни - вот прекрасные принципы, на которых основана судебная система; но ни там, ни, если уж на то пошло, ни в какой другой стране они полностью не претворяются в жизнь. Существует один кассационный суд с секциями и Счетная палата в Бухаресте, Апелляционные суды в Бухаресте, Яссах, Крайове и Фокшанах, а также суды низшей инстанции в главном городе каждого округа. Принят французский Юридический кодекс с изменениями, которые не заинтересуют наших читателей; но уголовная система в некотором роде уникальна и вполне заслуживает более пристального изучения. О жалких условиях осуществления судебной власти в Бухаресте мы уже говорили при описании столицы. Судебные процессы - это очень утомительно; насколько больше, чем в Англии, мы сказать не можем. Существует множество жалоб на покровительство при назначении судей, большинство из которых - сравнительно молодые люди и политические приверженцы. Это предлагается исправить путем того, что практически было бы всенародными выборами; будет ли лекарство хоть сколько-нибудь лучше самой болезни, остается под вопросом. Пенитенциарная система, как мы обнаружили, действующая в Румынии, мягкая, утилитарная и неряшливая; и если все, что нам рассказали, правда, мы, боюсь, должны добавить, что она ни в коем случае не свободна от коррупции.

Англичан больше всего интересует отсутствие смертной казни и замена принудительного труда пожизненным или на длительный срок, а также использование каторжных работ на соляных

копях и в других местах. Смертная казнь прекратилась *де-факто* в 1852 году; поскольку, хотя юридически она не была отменена, ни тогдашний правитель, принц Сирби, ни его преемник, принц Куза, который управлял объединенными княжествами, не подписали бы смертный приговор. Она была юридически отменена в 1865 году, и Конституция 1866 года провозглашает, что она не может быть восстановлена, за исключением случаев совершения военных преступлений. С тех пор, как были внесены изменения, произошло не увеличение, а скорее уменьшение числа преступлений, караемых смертной казнью; поскольку, хотя население удвоилось в городах, где преступления с убийствами наиболее часты, количество правонарушений существенно не увеличилось. Следующие рисунки [71] подтверждают это утверждение:—

Общее количество преступлений и обвинительных приговоров за убийство.

Год,	Направлений,	Убеждений
1869	248	185
1870	249	154
1871	267	140
1872	327	204
1873	455	258
1874	258	167
1875	236	169
1876	386	250
1877	307	187

Наказанием за умышленное убийство теперь являются пожизненные каторжные работы, другие этапы совершения убийства - от пяти до двадцати лет, в обоих случаях - работы в шахте. В случаях детоубийства, если отпрыск незаконнорожденный, это расценивается как непредумышленное убийство. Ниже приводится краткое изложение, с нашими собственными комментариями в скобках, отчета о тюремной системе, который был любезно предоставлен нам инспектором тюрем Румынии, усердным, благонамеренным и в высшей степени вежливым чиновником, как и все румынские чиновники.

II.

Пенитенциарные учреждения делятся на два класса: "профилактические" и "центральные". В центральных тюрьмах существуют три вида наказаний: принудительный труд, заключение, называемое "затворничеством", и исправление. Мужчины, приговоренные к принудительным работам, работают в шахтах (каким образом, мы сейчас увидим) в дневное время, а ночью они спят над землей в тюрьме. По воскресеньям и праздничным дням они не работают. Продукт труда осужденных по праву принадлежит государству, но для поощрения заключенных им отдается три десятых. (Мы можем сразу сказать, что это неверно применяется на практике, поскольку из личного опроса мы знаем, что многие из них вынуждены тратить свои заработки на обеспечение предметов первой необходимости.) Престарелых и немощных переводят в тюрьму Козия, где они ткут и т. Д. Заключенные, приговоренные к "затворничеству", работают на кожевенных заводах и на канатных дорогах, как, например, в тюрьме Маргинени, и они имеют

право на четыре десятых продукта своего труда. В исправительных тюрьмах осужденные обрабатывают землю, изготавливают кирпичи и т. Д. И имеют право на половину своей заработной платы. Во всех тюрьмах осужденным разрешается использовать свой досуг для изготовления предметов обихода или украшений из материалов, предоставленных им властями, которые продаются посетителям, и государство выделяет им часть плодов их труда. (Мы обнаружили, что эти изделия прекрасно сделаны. Они состоят из стаканчиков для яиц, ножей для бумаги, вилок, ложек и т. Д., Вырезанных из дерева и напоминающих аналогичные предметы, сделанные в Швейцарии и Шварцвальде. Один заключенный сделал табакерку из теста, раскрасил и украсил ее искусственными цветами из того же материала, так что ее нельзя было отличить от фарфора; другой выковал стальное лезвие топора, протравил поверхность и насадил его на полированный стержень из черного дерева с острым концом, образовав миниатюрный ледоруб, и так далее.)

Для заключенных проводится религиозная служба, но, насколько нам удалось узнать, никаких образовательных средств нет, хотя, согласно различным отчетам, которые были нам переданы, гораздо большую долю заключенных составляют румыны, которые не умеют ни читать, ни писать.^[72]

Общее число лиц, мужчин и женщин, содержащихся в шестнадцати государственных тюрьмах Румынии в 1880 году, *включая подследственных преступников*, составляло 5252 человека, или примерно один на тысячу всего населения. Из них 850 подвергались принудительному труду на шахтах, а 2491 были заключены в тюрьму за менее серьезные преступления. Только 265 были несовершеннолетними и около 100 или 150 женщинами. Станный контраст с нашей уголовной статистикой. Помимо заключенных государственных тюрем, на 1 января 1881 года в окружных тюрьмах содержалось 1665 человек, осужденных за мелкие правонарушения.

III.

Одним из самых примечательных явлений в глазах постороннего человека, посещающего Румынию, является использование монастырских зданий в мирских целях. Синайский монастырь, по крайней мере в настоящее время, является королевским дворцом; больница Кольца в Букаресте - старый женский монастырь. В Бребу (или Бреду), недалеко от Кампины, находится монастырь, пристроенный к приюту Элен в качестве загородной резиденции для девочек; государственные архивы хранятся в монастыре князя Михаила в Букаресте, который был выделен в качестве резиденции ученого филолога профессора Хашдеу, в чье ведение они переданы; и точно так же "промежуточная" тюрьма Вакарешти - это большой монастырь недалеко от Букареста, башни которого хорошо видны, когда въезжаешь в город по железной дороге из Джурджево. При приближении к этому зданию, стоящему на значительном возвышении, по дороге из столицы, единственной особенностью, которая привлекает внимание и показывает, что это не обычный монастырь, является часовая, расхаживающий взад-вперед снаружи, но в тот момент, когда вы входите через портал, становится очевиден его истинный характер. Вы оказываетесь в большом квадратном загоне, или, правильнее говоря, в обширном четырехугольнике, в центре которого стоит церковь обычного византийского образца, а четыре стороны четырехугольника представляют собой старые монастырские здания высотой в два этажа, переоборудованные под камеры и общежития заключенных, кухню, мастерскую по изготовлению книг в бумажных переплетах (*картонные коробки*) и помещения тюремного начальства. Сцена, открывающаяся при входе в это место, действительно странная

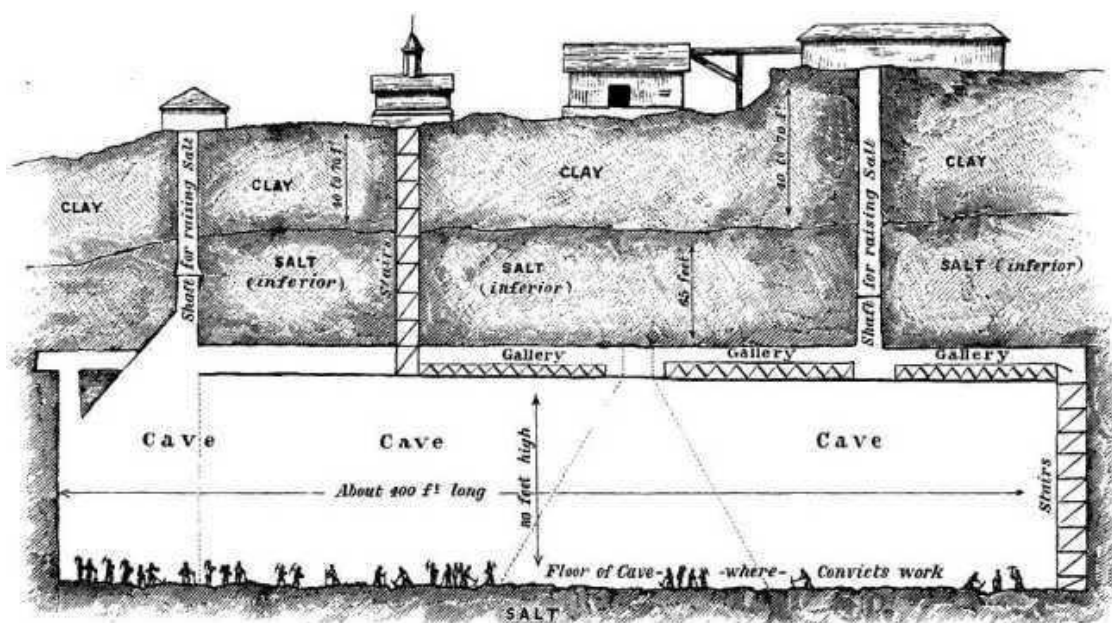
и напоминает то, чем, должно быть, была тюрьма Флит в ее лучшие времена, с некоторыми очень существенными изменениями. Это вместилище различных категорий заключенных, мужчин и женщин, ожидающих суда, и других лиц, отбывающих короткие сроки заключения. Все они, по случаю нашего визита, находились на свободе в суде, и некоторые из названных в первую очередь обвиняемых в убийстве были закованы в цепи за лодыжки по приказу "судебного исполнителя". Таких закованных было около дюжины, и перед нашим уходом (нашим гидом был главный инспектор тюрем) эти люди горько жаловались на тяготы пребывания в цепях, хотя, как они утверждали, были невиновны. Все классы заключенных, казалось, общались без ограничений, и хотя царил идеальный порядок, такая свобода общения должна быть, и действительно является, крайне нецелесообразной и вредной. Молодые люди, новички в криминале, сбиваются в стаи с закоренелыми преступниками, и судья-инструктор, с которым мы впоследствии говорили по этому поводу, сказал нам, что свободное общение сильно провоцирует преступление. "Молодые люди, - сказал он, - которые при первом предъявлении обвинения склонны признать свою вину и раскаяться, предстают перед нами после временного приостановления рассмотрения их дел с совершенно другой историей, очевидно, подсказанной каким-то закоренелым преступником, с которым они познакомились в тюрьме промежуточного заключения".

Здесь были представлены все сословия, от сравнительно хорошо одетого мошенника и фальшивомонетчика до крестьянина и полуголой цыганки. К заключенным, по-видимому, относятся снисходительно, и тем, кто не осужден, разрешается покупать такую еду, какую они пожелают. Камеры и общие помещения не очень чистые, но они удобны по сравнению с камерами в другой тюрьме, о которой пойдет речь в настоящее время; вентиляция за дверями хорошая, а открытый двор обладает всеми преимуществами здорового учреждения для выздоравливающих. Еда казалась очень вкусной; конечно, суп был таким же, и в целом не могло быть никаких жалоб на жестокое обращение, хотя некоторые мужчины были, на достаточных основаниях, помещены в одиночную камеру. Главными недостатками являются свободное общение между заключенными, отсутствие чистоты, отсутствие средств для получения образования и лишь частичная занятость заключенных, некоторые из которых заняты на книжной фабрике, в то время как большая часть бездельничает. Наш гид, старший инспектор, выразил большое беспокойство по поводу улучшения системы и, как обычно, сослался на нехватку необходимых средств. Хотя, по-видимому, некоторая свобода не соответствовала, как нам казалось, тюремной дисциплине, все попытки мятежа были бы легко подавлены, если бы они возникли; поскольку в казармах, прикрепленных к тюрьме, всегда находится около девяноста солдат, и заключенные хорошо знают, что неповиновение будет немедленно подавлено и наказано. Но мы достаточно рассказали об этом грубом и готовом способе борьбы с более легкими формами преступности и теперь должны попросить наших читателей сопровождать нас в несколько неприятной, но интересной экскурсии в одно из заведений, где худшие из осужденных искупают свои преступления против общества, — соляную шахту для каторжников.

IV.

В Румынии есть пять соляных шахт,^[73] на двух из которых работают заключенные, а ту, которую мы предлагаем посетить, - это шахта Дофтана, широко известная как шахта Телега, которая расположена недалеко от Кампины, станции на железнодорожной линии, примерно на полпути между Плоешти и Синаей. Однако, прежде чем спуститься в шахту, возможно, будет интересно

узнать несколько подробностей, касающихся обращения с заключенными. Это мужчины (никогда женщины или молодые люди), приговоренные к каторжным работам сроком на десять и более лет, и до 1848 года они жили, или, скорее, умирали медленной смертью, полностью в шахте. Они были вынуждены спать в одежде на полу из каменной соли; никогда не видели дневного света после того, как однажды вошли в шахту; и каким бы ни был номинальный срок их заключения, болезнь и неестественное окружение неизменно обрывали их жалкое существование примерно через четыре года заключения. Теперь они работают в шахте с 8 утра до 16:00 зимой и с 6:00 до 18:30 летом, а затем, покинув ее, направляются в тюрьму, расположенную примерно в миле отсюда. Они работают группами по шесть-семь человек, и каждый мужчина обязан добывать не менее 700 килограммов (около 14 тонн) соли в день. За это количество они получают или, по крайней мере, *им начисляется* 30 процентов их заработной платы, которые устанавливаются тарифом, а за все, что превышает 700 килограммов, они получают половину своей заработной платы. Они рассчитываются из расчета четырнадцать сантимов за 100 килограммов до 600 и восемнадцать сантимов за 100 килограммов для всего вышеперечисленного. Что касается собственно труда, мы без колебаний заявляем, что он далеко не такой изнуряющий и болезненный, как труд тысяч наших английских шахтеров, помимо того, что он свободен от опасностей, которые постоянно нависают над нашими бедными шахтерами, но людям приходится сталкиваться с некоторыми серьезными и совершенно ненужными лишениями. Одна из них заключается в том, что они ничего не едят до полудня, и поэтому, если они не покупают еду на свои заработки, они должны ходить пешком на свою работу и трудиться с нее в течение нескольких часов на пустой желудок; другая заключается в том, что благожелательные намерения государства в отношении стимулирования оплаты труда сводятся на нет пренебрежением или нечестностью некоторых должностных лиц. Заключенные теперь редко отбывают свой срок. Либо их сроки сокращаются за хорошее поведение, либо в некоторых особых случаях определенное количество людей прощается королевской милостью, и нам сообщили, что они редко умирают на каторге. А теперь давайте спустимся в шахту, что, по мнению читателя, облегчит процесс, если он будет любезен представить ему наш небольшой план, который составлен по чертежу инженера участка, фактически используемого на месте.

УЧАСТОК СОЛЯНОЙ ШАХТЫ ТЕЛЕГСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ.

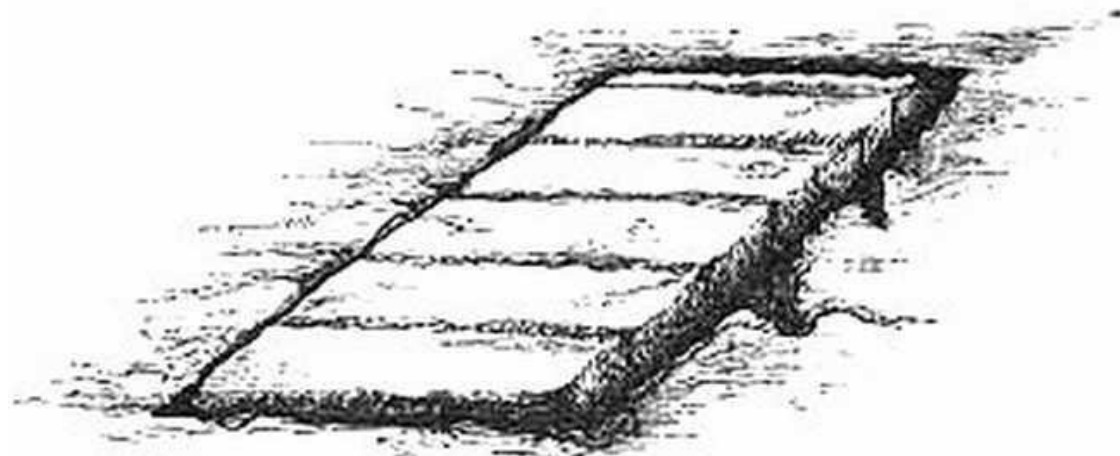
Спуск осуществляется пешком по вертикальной цилиндрической шахте, используемой только для этой цели и разделенной через определенные промежутки платформами, которые сообщаются друг с другом хорошими широкими деревянными лестницами. Посетителю выдается зажженная свеча, прикрепленная к концу палки, которая в то же время служит отличным средством проверки чистоты или загрязненности воздуха в шахте, поскольку чем ниже он спускается, тем чаще он будет обнаруживать, что его свет гаснет из-за углекислого газа, образующегося главным образом в результате выдоха заключенных. В шахте нет горючих газов, и люди работают при открытых фонарях. Спускаясь по лестнице за лестницей, посетитель начинает осознавать присутствие людей в шахте, поскольку странные неземные звуки все отчетливее доносятся до его слуха по мере того, как он приближается к длинной галерее, пересекающей шахту на глубине около 110 футов под поверхностью; и этот эффект становится еще более странным из-за окружающей темноты, рассеиваемой только слабым светом его свечи и свечей его спутников. Время от времени он слышит глухое эхо человеческого голоса, произносимого урывками и сопровождаемого непрерывным лязгом цепей, от которого у него кровь застывает в жилах, пока он до некоторой степени не привыкнет к этому звуку. Шахта, по которой он спускается, вырезана и закруглена с большой точностью, сначала в смеси глины и каменной соли, а затем в самой твердой каменной соли. Чтобы сделать его непроницаемым для воды, он найдет стены, кое-где обшитые бизоньими шкурами.^[74]

Добравшись до горизонтальной галереи, посетитель проходит по ней, пока не достигает платформы, огражденной забором или перилами, а затем оказывается у свода огромной пещеры, которая, вероятно, не похожа ни на что, что можно было бы увидеть где-либо еще.

Мы побывали во многих странных местах и были свидетелями многих впечатляющих сцен как на поверхности земли, так и под ней, но признаемся, что ни одна из них никогда не была сравнима с этой. Кругом темно, за исключением того места, где наши свечи отбрасывают слабый отблеск на ближайшие окрестности, и далеко внизу мы теперь слышим голоса, а также бряцание цепей осужденных, более непрерывно и отчетливо, и видим множество огоньков, порывисто танцующих маленькими группами. Это свечи заключенных, которые группами добывают

каменную соль на полу пещеры.[75] Продолжая наш спуск по другому лестничному пролету, или, скорее, серии лестничных пролетов, мы, наконец, достигаем того этажа, который находится примерно в 200 футах от поверхности, и там мы оказываемся в окружении убийц, грабителей и самых отбросов криминальных кругов Румынии. С нами нет охраны; и, в самом деле, какая польза была бы даже от небольшого эскорта против примерно двухсот пятидесяти отчаянных головорезов, вооруженных кирками, если бы они сочли нужным объединиться для нападения на наш маленький отряд? Однако у них нет такого намерения, и посетитель испытывает скорее боль и скорбь при виде стольких здоровых парней, закованных в кандалы, чем страх в их присутствии.[76] Способ, которым они получают соль, заключается в вырезании в полу продолговатой формы, углублении до тех пор, пока она не станет напоминать насыпь, а затем разрезании сформированного таким образом блока поперек на более мелкие и разделении соли на куски.

Их работа, которой легкие цепи практически не мешают, если вообще мешают, выполняется кирками; и, как уже говорилось, они поднимают таким способом от 700 до 1400 килограммов (от 14 до 28 тонн) в день, которые доставляются на поверхность через специальную шахту.

СОЛЯНАЯ НАСЫПЬ НА ДНЕ ШАХТЫ ПЕРЕД РАЗРУШЕНИЕМ.

Пещера имеет 80 футов в высоту и 400 футов в длину, и есть еще одна, поменьше, расположенная под прямым углом к ней, обозначенная пунктирной линией на плане, и каждая ее часть, пол, крыша и стены, сделаны из твердой каменной соли. Любопытный эффект производят служащие шахты, которые сбрасывают массу зажженной пакли через шахту, используемую для подъема соли, в то время как посетители стоят внизу; это частично освещает пещеру при спуске и показывает ее огромные размеры. Но ничто больше не удерживает нас в этой огромной камере преступления, поэтому мы снова поднимемся по лестницам и выйдем на свежий воздух и солнечный свет над землей. Тюрьма, в которую заключают осужденных после выхода из шахты, находится примерно в миле отсюда, и когда мы едем туда, то встречаем небольшие группы заключенных, бредущих в том же направлении, и на ногах у них кандалы. Это большое строение, похожее на барак, с грязными спальными комнатами, где мужчины лежат длинными рядами на убогих тюфяках. Воздух в этих общежитиях зловонный, и для их окуливания используется горящая смола. Один из наших товарищей, молодой румын, заметил, что в течение дня осужденные дышат атмосферой, загрязненной их собственными выделениями, в то время как ночью они задыхаются от паров смолы. Их еда достаточно полезна и состоит из мамалыги и супа. Для приготовления последнего заключенные получали,

теоретически, мясо из расчета 100 граммов (3-1 / 2 унции) на душу; но когда мы начали тщательный поиск некоторых из них, в результате были обнаружены только кости, и один из джентльменов заметил, что мясо было съедено за милю отсюда, то есть в квартирах определенных должностных лиц, в то время как кости достались заключенным. Как бы то ни было, был признан один факт, а именно, что в результате некоего процесса обращения, известного только посвященным, осужденный редко получает свою долю заработка и, конечно же, получает не больше пищи, чем необходимо для поддержания тела и души вместе. Говорят, что они тратят свои заработки на роскошь, и, вероятно, некоторые могут так поступать; но то, что чиновникам плохо платят и что трудно найти честного сотрудника, - это заявления, которые мы слышали от авторитетных лиц, дискредитировать которые было невозможно.

Однако, как мы уже говорили, тюремные правила разработаны с учетом благополучия осужденных, за исключением того, что ничего не делается для их воспитания. Но суровых наказаний не существует; если человек плохо себя ведет, его цепи укорачивают, а за очень плохое поведение наказывают одиночным заключением. Как нам сказали, заключенных никогда не бьют плетью или иным образом плохо обращаются; и если это правда, что люди, которых отправляют туда за грабеж, сами часто становятся жертвами грабежей со стороны чиновников, министр, возглавляющий соответствующий департамент, несомненно, примет меры, чтобы предотвратить продолжение такого незаконного примера.

И, в конце концов, есть еще одна фаза этого вопроса, которую нельзя упускать из виду, когда мы критикуем институты молодой нации, которая только что добилась своей независимости, и первым шагом которой была отмена мстительного смертного приговора "жизнь за жизнь". Первый закон природы - самосохранение, и Румыния по-прежнему вынуждена экономить во всех департаментах государства, чтобы поставить свою национальную полицию — свою армию — на прочную основу. Удивительно, как она может руководить своим министерством юстиции даже так, как она это делает. Ее труд заключенных используется настолько эффективно, что это приносит ей солидную прибыль. Ее общие расходы на все судебные и уголовные дела в 1880 году составили менее 170 000 *фунтов стерлингов*. при населении в 5 000 000 человек, в то время как число жителей всего в семь раз больше, государственные расходы Великобритании в том же году составили огромную сумму в 5 922 443 *л.*, не считая тяжелого местного бремени по защите жизни и имущества. И все же и жизнь, и имущество в Румынии, безусловно, в такой же безопасности, как и в Англии, без недоузда или кошки, двух варварских средств предотвращения преступлений, которые все еще используются в нашей хваленой западной цивилизации.

ЧАСТЬ II.

ИСТОРИЧЕСКИЙ.

И вот

арена плывет вокруг него; он ушел

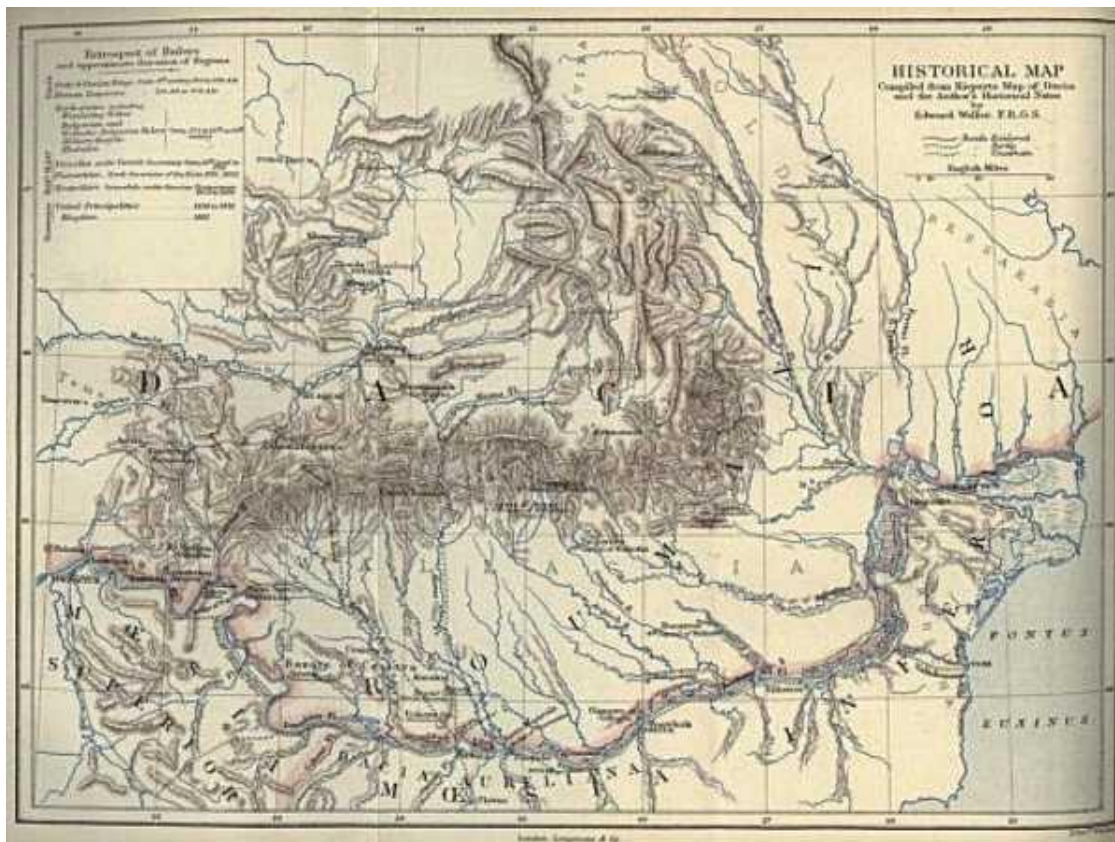
Раньше, чем смолк нечеловеческий крик, приветствовавший победителя.

Он услышал это, но не обратил внимания; его глаза
Были устремлены к сердцу, а оно было далеко:
Он не думал ни о потерянной жизни, ни о призе,
Но там, где стояла его грубая хижина на берегу Дуная,
Там были его юные варвары, все в игре,
There was their Dacian mother—be their sire,
Butchered to make a Roman holiday.
Все это было залито его кровью. Неужели он умрет,
Не отмщенный? Восстаньте, готы, и утолите свой гнев!

Паломничество Чайльд Гарольда, iv. 140.

Он был больше
, чем простой Александр, и, не запятнанный
домашней кровью и вином, безмятежно носил
Свои суверенные добродетели — до сих пор мы боготворим имя Траяна.

Паломничество Чайльд Гарольда, iv. 111.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА

ГЛАВА IX.

ОТ ГЕТОВ (ОКОЛО 335 г. до н.э.) ДО КОНЦА РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ДАКИИ ТРАЯНА (ОКОЛО 274 г. н. э.).

Геты; их предполагаемое происхождение и история—Даки; их происхождение и миграции —Их вторжения в римские провинции—Их царь Децебал—Его сражения с Корнелием Фускусом и Терцием Юлианом—Легенды о нем—Домициан платит ему дань уважения—Траян—Его первая экспедиция против даков—Его предполагаемый маршрут—Инженерные сооружения римлян—Поражение и подчинение Децебала—Триумфальное возвращение Траяна в Рим—Барельефы на колонне Траяна—Описание первой экспедиции оттуда—Децебал разрывает мирный договор—Вторая экспедиция Траяна—Захват и самоубийство Лонгина—Поражения даков—Прибытие римлян к Сармизегетузе и ее разрушение даками—Самоубийство Децебала и его вождей—Дакия римская провинция—Приблизительные границы—Мнение Карры о колонистах—Адриан разрушает мост Траяна—Продолжительность и упадок римской власти в Дакии—Готы и вандалы побеждают императора Деция—Их побеждает Марк Аврелий Клавдий (называемый Gothicus)—Постоянный уход Аврелиана из Дакии—Противоречивые мнения историков относительно эвакуации—Взгляды Гиббона, вероятно, верны—Характер колонистов, оставшихся в Дакии.

Я.

хотя самые ранние достоверные упоминания о Румынии или, правильнее говоря, о Дакии, римской провинции, включавшей Румынию, Трансильванию и некоторые прилегающие территории наших дней, относятся не более чем к столетию, непосредственно предшествующему христианской эре, из трудов Геродота, Диона Кассия и других ранних историков можно почерпнуть немало информации *о гетах*, расе, от которой произошли даки. Геты, по всей вероятности, были ветвью фракийцев, которые были среди первых переселенцев с Востока; и за некоторое время до того, как они появились в Дакии, которая была расположена на северной стороне Дуная (или Истера, как его называли римляне), они поселились между южным берегом этой реки и Балканами (гора Хемус у римлян). Однако примерно в четвертом веке до нашей эры геты пересекли реку, либо оттесненные на север враждебным соседним племенем трибалли, либо в результате роста самой нации. Когда греки впервые столкнулись с ними, они занимали восточную часть Дакии, доходя, вероятно, до одной части Черного моря; и некоторые сведения о них дает Овидий, который был сослан в их окрестности, но о них мало что известно, пока они не вступили в контакт с римскими армиями. Геты не представляют для нас непосредственного интереса, но поскольку мы находим связанные с ними имена Филиппа Македонского, Александра Македонского и Лисимаха, несколько слов об их связи с этими героями, возможно, будут уместны и, по крайней мере, помогут установить определенный период в истории народа. Говорят, что пока они все еще находились на южном берегу Дуная,

они были союзниками Филиппа в его походе против скифов и в его борьбе с трибаллами; но Александр Македонский нашел их на северном берегу реки, когда он предпринял завоевание фракийских племен перед своим походом в Персию. Говорят, что он переправился через Дунай в неясно определенном месте (335 г. до н.э.) и разбил около 10 000 пеших и 4000 всадников. Они укрылись со своими семьями в деревянном городе, из которого их тоже изгнали, и бежали в степи, спасаясь от победоносных греков. Теперь мы обнаруживаем, что имя Геты изменено на имя даков,[77] и в событиях, последовавших за правлением Лисимаха, они известны под обоими обозначениями. После смерти Александра Македонского Лисимах унаследовал Фракию, а впоследствии приобрел Македонию и Малую Азию; но для того, чтобы обезопасить названную территорию, он счел необходимым справиться с варварскими племенами, которые сформировали коалицию против него. Их он победил; но поскольку геты или даки под предводительством своего царя (эллинизированного) Дромихета сотрудничали с варварами, вскоре после этого он предпринял экспедицию в их страну к северу от Дуная. Проникнув на их бесплодные равнины, он потерпел поражение и был взят в плен вместе со всей своей армией. Согласно некоторым греческим авторам, дакийский царь обошелся с ним с большим великодушием; но все сходятся во мнении, что последний освободил его только за какой-то выкуп, либо деньгами, либо территорией. Пейджет думает, что ему удалось заполучить большое сокровище, поскольку было найдено много тысяч золотых монет, некоторые из которых носят имя Лисимаха. "У меня есть некоторые из этих монет, - говорит он, - и хотя многие были переплавлены евреями в Валахии, которым их переправляли через границу в буханках хлеба, они все еще [1850] очень распространены и часто используются трансильванцами для изготовления печаток и других украшений".[78]

Со времен Лисимаха до времен Августа Цезаря мы почти ничего не слышим о гетах или даках, и поэтому мы перейдем к тому, что можно назвать римским периодом.

II.

Некоторые современные авторы придерживаются мнения, что, когда римляне впервые познакомились со страной к северу от Дуная, они обнаружили два родственных или германских племени: гетов на востоке и даков в западной части территории; но, согласно Диону Кассию, римляне называли всех жителей к северу от Истра "*даками*", независимо от того, были ли они фракийцами, гетами или даками, и существует вероятность, что геты постепенно распространились по равнинам на запад, затем овладели Карпатскими горами и спустились вниз. на равнины Трансильвании.[79] Их крепости, называемые фортами или городами, были построены из дерева и располагались в горах, и именно там происходили их самые ожесточенные сражения с римским оружием до их полного порабощения.

Первое, что мы слышим о них, это то, что под предводительством могущественного вождя Бурвисты, или Боребеста, они покорили своих соседей, бойев, ясигов и, вероятно, другие племена, на восточной границе своей территории, изгнав их из своих владений, и с этого времени они появляются как отдельная нация, постоянно угрожающая безопасности римских провинций по соседству. Говорят, Юлий Цезарь намеревался напасть на них незадолго до своей смерти, поскольку они периодически совершали набеги на империю, особенно на Мисию, страну, лежащую между Дунаем и Балканскими горами, владение которой закрепилось за римлянами. Каждую зиму, как только Дунай замерзал или покрывался льдом, они спускались со своих горных укреплений, пересекали широкий поток и несли огонь и меч на римскую

территорию. Прежде чем последний народ успел собрать свои силы, их варварский враг отступил, и, поскольку река снова открылась, даки попытались предотвратить высадку римских войск, или, если это им не удалось, они благополучно отступили в горы, куда римляне опасались следовать за ними. Даки ни в коем случае не были презренными противниками. Хотя многие из них сражались с непокрытой головой и были одеты в легкие туники, они были хорошо знакомы с использованием доспехов и владели штандартами, щитами, шлемами, нагрудниками и даже кольчугами и пластинчатыми кольчугами, сражаясь луками и стрелами, копьями, дротиками и коротким изогнутым мечом, чем-то напоминающим серп.[80]

Они сражались как верхом, так и пешими, и говорят, что они посылали ливень отравленных стрел в ряды своих врагов. Об их дальнейших действиях как на войне, так и в мирное время у нас будет возможность поговорить позже. Примерно в 10 году до н.э. император Август послал одного из своих генералов, кн. Лентула, наказать их за то, что они вторглись в Паннонию и опустошили ее под командованием вождя Котисо, но экспедиция оказалась безрезультатной, и в течение долгого ряда лет они продолжали беспокоить Империю, часто угрожая захватить целые провинции. Одно из таких предприятий упоминается Тацитом:

Примерно в то же время среди даков, народа, на который никогда нельзя было положиться, начались волнения, а поскольку легионы были выведены из Месии, не было силы, способной внушить им страх. Они, однако, молча наблюдали за первыми изменениями в делах. Но когда они услышали, что Италия охвачена войной и что все жители с оружием в руках выступают друг против друга, они ворвались на зимние квартиры когорт и кавалерии и сделали себя хозяевами обоих берегов Дуная. Затем они приготовились сравнять с землей лагерь легионов, когда Муциан послал шестой легион остановить их, услышав о победе при Кремоне и опасаясь, что грозные иностранные силы вторгнутся в Италию с обеих сторон, даки и германцы совершат вторжения в противоположных кварталах. В этом, как и во многих других случаях, удача улыбнулась римлянам, приведшим Муциана и силы Востока в этот квартал, а также в том, что мы уладили дела в Кремоне в самый последний момент".[81]

Однако именно в правление императора Домициана набеги даков приняли наиболее грозные масштабы. Примерно в это время, вероятно, даки разделились на несколько племен, и один вождь, более могущественный, чем остальные, обеспечил себе главенство над всей нацией. Этот вождь известен историкам как "Децебал", хотя существуют большие расхождения во мнениях относительно того, было ли это его имя или титул.[82] В 86 году н.э. он собрал большое войско и, переправившись через Дунай в Мисию, разбил и убил претора Оппия или Аппия Сабина, захватив несколько римских крепостей и оттеснив их армию к подножию горы Хемус. Как только стало известно о поражении и положении римских войск, Домициан собрал армию в Иллирии и отдал ее под командование Корнелия Фуска, полководца, отличавшегося скорее храбростью, чем опытом, который вступил в Мисию и, обнаружив, что Децебал, согласно прецеденту, отступил за Дунай, последовал за ним в его собственную страну, однако, в свою очередь, потерпел поражение и был убит. После этого римляне снова переправились через реку, оставив позади свой багаж и множество пленных. Тацит с большим негодованием пишет об этих неудачах: —

"Так много армий в Месии, Дакии, Германии и Паннонии погибло из-за безрассудства или трусости их генералов; так много людей с военной репутацией и многочисленными

когортами потерпели поражение и были взяты в плен; в то время как продолжалось сомнительное соперничество, но не за границы Империи и берега приграничных рек, а за зимние квартиры легионов и обладание нашими территориями".[83]

Говорят, что в то время, когда происходили эти события, Домициан добивался успехов и предавался всевозможным излишествам, но, к счастью для него и для чести римского оружия, другому полководцу удалось остановить волну вторжения и в конечном итоге (89 г. н.э.) перейти в наступление. Это был Терций Юлиан, который уже отличился в Мессии при Отоне и Веспасиане. Последовав за Децебалом в его собственные владения, он не удовлетворился пребыванием на равнинах, но преследовал его в его горных убежищах, где полностью разгромил его в жестоком сражении и вынудил просить мира. Именно в отчетах об этой экспедиции впервые упоминаются регулярные дороги в Дакии и упоминаются два перевала, Вулкан и Ротентурм (или Красная башня). Названо также место под названием Тапэ, недалеко от которого, как говорят, Юлиан сверг Децебала и где впоследствии Траян одержал победу над тем же царем; но передвижения Юлиана вызывают столько сомнений, что будет лучше пока отложить какие-либо упоминания об этих местностях. Весь рассказ о кампании Юлиана в Дакии смешан с легендарными преданиями. Говорят, что он угрожал столице Дакии Сармизегетузе и что ему удалось бы захватить ее и подчинить себе всю страну, если бы не хитрость Децебала, который приказал срубить деревья в человеческий рост в лесах, через которые римлянам приходилось проходить, и одел их в доспехи, которые настолько напугали солдат, что остановили их продвижение. Согласно другому рассказу, он перерубил стволы деревьев, но позволил им устоять, и когда римляне попытались прорваться с помощью своих боевых машин, деревья упали на них и убили. Было ли это из-за трудностей, с которыми столкнулся римский полководец, пытаясь справиться со своим воинственным врагом в его горах и лесах, где военное искусство, применяемое первыми, было не так легко применить, как на равнинах, или из-за более вероятного обстоятельства, что Домициан потерпел неудачу в экспедиции против двух других племен, квади и маркоманнов, и нуждался в поддержке Юлиана, несомненно то, что попытки Децебала были наконец приняты благосклонно, и в 90 году с ним был заключен мир, который был менее благоприятен для победителей, чем для побежденных. Децебал отказался лично вести переговоры с римским военачальником, но послал одного из своих военачальников (некоторые историки называют его братом), с которым были оговорены условия. Согласно римским свидетельствам, Децебал освободил римских пленников, признал верховенство Домициана и принял суверенитет из его рук. Впоследствии, однако, выяснилось, что это был не весь договор, и что Домициан согласился выплачивать дакийскому царю ежегодную дань и посылать ему несколько квалифицированных мастеров, которые обучали бы его искусству конструирования и изготовления оружия по римскому образцу. Затем Домициан отпраздновал триумф, который, однако, стал предметом насмешек тех, кто был осведомлен о фактическом результате экспедиции.

Теперь мы приближаемся к кризису в истории Дакии. Во время короткого правления Нервы ничего не предпринималось против страны, и Децебал продолжал преследовать и раздражать римлян в Мессии, пока Траян (усыновленный Нервой) не взойшел на трон (98 г. н.э.).

Этот император сразу же начал подготовку к прекращению своих унижительных отношений с Децебалом и его народом, и хотя было много предположений относительно его мотивов и намерений, не может быть никаких сомнений в том, что его целью было в конечном итоге, если не немедленно, включить Дакию в состав своей империи. Уже во времена правления некоторых

из его предшественников шло строительство военной дороги вдоль правого, или южного, берега Дуная, и первой операцией Траяна было ускорить завершение строительства этой дороги для прохода его войск.^[84] С этим объектом он, как говорят, производил рекогносцировку в 98 и 99 годах, и дорога, вероятно, была завершена до берега напротив Орсовы, примерно в 100 году н.э., как указывает табличка в Градине, на которую уже делалась ссылка. Мы не в состоянии оценить трудности, которые, должно быть, были связаны с этим предприятием. Имея в своем распоряжении взрывчатку и камнеметы, с помощью которых можно пробивать проходы в горах и взрывать скалистые насыпи, мы с трудом можем понять, как люди с такими ограниченными механическими приспособлениями, какие существовали тогда, могли преодолеть препятствия, возникшие на пути их прогресса. В одном месте путь представлял собой дощатую дорогу, опирающуюся на балки, которые были вбиты в отвесную поверхность цельной скалы в нескольких футах над кромкой воды, в то время как чуть дальше она, как видно, петляла по террасам, искусственно вырубленным высоко на склонах холмов. Сотни, если не тысячи жизней, должно быть, были принесены в жертву этой работе, поскольку следует помнить, что римским полководцам и ремесленникам приходилось не только бороться с природными трудностями и преодолевать те же препятствия, с которыми приходится сталкиваться нашим современным инженерам, но и что на них нападал жестокий, но опытный враг с вышестоящих высот или с противоположного берега реки, которая тут и там сужается до ущелий шириной 150 или 200 ярдов.

Как только дорога стала достаточно развитой для прохождения его армии, в 101 году н.э. Траян предпринял свой первый поход в Дакию. Состав и численность его войск точно неизвестны.^[85] Они варьировались, по разным данным, от 60 000 до 80 000 римлян, со значительным числом союзников, германцев, сарматов, мавританской кавалерии и т.д., последняя из которых была названа под именем Луция Квиета; и говорят, что Траян собрал их в месте где-то к югу от Виминация, которое впоследствии послужило базой его операций.^[86]

Страницы за страницами были посвящены древними и современными историками предположениям относительно маршрутов, пройденных Траяном в его экспедиции, и местностей, где происходили его встречи с даками, но в каждом случае достоверных фактов было немного. Лучшая история кампаний изложена в барельефах на колонне Траяна^[87] в Риме, и многие подробности были собраны из фрагментарных трудов Диона Кассия и других старых историков.

Для удобства переправы через Дунай армия была разделена на две части, и реку пересекали по лодочным мостам в двух местах, один возле Виминациума, а другой напротив Орсовы. Затем первая часть обогнула западные склоны Карпат через долину Тейсс и таким образом вошла в Дакийское нагорье; другая прошла вверх по долине реки Тьерна (Czerna), мимо бань Мехадии, которые уже существовали в римский период, и две дивизии армии образовали узел в Карансебесе,^[88] или в Тибискуме неподалеку, где пересекались две римские дороги; известно, что Траян сопровождал и возглавлял восточную дивизию до завершения строительства перекрестка. Вполне вероятно, что в тот год (101 г. н.э.) между Траяном и Децебалом не произошло серьезного столкновения, которое в течение некоторого времени было занято подготовкой к своей обороне и теперь получило подкрепление от многих соседних племен. Один из них от имени союзных племен отправил Траяну угрожающее послание, написанное или нацарапанное на грибке, с предупреждением отвести свои войска, но он не внял ни этому предостережению, ни мирным попыткам, исходившим от самого Децебала. Его армия ушла на

зимние квартиры, и в начале 102 года н.э. он начал операции, форсировав перевал Железные ворота в Карпатах,^[89] и столкнулся с врагом, как говорят, в том же месте, где Юлиан ранее победил Децебала, а именно Тапэ.^[90] Здесь даки снова потерпели кровавое поражение, но римляне также понесли серьезные потери, и Траян завоевал расположение своих солдат, разорвав на себе одежду, чтобы сделать перевязки для раненых.^[91] После этого разворота Децебал попытался возобновить переговоры с Траяном, но из-за его отказа принять эмиссаров императора, которые отказались встретиться с ним лично, военные действия были возобновлены, и война велась даками с большой яростью и варварством. Дисциплина и воинственные ресурсы Рима, однако, поддерживали господство ее оружия. Децебала теснили от крепости к крепости, и он терпел поражения в одной стычке за другой, пока, наконец, его столице Сармизегетузе не стал угрожать торжествующий враг. Тогда-то он и стал настойчиво просить мира и принял невыгодные условия, предложенные ему Траяном. Он был вынужден бросить все свои военные материалы и ремесленников, снести с лица земли свои крепости, выдать всех римских пленных и дезертиров, заключить с Римом оборонительный и наступательный договор, предстать перед императором и засвидетельствовать ему свое почтение. Таким образом, Дакия стала вассальной, но автономной провинцией империи, и, довольный своей победой, Траян вернулся в столицу, взяв с собой некоторых дакийских вождей, которые повторили акт оммажа в сенате. Затем он отпраздновал триумф и получил отличительный титул "Дакикус".^[92]

ТРАЯН ОБРАЩАЕТСЯ К СВОЕЙ АРМИИ.

Как мы уже говорили, история экспедиций Траяна в Дакию записана на барельефах колонны, носящей его имя и все еще существующей в Риме. Эти барельефы подвергались различным прочтениям и интерпретациям, но мы до сих пор избегали обращаться к ним под впечатлением,

что они могут быть поняты только в общем смысле как представляющие подвиги Траяна, и что любая попытка извлечь из них названия населенных пунктов является в лучшем случае опасным экспериментом. Однако с этими оговорками можно с уверенностью сказать, что они ярко отражают эпизоды кампании и ставят нас лицом к лицу с воинственным характером и обычаями противоборствующих наций. Ход экспедиции, как показано на колонке, разделен на участки, расположенные один над другим и разделенные стволами деревьев, которые обвивают колонну; в первом из этих участков мы видим переход армии через Дунай по двум лодочным мостам. Римские солдаты в основном с непокрытыми головами, со щитами и шлемами, многие несут штандарты с орлами, изображениями богов и другими символами. Предполагается, что некоторые из перевозимых предметов были фонарями, из чего можно сделать вывод, что переход происходил ночью. Впереди идут трубачи с длинными изогнутыми рогами и ведомые кони Траяна и его военачальников. Последние уже переправились через реку, и Траян сидит на помосте в окружении своих офицеров, обращаясь с речью к своим людям. Затем мы оказываемся на территории противника, хотя там пока нет никаких признаков присутствия даков, а две последующие части колонны заняты продвижением римского оружия. Солдаты рубят лес, устраняют препятствия, строят форты и мосты, и видно, что Траян лично руководит всеми этими операциями. В четвертой дивизии появляются даки, добывающиеся мира; эмиссары одеты в длинные одежды, и Траян встречает их у форта. Затем следуют дальнейшие инциденты в кампании; происходят столкновения между противоборствующими силами, в ходе которых даки терпят поражение, а их мертвые лежат разбросанными по земле. Затем видно, как они отступают со своими женщинами и детьми, опустошая страну и убивая свой скот, который свален в кучи. Траян снова присутствует, щадит стариков, женщин и детей и берет их в плен. Теперь атакующей стороной являются даки, а римляне защищаются за фортами; и затем армия снова приходит в движение во главе с Траяном, переправляется через реки и возводит укрепления. В следующем разделе даки выстояли, и сцена представляет собой ожесточенную битву, в которой они снова терпят поражение с большой резней. Ярko изображены все эпизоды сражения: римляне, сражающиеся на своих колесницах, даки и их союзники верхом и пешими, привезенные пленники и человек, по-видимому, шпион, связанный перед самим Траяном. Затем следует дальнейшее продвижение, которое занимает некоторые из последующих сцен панорамы. Здесь римляне попадают в засаду, из которой им удастся выбраться; там они проезжают опасный пост, по-видимому, деревянную крепость даков, под прикрытием стены из поднятых солдатами щитов; и, наконец, они прибывают к укрепленному городу, где Траян снова видит сидящим на помосте в окружении своих военачальников, в то время как даки, одним из которых предположительно является сам Децебал, преклоняют колени вокруг, прося мира. В этой сцене одеяния, эмблемы и амуниция двух противоборствующих наций представлены в разительном контрасте. Римские штандарты и орлы уже упоминались; штандарты даков обычно изображают змееподобных чудовищ на конце длинного шеста.^[93] В то время как римляне несут свой высокий, изогнутый, продолговатый щит, овальные щиты даков, украшенные цветочными узорами, лежат в беспорядке. Большинство даков ходят с непокрытыми головами, но некоторые, предположительно вожди, носят головной убор, напоминающий шапку свободы. Другой раздел завершает панораму первой экспедиции, представляя посадку Траяна; жертвы, триумф и ликование в столице.

Но у Децебала было не больше намерений соблюдать условия своего договора с римским императором, чем у Траяна с договором своего предшественника. Царь даков, едва увидев спину своего врага, восстановил свои крепости, заново вооружил свой народ, заключил новые

союзы со своими соседями и начал грабительские набеги на территории Рима и его союзников. Именно тогда Траян приготовился наказать варваров, и на этот раз он решил полностью сокрушить дакийскую державу и аннексировать завоеванную страну в качестве римской провинции. Хотя говорят, что он был в Месии в 104 году н.э., фактические действия против Дакии начались только в следующем году, и в этой, как и в предыдущей экспедиции, маршруты, по которым следовала римская армия, не были четко определены. Мост через Дунай от Гладовы до Турну-Северина, скорее всего, был достроен, и часть, если не вся, армии Траяна переправилась через него. Те авторы, которые верят, что в ходе первого похода часть войск прибыла из Паннонии, говорят, что, лучше зная географию страны, Траян теперь направил дивизию вверх по долине Тейссы, переправившись через Дунай у Виминациума; в то время как нет никаких сомнений в том, что часть армии продолжила марш на восток вдоль Мессиянского берега Дуная, переправилась на станции напротив устья Алутуса (ныне Олту), высадилась близ современного Целеу и, перейдя равнину, вошла в горные крепости через реку Виминациум. Перевал Ротентурм.[94]

Какими бы путями армия Траяна ни вторглась во владения обреченного царя, известно, что его продвижение было быстрым и успешным, и что на этот раз слава римского оружия помешала Децебалу заполучить многих союзников. Он еще раз попросил мира; но условия Траяна фактически означали отказ от его независимости, и он приготовился к решительным и отчаянным усилиям по защите своего королевства. Сначала говорится, что он пытался устранить Траяна путем убийства, но его эмиссары были обнаружены и преданы смерти. Другой прием, по-видимому, временно увенчался успехом. Ему удалось заманить в свои сети римского полководца Лонгина, который, как говорят, был большим любимцем Траяна, и, удерживая его в качестве заложника, Децебал потребовал экстраординарных условий мира. На это предложение Траян дал уклончивый ответ, чтобы, по возможности, спасти жизнь своему офицеру. Последний, однако, с истинно римским патриотизмом передал Траяну послание от своего вольноотпущенника, в котором тот советовал ему продолжать свои операции, и в то же время он сам принял дозу яда, чтобы избавить своего господина от дальнейших затруднений на его счет. Затем Децебал предложил выдать тело римского полководца и некоторых других пленников в обмен на сбежавшего вольноотпущенника, но Траян ничего не ответил на его предложение. О событиях этой кампании известно очень мало, за исключением того, что Траян форсировал Карпатские перевалы и, беря один укрепленный пост за другим, оттеснил врага в окрестности своей столицы; что племена, которые вступили в союз с даками, среди которых упоминаются сарматы, ясиги и бурри, покидали их одно за другим, и что римляне, наконец, осадили Сармизегетузу, где укрылся Децебал. После храброй, но безрезультатной обороны король, вместо того чтобы сдаться в плен, покончил жизнь самоубийством своим мечом; в то время как его последователи, подожгв город, последовали примеру своего вождя, приняв яд. Голова Децебала была отрублена и отправлена в Рим Траяном, который обнаружил и разделил среди своих солдат огромную добычу и сокровища, которые даки пытались скрыть, а затем вернулся в Рим, где (106 г. н.э.) был отпразднован триумф еще более грандиозного масштаба, чем после завершения его первой экспедиции.[95]

ДАКИ ПОДЖИГАЮТ СВОЮ СТОЛИЦУ. (С КОЛОННЫ ТРАЯНА.)

Прежде чем завершить этот беглый обзор взлета и падения дакийской монархии, давайте еще раз на мгновение обратимся к барельефам на колонне Траяна, неизгладимому и, в конце концов, наиболее достоверному свидетельству о его второй экспедиции.^[96] Бегло просмотрев первые сцены, которые включают высадку его войск, штурм и захват укрепленного места, поражение даков и то, что кажется отказом со стороны Траяна предоставить им мир, мы имеем очень точную и обстоятельную картину привала, где император присутствует при принесении быка в жертву. Затем продолжается марш вглубь страны, за которым следуют ожесточенные бои между двумя армиями. Наконец римляне прибывают к городу-крепости (вероятно, Сармизегетuze), где описываются все эпизоды осады, включая личные приключения. Римский солдат, стоящий на вершине штурмовой лестницы, отрубил голову одному из даков на стене, в то время как видно, как последние швыряют камни и другие метательные средства в тех, кто участвует в штурме. Затем следует еще одно прошение о мире, дакийский принц, преклоняющий колени у ног Траяна; в то время как в той же части, отделенной лишь парой тонких деревьев, мы видим сцену, когда даки поджигают свой город, а в непосредственной близости находится их умирающий вождь. Остальные сцены изображают римских солдат, делящих добычу. Траян обращается к ним, раздает награды и прощается. Затем следуют второстепенные происшествия; строительство римлянами крепостей; еще одно или два сражения, в которых полководцы Траяна побеждают даков, загоняя их в горы, куда они убегают со своими стадами, женщинами и детьми. Одна из последних сцен представляет второй триумф Траяна, когда прибывают солдаты с головой Децебала. Некоторые из незначительных

инцидентов в панораме призваны продемонстрировать варварство даков, одним из которых является демонстрация ряда голов, насаженных на копья на стенах города или крепости; другим - сожжение и пытки обнаженных римских прислужников сонерс дакийскими женщинами. В целом эти барельефы, которые, как говорят, являются работой нескольких художников, представляют собой что угодно, только не поучительное зрелище древнего способа ведения войны.

III.

Какая бы неопределенность ни была связана с деталями экспедиций Траяна, ее нет ни относительно их конечного результата, ни относительно основных операций завоевателя и его преемников на недавно приобретенной территории, которая была формально присоединена в качестве провинции империи. Некоторые историки пытались с большой точностью определить границы новой провинции, но более осторожные авторы довольствовались указанием приблизительных пределов; и они поступили мудро, поскольку нет сомнения, что передвижения соседних племен и даже покоренных даков (ибо ошибочно предполагать, как это делают некоторые, что они прекратили свое существование) препятствовали проведению какой-либо строгой демаркационной линии. Номинальными границами римской Дакии были река Тейсс на западе, Прут на востоке, "варвары" на севере и река Дунай на юге. Фактически колонизированная страна включала банат Темешвар, Трансильванию (Зибенбюрген) и Румынию в том виде, в каком они существуют сегодня. Существовало несколько центров колонизации, главным из которых была Ульпия Траяна, включая старую столицу Децебала Сармизегетузу (ныне Вархели), а другими важными центрами были Апулум и Черна или Тьерна.[97]

Траян и его преемники построили укрепления, стены и города; и, привлеченные отчасти плодородием равнин, а отчасти золотыми рудниками Карпат, римские колонии вскоре увеличились в количестве и значении.[98] Были высказаны различные мнения относительно характера этих колонистов. Один современный писатель, Карра, считающийся авторитетом в румынской истории, говорит, что римляне считали Дакию французской Кайеной и послали туда колонию, состоящую из отбросов главных городов Греции и Римской империи. Их потомки, добавляет он, унаследовавшие их пороки и трусость, были по очереди завоеваны и поработаны сарматами, гуннами и татарами.[99] Это утверждение, которое скорее затрагивает чувства современных румын, чем ход исторических событий, и оно ставит нас лицом к лицу с вопросом, к которому нам придется относиться с большой осторожностью, а именно, к происхождению современных румын от старых дако-римских колонистов, иначе мы окажемся вовлеченными в спор, который занял бы тома. Насколько мы можем судить по записям римской истории, Карра поступил очень несправедливо по отношению к колонистам Дакии. Это правда, что римляне изгнали некоторых из своих злоумышленников, и особенно политических преступников, в свои колонии, поскольку Овидий был изгнан; и что Траян колонизировал Дакию из разных частей империи; но обычай римских генералов, которому Траян, несомненно, последовал бы, заключался в том, чтобы разделить наиболее плодородные районы между своими солдатами-ветеранами,[100] и, следовательно, если бы обвинения в трусости и разврате, выдвинутые Каррой, были правдой, они были бы применимы к самым храбрым в легионах, победивших почти неукротимого Децебала. Но Карра жил и писал в то время (1777 г. н.э.), когда от автора, пишущего о Румынии, вряд ли можно было ожидать хладнокровного суждения, и если бы он был жив сегодня, он был бы удивлен, услышав, что существует школа

современных историков, которые, используя свои авторитеты, отрицают, что потомки дакийско-римских колонистов когда-либо появлялись на дакийской земле во время вторжений восточных варваров. Но об этом подробнее позже.[\[101\]](#)

История римской оккупации Дакии, которая продолжалась со времен Траяна до ее эвакуации Аврелианом,[\[102\]](#) мало что может заинтересовать читателя. Дакия была, так сказать, окраиной Империи, которая служила для сдерживания варваров во время ее "упадка"; и страна была более процветающей, чем в период своей независимости, когда племена постоянно воевали друг с другом и не было постоянного правительства. То, что отношение варваров было угрожающим даже через несколько лет после смерти Траяна, однако, более чем вероятно, поскольку его непосредственный преемник Адриан намеревался отозвать свои легионы и разрушил мост через Дунай в 118 или 120 году н.э. Некоторые авторы, действительно, приписывают этот поступок его ревности к Траяну, другие - его ненависти к архитектору Аполлодору; но, скорее всего, причина, указанная Дионом Кассием, заключалась в том, чтобы предотвратить его использование варварами для вторжения в Мисию, была истинной.[\[103\]](#) Во время правления Антонина Пия и Марка Аврелия в течение примерно полувека варваров держали в узде, хотя даже в этот период им удавалось вторгаться на римскую территорию.

Однако в начале третьего века римская власть в Дакии стала очень шаткой, и мы приближаемся ко времени, когда над историей Европы опускается темная завеса так называемых варварских эпох. То, что римским императорам приходилось бороться с варварскими племенами с весьма переменным успехом, несомненно, и что их оружие все еще часто приносило успех, доказывается возведением крепостей и городов, названных в честь их императоров, на границах их владений. Например, Каракалла победил определенные варварские орды около 212 г. н.э. и принял имя "Гетикус", но были ли покоренные племена даками или готами, неизвестно.

Несколько лет спустя квады и маркоманны вторглись в Западную Дакию, но их остановил проконсул Вар, построивший башню или форт в непосредственной близости от моста Траяна, руины которого до сих пор видны путешественникам на Дунае и который дал название современному городу Турну-Северин. Но готы, народ скандинавского происхождения, в течение некоторого времени приближались к границам Римской империи. Между началом нашей эры и концом второго века они распространились, связанные с вандалами, в направлении Карпат и Украины, а в правление императора Филиппа (243-249) вторглись в Мисию. При Деции они вторглись на римскую территорию во второй раз под предводительством Книвы и, разгромив римлян и вынудив императора бежать, взяли и разграбили Филиппополь. Вскоре после этого Деций снова встретился с ними, но снова потерпел поражение и был убит. Затем варвары удалились со своей добычей.

Следующим важным событием стало поражение готов (около 268 или 269 года[\[104\]](#)) Марком Аврелием Клавдием. Они снова вторглись на территорию Рима, захватили Мисию и Иллирию и приближались к столице; поэтому было сочтено необходимым собрать мощную армию и вытеснить их за границу. На этот раз они потерпели поражение с большой резней при Найссосе на Балканах и в других местах, а затем были оттеснены за Дунай. Марк Аврелий, взявший себе имя "Готик", описывает судьбу врага в таких выражениях: "Мы уничтожили 320 000 готов и потопили две тысячи их кораблей. Повсюду реки прикрыты их щитами, все берега - их мечами и копьями, в то время как поля засеяны их костями. Дороги неразличимы; везут много багажа. Мы

захватили в плен так много женщин, что каждый солдат может обладать двумя или тремя из них".^[105] И все же, несмотря на эту решающую победу Марка Аврелия, его преемник Аврелиан вскоре после этого оказался в смертельном конфликте с теми же готами, и результаты его состязаний были настолько сомнительными, что он был рад заключить с ними мирный договор и оставить их в покое. нетронутое владение Дакией Траяна. То, что он решил вывести римские легионы (около 270 или 275 года н.э.) с территории Даков, что он предложил защиту всем колонистам, которые были готовы последовать за ними через Дунай, и что на южном берегу Дуная была основана новая колония под названием Дакия Аврелиани: это неоспоримые факты. Но когда мы начинаем выяснять детали вывода войск и состав оставшегося населения, мы обнаруживаем такой конфликт властей, что невозможно прийти к определенному выводу. Более того, историки не только расходятся друг с другом в отношении условий, при которых Аврелиан эвакуировал Дакию Траяну, или Дакию к северу от Дуная, но в некоторых случаях они даже противоречат сами себе, и, после тщательного прочтения и сравнения заявлений многих из них, мы вполне склонны согласиться с мнением, выраженным нашим собственным историком Гиббоном, который, сказав, что Аврелиан вывел римские легионы из Дакии и предложил альтернативу отъезда тем колонистам, которые были склонны последовать за ним, добавляет:

—

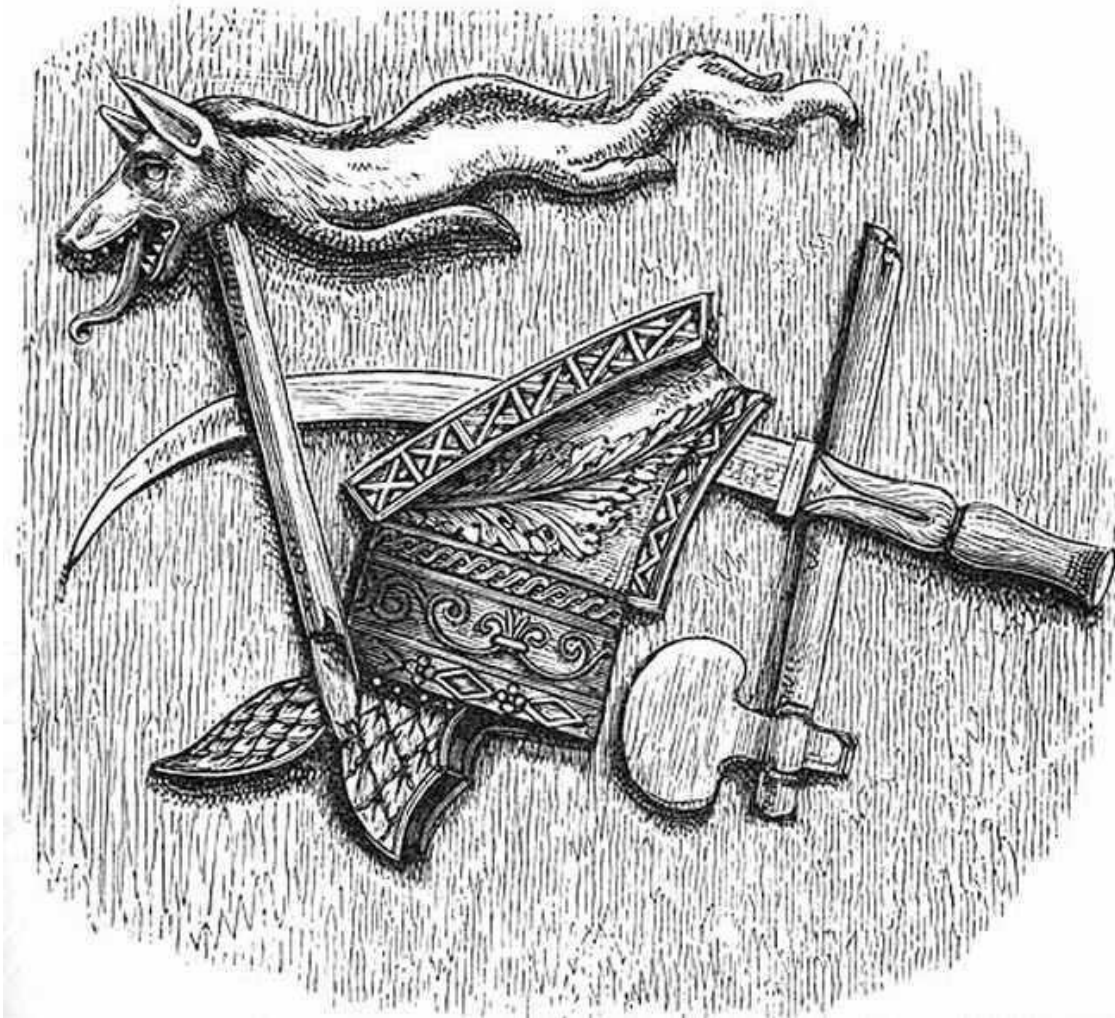
Однако древняя страна с таким названием (Дакия) задержала значительное число своих жителей, которые боялись изгнания больше, чем готского владыки. Эти выродившиеся ромеи продолжали служить Империи, от верности которой они отказались, внедряя среди своих завоевателей первые представления о сельском хозяйстве, полезных искусствах и удобствах цивилизации. Постепенно между противоположными берегами Дуная установились торговые и языковые связи, и после того, как Дакия стала независимым государством, она часто оказывалась самым прочным барьером Империи против вторжений дикарей с севера. Чувство интереса привязывало этих более оседлых варваров к союзу Рима, и постоянный интерес очень часто перерастает в искреннюю и полезную дружбу".^[106]

И Гиббон, который читал и изучал труды Евтропия и его преемника Вописка, а также других более поздних историков, сообщает нам дополнительные подробности переговоров, которые имели место между Аврелианом и готами, которые устраняют любые сомнения относительно точности его взглядов. Аврелиан обошелся с варварами после сражения, которое ни в коем случае не было неблагоприятным для римского оружия, и он договорился с готами, что они должны предоставить римской армии вспомогательные силы в 2000 человек. Кроме того, он захватил большое количество заложников, сыновей и дочерей готских вождей, которых отправил в Рим для получения образования. Он добавляет, касаясь устройства провинции к северу от Дуная: "Эта разнообразная колония, заполнявшая древнюю провинцию и незаметно слившаяся в одну великую нацию, все еще признавала превосходящую известность и авторитет готского племени и претендовала на воображаемую честь скандинавского происхождения".^[107]

Но это еще не все. Великий историк, чьи взгляды могут быть отвергнуты только в соответствии с тем, что мы можем назвать политической или партийной теорией, полагал, что римские колонисты были трудолюбивыми земледельцами; ибо, когда он говорит в другом месте об искушениях, которые побудили странствующих готов в первую очередь обратить жадные взоры на Дакию, он говорит: "Но перспективы римской территории были гораздо более заманчивыми,

и поля Дакии были покрыты богатым урожаем, посеянным руками *трудолюбивых*людей, а затем выставленными на сбор воинственным народом".[108]

Подводя итог истории римской оккупации Дакии, мы, следовательно, должны признать, что страна была далека от того, чтобы быть населенной отбросами общества, как предполагал Карра, поначалу она находилась в руках трудолюбивого, хотя, вероятно, и немногочисленного крестьянства, и, как сказал Гиббон, "только те, кому нечего было терять, сопровождали римскую армию", оставляя остальных, большую группу трудолюбивых дако-римских земледельцев, под властью племени воинственных варваров. Как страдали они и их потомки, будет видно из повествования в нашей следующей главе.

ДАКИЙСКИЕ ТРОФЕИ. (Из КОЛОННЫ ТРАЯНА.)

ГЛАВА X.

ОТ ЭВАКУАЦИИ ДАКИИ АВРЕЛИАНОМ (ОКОЛО 274 г. н. э.) ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ВАРВАРОВ (ПРИМЕРНО В КОНЦЕ XIII века).

"Варвары" — Краткое упоминание о них румынскими историками—Готы — Их поселение в Дакии—Поражение от Феодосия и исчезновение—Гунны—Их свирепость—Аттила—Его успехи—Покинутый и свергнутый гепидами—Его смерть и изгнание гуннов—Сарматы—Гепиды вступают в союз с византийцами—Побеждены лангобардами при Альбоине—Авари—Поселяются в Дакии—Побеждены и рассеяны Приском и Ираклием—Сарматы Булгары—Их происхождение и происхождение славян — Их жестокость—Воинственные привычки—Суровое наказание преступников—Суеверия—Их "Каган", или главный всадник—Обращение в христианство—Их вожди—Улучшенные привычки—Любопытные суеверия—Карьера болгар—Вторжение в Восточную империю и поражение от Велизария—Верховенство в Дакии, Месии и Сербии—Превратности судьбы—История Крумуса—Дако-Римских князей—Болгарские территории, присоединенные Базилием к Греческой империи—унгры, или венгры— Их предполагаемое происхождение — Их жестокость и свирепость — Описание их Халламом —Немецкий отчет об их диком способе ведения войны—Опустошают Европу—Поселяются в Венгрии и основывают королевство—Болгары вытесняют их через Карпаты—(Примечание: История их сражений с вождями Геллиусом, Гладиусом, Мариотом и др., —Анонимный нотариус короля Белы)— Патцинакитаи—Скудные записи о них—Валахи—Споры относительно их происхождения—Потомки дако-римлян—Средневековые свидетельства об их происхождении и характер—Анна Комнина—Бонфиний—Эней Сильвий—М. Опиц—Их карьера на дунайских территориях—Восстание в союзе с Булгари—Основание Валахо-Болгарской империи Петром, Асаном и Иоанном—Историческое суфле—Признание новой империи—Ее продолжительность—Куманы—Их господство—Тевтонские рыцари и рыцари ордена Святого Иоанна—Интересная переписка между королем Иоаннищем и папой Иннокентием III.—Временное обращение болгар в Рим—Падение Валахо-Болгарской империи—Вторжения и уход татар—Конец эпохи варваров.

Я.

Если читатель представит себе страну несколько больше Соединенного Королевства, расположенную в части европейского континента, которая делает ее доступной почти со всех сторон, и сможет представить себе восемь или девять огромных орд вооруженных дикарей численностью в десятки или сотни тысяч человек, со многими меньшими по размеру, которые периодически и даже одновременно в некоторых случаях вторгаются на эту освященную территорию и там попеременно жгут, грабят или обращают в рабство друг друга или первых поселенцев в течение непрерывного периода, длящегося более тысячи лет, то у него сложится некоторое представление о бедной Румынии (или, возможно, правильнее было бы сказать скажем, о территориях к северу и югу от нижнего течения Дуная) в том виде, в каком она существовала между концом ТРЕТЬЕГО и началом тринадцатого веков.

Неудивительно, что некоторые историки Румынии, которым удалось заполнить тома, на нескольких страницах, нет, даже в некоторых случаях в нескольких строках, невнятно описали то, что на самом деле составляет половину периода существования ее страны; и что они заменили выводы тщательного исследования тем, что один писатель назвал "блестящими декламационными эволюциями". Ибо последний метод иногда приводит к обнаружению

расхождений между стандартными авторами за пятьдесят или сто лет в хронике событий. Для нас история так называемых темных веков в этой части Европы полна интереса, поскольку Дунайские равнины представляли собой дорогу, по которой бродили варвары, которые были предками значительной части нынешнего населения Европы; и мы стремились в таблице, прилагаемой к этой работе, внести какой-то порядок в хаос событий, описанных историками.^[109] Помимо этого, мы, правда, мало чем можем помочь изучающим историю, и вызывает сожаление, что характер этой работы вынуждает нас рассматривать предмет с такой неудобоваримой краткостью; но мы должны воззвать к терпению и добродушию наших читателей, пока мы стремимся придать как можно больше интереса неизбежно сухому и утомительному повествованию.

В течение примерно столетия после вывода римских легионов *готы*, народ, о происхождении и подвигах которого мы уже говорили, правил Дакией при Траяне, за исключением короткого промежутка времени (327 г. н.э.), когда Константин, построив мост через Дунай в Никополе или около него на юге и Турну-Магуреле на северном берегу, захватил страну и снова включил ее в состав империи. Это занятие было, однако, непродолжительным. Обнаружив, что он не может сохранить свое господство к северу от Дуная и что готы даже селятся на правом берегу, Константин, как говорят, основал римские колонии к югу от Балкан, и, по мнению некоторых историков, именно от этих поселенцев страна получила свое нынешнее название Румелия. То, что готы, должно быть, основали постоянные поселения в различных частях Дакии, очевидно из следов, которые они оставили после себя, особенно в окрестностях Бузеу.^[110] Более того, говорят, что в середине века (361 г. н.э.) они приняли христианство, хотя вскоре после этого (370 г. н.э.) мы слышим, что их король Атанарих подверг христиан самым жестоким гонениям. В то время они, вероятно, были в более добрососедских отношениях с римлянами, поскольку, когда на востоке появился новый враг, гунны, угрожавшие им уничтожением, император Валент разрешил многим из них пересечь Дунай и мирно поселиться на правом, или южном, берегу. Однако вскоре после этого мы обнаруживаем, что они сначала побеждают и убивают Валента, а затем сражаются в союзе с гуннами (378 г.) против императора Феодосия, который напал на них в Дакии. Это последнее, что мы слышим о готах как таковых, но их ветвь, гепиды, впоследствии восстала снова и в течение значительного периода господствовала в Дакии.

II.

The *Гунны*, которые изгнали готов и последовали за ними при занятии страны, одни считают скифского, другие даже китайского происхождения, и Гиббон очень наглядно описал их первое появление и передвижения. "Численность, - говорит он, - сила, быстрые передвижения и неумолимая жестокость гуннов были ощутимы, внушали страх и преувеличивались изумленными готами, которые видели, как их поля и деревни были охвачены пламенем и наводнены беспорядочной резней. К этим реальным ужасам добавились удивление и отвращение, вызванные пронзительным голосом, неуклюжими жестами и странным уродством гуннов. Этих дикарей Скифии сравнивали (и картина имела некоторое сходство) с животными, которые очень неуклюже передвигались на двух ногах, и с бесформенными фигурами - Терминаторами, которые часто ставили на мостах древности. Они отличались от остальной части человеческого вида широкими плечами, плоскими носами и маленькими черными глазами, глубоко посаженными на затылке, а поскольку у них почти не было бород, они никогда не обладали ни мужественной грацией юности, ни почтенным видом преклонного возраста."^[111] Это были существа, которые опустошали Дакию и господствовали в ней в

течение трех четвертей столетия (375 примерно до 453 г. н.э.), и другие подобные им, мы можем добавить, все еще преследовали миролюбиво настроенное население шестьсот или семьсот лет спустя, когда ультраварварский *режим* подходил к концу.

Но правление гуннов не было непрерывным. Вскоре после того, как они овладели готским королевством в Дакии, они потерпели поражение от императора Феодосия I. (около 378 г.), но с того времени и до правления их короля Аттилы ("бича Божьего") в их истории не отмечено ничего важного. Этот монарх не только подчинил всю Дакию игу, но и (около 443 г.) завоевал Мисию и оказал такое сильное давление на римлян, что Феодосий II (408-450), а также восточный император были рады заключить с ним мир, благодаря которому он сохранил большую часть своих завоеваний к северу от Дуная. Невозможно, да и было бы здесь законно следовать за Аттилой на протяжении всей его победоносной карьеры. Все, что нам нужно упомянуть, это то, что, когда ситуация повернулась против него, вассальные племена, которых он тащил за собой по Европе в качестве союзников, покинули его, а гепиды, ветвь великой готской нации, помогли ускорить его падение; ибо, подняв восстание под предводительством своего вождя Ардариха, они не только разгромили его армию, но и стали хозяевами всей Дакии. В конце правления Аттилы, который умер или был убит около 453 г. н.э., гунны были оттеснены обратно в Азию, откуда они еще раз вторглись в Европу несколько лет спустя; но, хотя мы слышим о них вскользь, в союзе с другими племенами, более века спустя (около 564 г.), они так и не восстановили свою власть в Дакии и больше не представляют для нас интереса в этой связи.

III.

Читатель, вероятно, помнит, что даже в войнах между римлянами и даками принимали участие другие варварские племена. Из них квады, маркоманны и сарматы продолжали преследовать преемников названных в первую очередь и даже совершали вторжения в Империю. *Сарматы* особенно были очень грозны, и время от времени они селились в Дакии во время оккупации готами, доставляя много хлопот как им, так и римлянам. С ними столкнулась не одна римская армия, и они были отброшены на территорию Даков и прошли через нее; но, наконец, около 375 г. н.э. Валентиниан нанес им сокрушительное поражение, и мы перестали слышать о них в связи с историей Румынии.

С *гепидами*, той ветвью готов, которая победила Аттилу, все было иначе. После ухода гуннов[112] они овладели Северной Дакией и сумели настолько прочно овладеть страной, что некоторым историкам старшего поколения она была фактически известна как "Гепидия". Однако в их истории нет ничего интересного. Иногда они воевали со своими более могущественными южными соседями; вскоре они заключали с ними союзы на выгодных условиях и помогали им держать другие племена в узде. Римская империя теперь была разделена на Восточную и Западную части, и именно с византийцами гепиды заключали свои договоры. Они, однако, были способны оказать им мало полезной помощи в периоды серьезной опасности, и когда (около 550 г. н.э.) лангобарды, воинственное племя, которое, как полагают, мигрировало на юг от берегов Балтийского моря, в сочетании с азиатской ордой авари, вторглись на их территорию, гепиды были совершенно неспособны противостоять им. Мы говорили, что последняя нация заключала договоры, наступательные и оборонительные, с Восточной империей, но не следует предполагать, что императоры или варвары были очень постоянны в своих привязанностях. В одно время мы находим какое-то конкретное племя в

союзе с императорами Востока, помогающее им сдерживать новых нападающих; в другое время они вступали в армии восточных императоров, чтобы помочь им в их нападениях на их западных соперников; затем, опять же, это два племени, объединившихся, чтобы искоренить орду, находящуюся во владении; и вскоре после этого может случиться так, что племена, которые были союзниками, выстроятся друг против друга. Примерно в названное время, *лангобарды* и *авари*, как мы уже говорили, совершили набеги на территории гепидов, первые из которых были названы под предводительством храброго и свирепого вождя Альбоина, и за очень короткий период (между 550 и 567 годами н.э.) им удалось не только победить гепидов, но и настолько полностью сломить их власть, что некоторые авторы говорят о них как об уничтоженных. Тогда император Юстиниан (527-565), опасаясь их как противников и желая видеть в них союзников, соблазнил *лангобардов* поступить к нему на службу; и, стремясь скорее к завоеваниям, чем к тому, чтобы стать поселенцами на земле, которую они уже приобрели, они переправились через Дунай и оставили своих союзников, *авари*, в нетронутом владении. *Авари* с перерывами правили в Дакии примерно с 564 по 610-640 гг. н.э., когда, решившись справиться с византийской державой, они впервые были встречены и побеждены греческим полководцем Приском, а позже императором Ираклием (610-641), и с этого времени их нация постепенно рассеялась.

IV.

Но теперь мы подходим к периоду, когда был небольшой перерыв в последовательных набегах варваров и время передышки для миролюбиво настроенных жителей Дакии; ибо следующей расе кочевников, вступивших на плодородные равнины Дуная, удалось удерживать свои земли почти как бесспорным хозяевам в течение трех столетий. Позже, как мы увидим, они основали вторую династию совместно с валахами; и, хотя их правление было нарушено вторжениями других варваров и войнами сначала с византийцами, а затем с венграми или мадьярами, все же им удалось с некоторыми перерывами оставаться правящей державой, и их потомки правят в различных местностях вплоть до наших дней.

Но что делает историю этого племени, *булгари*, такой интересной, так это не столько господство, которое они осуществляли в дунайских провинциях, сколько понимание, которое она дает нам о положении людей в темные века; и хотя мы должны довольствоваться кратким очерком их карьеры и несколькими выбранными из нее случаями, мы можем с уверенностью рекомендовать нашим читателям самим заняться исследованием, с уверенностью в том, что их труд и исследования будут вознаграждены. Происхождение *булгари*, или *болгар*, как и большинства так называемых варваров, более или менее окутано тайной. Согласно некоторым авторам, они были скифского происхождения и состояли из многочисленных племен, среди которых наиболее известны *валахи*, *хорваты* и *моравы*. [113] Гиббон говорит [114], что *болгары* и *славяне* были диким народом, который обитал или, скорее, бродил по равнинам России, Литвы и Польши. Это были смелые и ловкие лучники, которые пили молоко и лакомились мясом своих неутомимых лошадей. [115] Их стада следовали или, скорее, направляли их передвижения, поскольку именно в поисках пастбища для них они кочевали с места на место. Они были натренированы в полете и не способны испытывать страх. Реслер придерживается мнения, что они были ответвлением *гуннов*, и в более ранний период своей карьеры, по его словам, они переняли костюм всех уральских рас, и особенно *авари*. Волосы на голове были острижены, за

исключением пучка. Их боевыми штандартами были конские хвосты; перед битвой проводился смотр, на котором осматривались оружие и лошади, и если обнаруживались какие-либо дефекты, товиновный воин немедленно предавался смерти. Предсказатели назначали день и час сражения, искали благоприятные знаки и распевали военные песенки. Существовал обычай изготавливать сосуд для питья из черепа какого-нибудь знаменитого вождя врагов, когда он был убит в битве. (Сейчас у нас будет наглядный пример этого.) Любой свободный человек или раб, который выходил за пределы территории, был убит пограничником, если его обнаруживали. В качестве жертвоприношений приносились собаки и даже люди. Их приговоры во искупление преступлений были такими же варварскими, как и сами люди. Самым обычным наказанием было отрезание носов и ушей. Практиковалось многоженство, и гарем охраняли евнухи. Правитель, которого называли "Каган", имел власть над жизнью и смертью своих подданных. Он один сидел за столом во время трапезы; его "придворные", включая даже его супругу, сидели на корточках и ели прямо на полу. В седьмом веке их религия представляла собой смесь язычества и магометанства, и они были обращены в христианство лишь постепенно, после того как поселились на Дунае и вступили в тесный контакт с Восточной империей.^[116] Даже тогда (примерно в середине девятого века) мы обнаруживаем, что, хотя короли приняли христианство, большая масса народа оставалась необращенной и даже возмущалась сменой религии их правителями.

В обычаях болгар есть гораздо больше интересного, особенно когда они попали под власть чего-то вроде оседлого правительства. Дворяне, по-видимому, были похожи на наших "олдерменов" на самом раннем этапе нашей истории и пользовались значительным влиянием, несмотря на абсолютизм правящего главы. Вместо того чтобы жить только в палатках из шкур, чего все еще придерживались в теплое время года, зимой они строили деревянные хижины. Они облачались в длинные мантии и носили шапки, которые благоговейно снимали в присутствии своих правителей. Они питались просом и кониной и пили медовуху и ликер, добытый из березы. Их наказания по-прежнему были самыми варварскими, четвертование заживо было обычной практикой. Их суеверия были интересными. Змеи были "табу", как и хижина, в которую ударила молния, в то время как вой собак и волков был добрым предзнаменованием, означавшим успех или изобилие.

Впервые мы слышим о булгарах в конце пятого века, когда они располагались недалеко от устья Волги, откуда переселились в Дакию. Встретив небольшое сопротивление и присоединившись к другим племенам, они вскоре стали грозными захватчиками Восточной империи и, как говорят, раз за разом проносили свое оружие через Фракию, Эпир, Фессалию, до Пелопоннеса в Европе и в Малую Азию, пока, наконец, их не встретил Велизарий, один из полководцев Юстиниана, вероятно, около 538-540 годов н.э., который разбил их и отбросил обратно за Дунай. Тем временем они попали под иго авари, и только в середине VII века (около 678-680 гг.), когда это воинственное племя было разбито Ираклием, болгары под предводительством могущественного вождя Куврата получили господство в Дакии. Этот вождь заключил союз с Ираклием, и он и его преемник Аспарих преуспели благодаря своей доблести в том, что не только траяновская Дакия, но и Месия, и то, что сейчас является Сербией, оказались под властью Болгарии и основали государство, которое просуществовало до начала одиннадцатого века.

О положении людей при этом *режиме* мы уже говорили, и между его событиями и теми, что предшествовали и последовали за ними, слишком много сходства, чтобы оправдывать наше

сколь-либо подробное рассмотрение этого вопроса. Она состоит из серии побед над византийскими императорами или поражений от них. В какой-то момент мы обнаруживаем, что болгары проигрывают битву за битвой и их могущество идет на убыль; затем мы слышим о болгарском вожде¹, который отправляется в Константинополь, принимает христианство и заключает брачный союз с племянницей императрицы (Ириной, 780-802). Затем на трон восходит могущественный и свирепый король Крум или Крумус (вероятно, правил с 807 по 820 год н.э.) и начинает военные действия против императора Никифора (802-811). Победив и убив его, он, как говорят, проиллюстрировал уже упоминавшийся обычай, сделав кубок из его черепа. Последующий император (Михаил, 811-813) чувствовал себя немногим лучше, потерпев позорное поражение от рук Крума, который продвигался вперед до самых ворот Константинополя. Оттуда, продиктовав условия мира, он удалился на свои собственные территории, взяв с собой, как говорят, 50 000 дако-римлян, которых византийцы превратили в рабов, и поселив их на северном берегу Дуная. Крам умер в 820 году н.э. или около того.

Другой особенностью истории страны, к которой мы более подробно обратимся ниже, является роль господствующей расы в настоящее время в препятствовании распространению христианства и в расколе католической церкви. Сначала мы слышим только о преследованиях христиан, и говорят, что преемник Крума замучил некоего епископа Эммануила, который проповедовал Евангелие в своих владениях. Однако другие болгарские вожди или короли добивались благосклонности христианских императоров и принимали их вероучение, пока страна не была присоединена к Греческой империи в 1014 году нашей эры

Еще пару слов о выдающихся событиях, предшествовавших первому падению болгар. Говорят, что примерно в конце IX века потомки дако-римлян, оправившись от неоднократных ударов, которые они получали в результате последовательных вторжений и завоеваний варваров, снова пришли к власти; и считается, что несколько вождей или королей были дако-римского происхождения. Из них выделяются Симеон (около 887 г.), Петр (? н.э.) и Самуил (около 976 г. н.э.). Первого поименованного мы находим воюющим, сначала с греческим императором Львом (893 г. н.э.), которого он победил; затем с тем же правителем и его союзниками унгри под предводительством Арпада, их царя. Оказавшись в затруднительном положении, Симеон заключил мир со Львом и обратил свое оружие против унгри, которых он победил с большим кровопролитием и изгнал со своих территорий. (К Унгри и их карьере мы скоро вернемся.) Эта вражда продолжалась долгое время, и около 970 г. н.э. болгары пересекли Балканы, но были разбиты греками, в то время как два или три года спустя греческий император (или, скорее, один из них, поскольку претендентов на трон было несколько) Иоанн Цимисхий (? 972) напал на Маркианополис, болгарскую столицу, и взял в плен короля Бориса. До конца столетия другой болгарский царь, Симеон, сражался с греками с переменным успехом, но в конечном итоге император Василий II (1014 г. н.э.) полностью уничтожил болгарскую армию и аннексировал всю страну в качестве провинции Греческой империи. Так закончилось первое правление болгар.

V.

Из всех племен или орд Востока, проложивших равнины Дуная своей дорогой в Европу, не было ни одного, кто заслужил такую известность хищничеством и жестокостью, как *унгри*, или венгры. Их происхождение крайне сомнительно, но вполне вероятно, что они были туранской расой, и Реслер нашел их исконную родину в Угрии, стране, расположенной к востоку от

Уральских гор и реки Оби.[117] Их дикий характер, который надолго пережил их появление в Европе, был наглядно описан несколькими авторами. Реслер, внимательно изучивший их раннюю историю, говорит, что они были кочевниками, доившими кобыл и жившими в палатках, что они ели полусырое мясо дичи или рыбы без ножей. Кобылье молоко, по-видимому, было тем, что мы можем назвать их напитком для воздержания; в то время как более крепкими напитками была кровь диких животных или их врагов на поле битвы; а сердца последних считались лучшим средством от болезней.[118] Наш собственный Халлам, описывая их появление и опустошительные действия в Европе, называет их "татарским племенем", которое продвигалось вперед в большом количестве, как огромная волна. Их свирепость, по его словам, была неукротимой; они сражались кавалерией и в легких доспехах, полагаясь на свои ливни стрел, против которых мечи и копья европейских армий были бессильны. "Память об Аттиле, - добавляет он, - возродилась в опустошениях этих дикарей, которые, если и не были его соотечественниками, то походили на них как лицом, так и обычаями".[119]

Но нацией, которая наиболее сильно пострадала от их вторжений и чья история наиболее точно отражает их свирепость, были немцы. Были возведены крепости, чтобы сдержать их набеги, но "ликуя и презирая друг друга, эти дикие всадники проносились мимо них и, словно преследуя дичь, убивали крестьянина за плугом или солдата, несущего караул на стенах. Мужчин, женщин и детей захватывали везде, где их находили; связывали за волосы на головах и гнали стадами, как крупный рогатый скот, в Венгрию. Если против них выступала регулярная армия, они рассеивались подобно небесному ветру, и поднимался радостный крик: "Хвала Богу, они ушли"; но вскоре они появлялись снова, чтобы преследовать отступающих солдат. Ужасы опустошения и грабежа были для них наиболее благоприятным состоянием; в них они упивались и радовались; и наиболее счастливыми они были, когда могли помазать свои бороды немецкой кровью или, бросая головни в дома Божьи, могли наблюдать всепожирающее пламя, поднимающееся к небесам".[120]

Хотя в последующие времена венгры претендовали на сюзеренитет над частью или всей Валахией (и у нас еще будет возможность обратиться к их отношениям с этой страной), их господство в IX и X веках носило весьма частичный и преходящий характер. Вероятно, они двинулись на запад из Украины в начале IX века, а между 839 и 860 годами вели активную агрессивную деятельность в Восточной Валахии. Говорят, что они напали на Константина, христианского миссионера, когда он проходил через район, который они занимали, но его почтенный вид помешал им причинить ему какой-либо вред. Говорят, что он даже не позволил их крикам потревожить его во время молитвы, которой он был занят, когда они появились. К концу столетия, как мы уже говорили, они потерпели поражение от болгар, когда под предводительством своего вождя Арпада заключили союз с императором Львом, который, как говорят, заключил мир с врагом и бросил их в беде. После этого они были отброшены в Карпаты в 894 году н.э. и, сначала захватив большую часть Трансильвании, они начали агрессию в Германии, Франции и Италии, которая на значительный период привела их в ужас всей Европы. В конце десятого века, столкнувшись с серьезными неудачами и будучи вынужденными уйти в Венгрию, они, наконец, обосновались под властью установленного правительства. Первым королем, несомненно, был Стефан (997 или 1008 год н.э.), и они аннексировали Трансильванию, которая до того времени была спорной территорией, либо около 1002 года, по мнению некоторых авторов, либо, как утверждают другие, не ранее времен Ладислава Святого (1078-1095 годы н.э.).[121]

VI.

При изучении исторических записей того времени читатель часто будет сталкиваться с названиями двух племен, которые вызовут у него значительное недоумение, а именно, *патцинакитаи*,^[122] как их называли греки, и *валахи*, которых по-разному называли "влачи", "Блачи", "Валачи", "Олачи" и проч. О первом мало что можно и нужно сказать. Их иногда называют римлянами; они доминировали в определенных частях страны в десятом, а возможно, и в одиннадцатом веке; помогали болгарам вытеснить венгров за Карпаты и даже были достаточно сильны, чтобы начать войну с Восточной империей примерно в конце одиннадцатого века. Примерно в то же время предпринимались безуспешные попытки обратить их в христианство, и последнее, что мы слышим о них, относится к концу тринадцатого века, когда они были связаны с валахами в Карпатах и, вероятно, дали свое название району, в котором они были поселены. Считается, что позже они мигрировали в Венгрию и перестали называться отдельным народом.

Однако о валахах, сыгравших важнейшую роль в истории Румынии, известно многое, но многое по-прежнему остается неясным и является предметом жарких споров. Во-первых, об их происхождении. Некоторые авторы полагают, что они были ветвью рабов; другие думают, что это были дако-римские колонисты Месии, которые, присоединившись к рабам, переправились с ними через Дунай, и что впоследствии слившиеся расы были известны как валахи, которые постепенно распространились на север, к Карпатам. Другие историки умалчивают о них до основания "Валахо-Болгарской империи", а затем они просто упоминают, что две расы объединились с целью обретения независимости.^[123] Есть, однако, некоторые историки средневековья, которые приписывают им прямое римское происхождение и говорят, что они были потомками римских колонистов, которым удалось сохранить свой язык и закрепиться на земле на протяжении темных веков, несмотря на вторжения и прохождение варварских племен севера и востока. В настоящее время это общепринятая точка зрения.

Поскольку мы свободно цитировали мнения современных авторов, многие из которых, наряду с авторитетными источниками, на которых основаны их взгляды, совершенно неизвестны основной массе наших читателей, будет только справедливо, если они ознакомятся со взглядами известных историков, расцвет которых пришелся ближе ко времени, о котором мы пишем.

Анна Комнина пишет (между 1081 и 1118 годами н.э.): "Император Алексей приказал цезарю Никифору набрать как можно больше солдат по призыву; но не ветеранов; новых людей, которые еще не участвовали в кампаниях. Он проинструктировал его относительно племен, из которых он должен был отбирать своих рекрутов, а именно, из болгар и из числа тех юношей, которые закалились в пастушеской жизни; у которых нет оседлых жилищ, но они кочуют с места на место; тех, кого в просторечии называют "валахами" ("влахос").

Бонфиниус вдаётся в подробности их истории. Он рассказывает, как Траян покорил даков; как провинция была эвакуирована; но что колонисты размножились до такой степени, что неоднократные вторжения варваров не смогли истребить их; и он добавляет, что они так упорно придерживаются своего языка, что можно подумать, что они сражались за это, а не за свою жизнь. "Кто бы не был удивлен", - говорит он. "когда он рассматривает нашествие сарматов и

готов, вторжения гуннов, вандалов и гепидов, вторжения германцев и лангобардов, обнаруживает, что следы латинского языка должны быть обнаружены у даков и гетов, которых мы теперь называем Вальахами, потому что они такие хорошие стрелки? Румыны произошли от легионов и колонистов, которых привели в Дакию Траян и другие императоры: от Пия Флакка их называли валахами (по немецкому произношению), но у нас, потому что они такие хорошие стрелки".

Эней Сильвий (папа Пий II, 1458) высказывается еще более определенно. В нескольких емких предложениях он описывает географию Валахии и Трансильвании; историю Дакии со времен персидских и греческих войн до римского завоевания; падение колонии; происхождение названия от Флакка; а затем добавляет: "Люди даже сейчас говорят на римском языке, но настолько искаженном, что итальянец с трудом может их понимать".

И не только ученые писатели признавали происхождение валахов от древних римских колонистов, но и коронованные особы ссылались на это в своих сообщениях с болгарскими вождами и друг с другом, как мы сейчас увидим. Лауриани, из произведений которого мы сделали эти выдержки, говорит, что венгерские писатели почти всегда молчали на эту тему или говорили о ней с предельной горечью. Он, однако, цитирует двоих, которые, говоря о различных национальностях, признают, что в Молдавии и Валахии проживают потомки римских колонистов, говорящие на извращенной латыни. В одном из них приводится отрывок из стихотворения Мартина Опица (1621), который описывает национальный танец Валахии, Гору, или "Хора", как он его называет. Рассказав о превратностях, через которые прошли люди, он говорит об их языке, что римский язык все еще в моде; а о танцующих людях он говорит: "Мужчины, которые почти созданы (? одеты) по римскому образцу, плохи, но остроумны, много думают и мало говорят".^[124]

Мы уже вкратце упоминали влияние варварского правления на язык и привычки современных румын, и очень интересно обнаружить, что в семнадцатом веке, когда жил Опиц, этот факт уже был замечен. Хотя это исследование касается главным образом национальных чувств современных румын и, без сомнения, очень увлекательно для них, оно все же представляет некоторые интересные проблемы для читателей любой национальности.

VII.

Как читателю уже известно, за первым господством болгар в Дунайских провинциях последовало господство Восточной империи после побед Василия в начале XI века, и поскольку смена правителей в те дни обычно означала смену угнетателей, неудивительно, что примерно полтора столетия спустя все население было готово к восстанию. Среди них наиболее многочисленными и влиятельными по-прежнему были покоренные болгары и валахи. Валахи впервые отчетливо упоминаются во времена Василия, в войсках которого они сражались в качестве союзников или наемников. К концу XI века они широко распространились; есть упоминания о том, что они расселились по всему Балканскому полуострову вплоть до Македонии на юге, Валахии на севере и Молдавии и, возможно, даже Бессарабии на северо-востоке.^[125] То есть они либо распространились в этих странах, либо их предки жили там с дако-римского периода и, смешавшись с последовательными племенами варваров, теперь снова были доминирующей расой. Должно быть, они всегда были великими воинами, поскольку мы находим, что в одно время они по собственной воле вторгались на соседние территории, в

другое - в союзе с восточными императорами против болгар или венгров; или, объединившись с соседними племенами, воевали против названных последними безжалостных захватчиков.

И когда примерно с 1180 по 1200 год греческая держава приближалась к своему распаду, население дунайских провинций созрело для восстания, и не было недостатка в храбрых лидерах, которые помогли бы им нанести удар за их независимость. Из противоречивых сообщений историков невозможно с точностью установить ни имена, ни количество этих лидеров, ни тем более точные события, которые привели к созданию новой империи. Либо это были два брата-валашца, Петр и Асан, с которыми предательски вступил в союз близкий родственник греческого императора Исаака Ангелоса (1185-1195), либо три брата: Петр, Асан и Иоанн. Происхождение восстания несомненно; оно возникло из-за взимания с них того, что народ считал несправедливым налогом, и, вероятно, из-за отказа императора принять их в свою армию в качестве наемников, как в случае с другими племенами. Чтобы добиться удовлетворения этих претензий, посольство в составе двух братьев Петра и Асана отправилось в Константинополь. Их допустили к императору, но их просьбы были отклонены, и один из братьев, проявив слишком много теплоты по этому случаю, получил пощечину, которая, можно сказать, положила начало валахо-Болгарской империи и ускорила падение греческой династии.

Сначала восстание не увенчалось успехом, и валахи и болгары в союзе были вынуждены отступить за Дунай (1187 г.); но вскоре вернувшись с мощной армией, в которой также было представлено новое племя, кумани, им удалось нанести поражение императору Исааку (около 1193 г.), который чудом избежал смерти. Продвигаясь к Адрианополю, союзники угрожали сокрушить Восточную империю, и император Алексей Комнин был только рад заключить с ними мир (около 1199 г.) и признать их независимость.

VIII.

The *Валашско-болгарская* империя просуществовала, по данным разных авторов, от шестидесяти до ста лет, и одновременно с ней *куманы* также доминировали в части древней Дакии; действительно, по мнению некоторых авторов, Дакия Траяна называлась землей куманов. Информация о последнем очень скудна. Один автор утверждает, что под названием "узи" они были найдены на берегах Дуная в конце одиннадцатого века; другие говорят, что они проникли в Молдо-Валахию около 1046 года. Примерно в 1089 году о них говорят как о Трансильвании, а период их господства по-разному указывается между этими датами и 1220-1246 годами. Вероятно, они были обращены в христианство около 1220-1223 годов. Примерно в то же время племя распалось, и часть их ушла в Венгрию, где, как говорят, они были виновны в больших жестокостях и просуществовали вплоть до пятнадцатого века.

Также в тот же период (1200 г.) орден *Тевтонских рыцарей* владел землями, выделенными им Андреасом II Венгерским в Трансильвании, а также в части Валахии, на суверенитет над которой он претендовал; но они стремились освободиться от его контроля, и дар вскоре был отозван, и в 1224 году они были вынуждены покинуть территорию, над которой они осуществляли юрисдикцию. Примерно в 1247-1250 годах *рыцари Святого Иоанна* также пользовались кратковременной властью в некоторых частях Трансильвании и Валахии.

Самым интересным инцидентом, отчет о котором дошел до нас, в валахо-болгарском режиме были переговоры между королем Иоанницем, одним из первых правителей (о котором уже упоминалось), и папой Иннокентием III (1198-1216).

Лауриани опубликовал всю переписку, которая настолько интересна, что краткое изложение ее здесь будет не лишним. Это не только проливает свет на исторические события того периода, но и дает нам представление о процессах, связанных с расколом в католической церкви. Необходимо лишь предположить, что при разделении между римскими и греко-католиками, которое произошло во второй половине IX века, дунайские провинции последовали за восточным разделом, что объединение было полным при Василии, но что, когда братья Асан сбросили византийское иго, возникло национальное чувство антагонизма в религии, возникшее из-за политического разрыва. Этим воспользовался Иннокентий, и, направив нунция к Иоанницу, он написал ему, что Бог увидел смирение, с которым он обратился к Римской церкви, и в суматохе и опасностях войны Он не только мощно защитил его, но и по своей милости значительно расширил его (*дилатавит*). "Однако мы, - сказал он, - когда услышали, что твои предки происходили из благородного города Рима и что ты унаследовал не только благородство их рода, но и истинное смирение перед апостольской кафедрой, подумывали обратиться к тебе письменно, а также устно через наших нунциев, но заботы Церкви до сих пор мешали нам осуществить наш замысел". Затем он сообщает ему, что прислал к нему "нашего возлюбленного сына Доминика", греческого протоиерея Брундуса, и благодарит своего нунция Иоанница, требуя, чтобы тот принял его со смирением, относился к нему по-доброму и через него более недвусмысленно выразил свое дальнейшее подчинение. Если он (папа) будет удовлетворен его намерениями и покорностью, он предлагает послать к нему высших нунциев, или, скорее, легатов, чтобы заверить его и его (подданных) в истинной вере".

Очевидно, что Иоанниц сначала не принял святого эмиссара и не обращался с ним так почтительно, как мог бы; но, наконец, он отвечает, начиная свое послание следующим образом: "Достопочтенному и святейшему Отцу, первосвященнику, я, Йоханнес, император валахов и болгар, посылаю тебе радость и здоровье".^[126] Он признает, что письмо, которое, по его словам, ему дороже золота или любых драгоценностей, и он благодарит Бога за то, что тот вспомнил о нем, его расе и Отечестве, из которого они произошли.

Затем он пересказывает то, что Святой Отец сказал о его благожелательных намерениях, и добавляет, что он тоже пытался один, два и даже три раза связаться с ним, но был лишен возможности сделать это из-за количества его врагов; но теперь, зная чувства Святого Отца к нему, он посылает вместе с нунцием, которого уполномочил папа, также "нашего благочестивого и надежного священника Блазиуса", чтобы передать ему свою благодарность, дружбу и служение ему, как его Святому Отцу и первосвященнику. Затем, переходя к делу (которое, кстати, пронизывает всю переписку), он добавляет, что, поскольку в своем священном письме его Святейшество попросил его объяснить, чего он желает от Святой Римской Церкви (чего, однако, не произошло), его Императорское Величество желает от апостольской кафедры, чтобы он и его подданные были укреплены как дети в лоне Матери-Церкви, и особенно он просит от Римской Церкви, своей матери, корону и почести, которые получили его предки, старые императоры. "Одним был Петр, другим Сэмюэль и другие, которые предшествовали нам в правительстве". Если его Святейшество сделает это, все его желания относительно поведения его Империи по отношению к Церкви будут выполнены.

"Но, - добавляет он довольно многозначительно, - вы не должны удивляться, что ваш нунций не вернулся раньше, потому что мы подозревали его. Многие люди приходили и пытались ввести нас в заблуждение, но мы были стойкими против их махинаций". (Он имеет в виду лжепророков.) "Но в данном случае, однако, претекст" (белая мантия) "был убедительным доказательством, и мы были удовлетворены". (Но он был не удовлетворен.) "Но, Святейший Отец, если тебе угодно, пожалуйста, пришли нам высших нунциев и этого нунция с ними, и тогда мы убедимся, что и первая, и вторая миссия были от тебя. Да дарует тебе Господь долгую жизнь!"

Далее следует еще одно письмо от папы римского, которое, возможно, было составлено современным перевозчиком. В нем приводится вся предыдущая переписка, и, ссылаясь на просьбу Иоанница о короне, его Святейшество говорит, что он тщательно изучил реестры и обнаружил, что это правда, что многие короли были коронованы, и, более того, что во времена его предшественника, папы Николая, король болгар, который часто обращался к нему за советом, был крещен вместе со всем своим народом. Впоследствии, по его словам, по просьбе Михаила Болгарского папа Адриан прислал иподьякона и нескольких священников, но из-за взяток и обещаний греков болгары изгнали их и взяли вместо них греческих священников. Таким образом, из-за такого "легкомысленного поведения" он не видел ясного способа назначить кого-либо из своих братьев кардиналами. Тем не менее, он решил направить своего капеллана Йоханнеса в качестве нунция апостольской кафедры и, поблагодарив его за добрые услуги (в обычных выражениях), пожелал, чтобы он понял, что он полностью уполномочен улучшать все, что имеет духовный характер в королевстве. Он также прислал с ним мантию (*паллий*) для архиепископа своей страны и буллу, объявляющую форму и характер инвеституры. Фактически этот нунций был уполномочен рукополагать епископов и священников и вообще заменять греческую веру римско-католической. Что касается короны, то, похоже, все еще была загвоздка. Нунций должен был просмотреть старые книги и документы и узнать все о древнем порядке ведения дел, чтобы "мы [папа] могли с большей быстротой принять необходимые меры". И он просит его также предупредить своих "дворян", чтобы они относились к нунцию с должным почтением.

Иоанниц сделал все возможное, чтобы выполнить приказ папы. Были основаны архиепископство и два епископства, и была обнародована "Золотая булла", в которой было объявлено, что Иоанниц намеревался получить свою корону и инвеституру из рук Вселенского священника Иннокентия III., и что некоторые церковные чиновники (называя их поименно) были учреждены Римской церковью и, таким образом, получили его (Иоанница) санкцию, которая ранее была предоставлена им его предками.^[127] Он также отправил подарки Папе в знак подчинения; и после того, как все эти вопросы были должным образом взвешены и рассмотрены его Святейшеством, он, наконец, назначил Иоанница королем валахов и болгар и послал ему столь желанные корону и скипетр из рук Льва, кардинала ордена Святого Креста и др., Которому было поручено от его имени совершается церемония коронации. Лауриани завершает переписку и повествование словами, что "эта империя румын процветала с 1186 года от Рождества Христова, в который она была восстановлена братьями Петром и Асаном при лучших и храбрейших королях из рода Асанидов, до 1285 года, когда она была потревожена, но не разрушена набегами татар. После того, как в четырнадцатом веке турки начали вторгаться в европейские провинции, в конце того же столетия она попала под иго султана Баязета и была полностью уничтожена в 1392 году".

Вплоть до этого периода (середины четырнадцатого века) мы были вынуждены ограниченно говорить о территориях, которые были захвачены и удерживались различными варварскими расами, поскольку нет четкой информации относительно пределов их оккупации; но отныне наш отчет будет касаться главным образом Румынии в ее нынешнем виде. Валахо-болгарская монархия, каковы бы ни были ее пределы, была уничтожена ордой татар около 1250 года нашей эры. Та же самая раса совершила великое опустошение в Венгрии, покорила куманов, захватила Молдавию, Трансильванию и т.д. и удерживала там свои позиции примерно до середины четырнадцатого века, когда они были вытеснены на север венгерскими, саксонскими и другими поселенцами в Трансильвании; и с их уходом мы покончили с варварами.

ГЛАВА XI.

ОТ ОСНОВАНИЯ КНЯЖЕСТВ, МЕЖДУ СЕРЕДИНОЙ XIII И XIV ВЕКАМИ, До ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ МИХАИЛА ХРАБРОГО В 1593 ГОДУ нашей эры.

Состояние страны в конце эпохи варваров—Основание княжеств Валахия и Молдавия—Традиции Раду Негру и Богдана Драгоша—Исторические свидетельства—Описание различных режимов правления в Валахии в XIII веке—Кланы Литяну и Бассараб—Мирча Старый—Его история—Первая капитуляция (1393)—Характер Мирчи— Стихи в его память, написанные Болентиняну (1826-1872)—Джон Корвин фон Хунниад, принц Трансильвании—Его история, характер, и подвиги—Влад "Цепеш"—Его жестокость—Капитулирует перед турками (1460 г. н.э.)—Молдавия—Ее основатели—Неизвестность записей—Стефан Великий—Его история—Его бегство в Нямц—Стихи Болентиняну—Рекомендует своему сыну капитулировать перед турками—Его персонаж—Неагу Бассараб, основатель собора Куртя д'Арджес—Его мирное правление и дела— Радул д'Аффумати завершает строительство собора—Его смерть—Турецкие вторжения—Михаил Храбрый.

Я.

Когда иммиграция варваров в Дунайские княжества шла на убыль, естественно предположить, что там должно было оставаться очень смешанное население; и что из-за необходимости защиты от таких безжалостных захватчиков, которых мы описали в нашей последней главе, жители собирались в различных местах под руководством своих наиболее способных вождей и укреплялись наилучшим возможным способом. Это действительно было так, но до недавнего времени румынские историки мало чем могли руководствоваться в отношении событий того периода, кроме традиций, которые, хотя и очень интересны, теперь постепенно уступают место записанным и достоверным фактам.

Почти любая история страны, которую можно найти сегодня, повествует о возвышении княжеств следующим образом: дако-римские колонисты, как утверждают историки, бежали в Карпатские горы раньше готов и гуннов и в течение почти тысячи лет сохраняли свою национальность, время от времени спускаясь на равнины из той или иной основанной ими колонии, однако всегда обнаруживая там новые орды варваров. Наконец, когда великая волна варварства схлынула, некто Раду Негру, чье имя переводится как Рудольф Черный, вождь дако-римской колонии Фогарас в Карпатах, спустился на равнины со своими последователями, согласно

некоторым авторам, в 1240 году н.э., в то время как другие говорят, что в 1290 году, и, сначала основав свою столицу в Кампу-Лунге, а затем перенес ее в Куртя д'Арджес, где он построил прекрасный собор, изгнал варваров, оставшихся в Валахии, и стал первым поселенцем в Валахии. Воевода этой провинции. Такова традиция основания Валахии.

Примерно в то же время, как нам говорят, в другой части гор, к западу от Фогараса, обитала колония потомков дако-римлян, а именно колония Мармароса или Марамуриша, которой правил некто Богдан, или Драгош. Этот вождь, как гласит легенда, однажды охотился на зубра с большой свитой, сопровождаемый своей собакой Молдой, и, прибыв в прекрасную страну, через которую протекал красивый ручей, он решил поселиться там, назвал реку Молдавой, построил город, который назвал Романом, подчинил жителей и их вождей и стал первым воеводой Молдавии.

В последние годы эти традиции подверглись тщательной критике, в некоторых случаях обостренной национальными или политическими тенденциями, и в то время как история Раду Негру была дискредитирована, история Богдана претерпела значительные изменения. Были опрошены сами имена героев, и было показано, что "Раду" вместо "Рудольф" означает "радость" (поскольку Богдан Драгош был "Богом данный"), так что вместо "Раду Негру" мы теперь иногда встречаем имя "Негру Вода", или "Черный принц", который, согласно традициям некоторых частей страны, до сих пор считается, что он спустился с Карпат и освободил землю от татарских орд.

II.

До сих пор это традиция. В Румынии нет исторических записей того периода, но обнаружение рукописей в Венгрии, Польше и других странах установило определенные факты, которые начинают служить прочным фундаментом, на котором строится ранняя история страны.

Во-первых, признается, что равнины и склоны Карпат были населены общинами, которыми правили вожди различной силы и влияния. Некоторые из них были банатами, как Крайова, которая долгое время оставалась полунезависимым государством; затем были мелкие воеводы или князья, как князья Зеврин или Северин, Фаркас, Сенеслас и т. Д.; И помимо них были ханства, называемые по-французски *кнезаты*, а по-немецки *кнезеншафтен* (от слав. *kniaz*, князь), некоторые из которых были мелкими княжествами, в то время как другие были просто управлениями деревень или их групп. Это лишь некоторые из небольших правлений, число которых с каждым днем увеличивается по мере того, как государственные архивы соседних стран изучаются все более и более тщательно.

Имена выдающихся вождей также становятся более ясными в безвестности того периода. Примерно в 1285 году князь Литяну завоевал и объединил три валашских княжества и объявил себя независимым от венгерской короны, которая претендовала на сюзеренитет над западной частью Валахии. Он подвергся нападению мадьяр под командованием Джорджа Совара и был убит в бою, в то время как его брат был взят в плен и казнен. Некоторым преемникам этого принца повезло больше, и одному из них, Тугомиру, удалось на какое-то время обеспечить свою независимость. Клан *Бассараб* упоминался еще в более ранний период, поскольку запрет этого имени оказал сопротивление татарам. Существует много путаницы относительно происхождения этого клана, и в то время как некоторые авторы называют Тугомира (только что упомянутого) этим именем, другие путают его с традиционным Негру Водой. Каким бы ни был

мрак, однако, в котором похоронено их возвышение, несомненно, что семья Бассарабов дала Валахии многих князей и правителей и, вступив в смешанные браки с другими представителями правящих классов, вымерла только около 1685 года.

В горах положение дел было несколько иным. Там, несомненно, из-за их большей близости к центру мадьярского владычества, связь между мелкими князьями и венгерской короной, по-видимому, была более тесной, и, хотя некоторые авторы утверждают, что валахи (или румыны, как любят называть их соотечественники) пользовались привилегиями, равными квазинезависимости, австрийские хронисты утверждают, что они были простыми вассалами Венгерского двора. Так, например, они говорят, что Богдан, правитель Мармароша, нарушил свою верность венгерскому королю Людовику и около 1359 года спустился с большим отрядом валашских последователей, среди которых были и его сыновья, в нижние земли того, что уже называлось Молдавией, и завладел страной.^[128]

Освобождаясь, насколько это возможно, от спорных вопросов, мы можем с уверенностью заявить в отношении Валахии, что в течение более чем столетия после того, как волна иммиграции варваров прекратилась, она напоминала состояние современной Независимой Татарии; что число ее мелких князьков постепенно уменьшалось, один из них, Владислав Бассараб, в конце концов подчинил большую часть страны своему правлению и почти, если не полностью, сбросил венгерское иго (1350-1376), пока при правлении Мирчи Бассараба они не оказались под венгерским игом. старый (1386-1418), новый враг, турки, настолько далеко продвинулись в господстве над страной, что приобрели постоянные права сюзеренитета.

III.

Мирча, один из героев истории Румынии, не только обеспечил независимость и называл себя воеводой Валахии "милостью Божьей", но и в 1389 году заключил союз с Польшей и принял другие титулы по праву завоевания.^[129] Этот союз был наступательным и оборонительным с Владиславом Ягелло, правящим королем, и имел своей целью расширение его владений, а также защиту от Венгрии, с одной стороны, и османской империи - с другой; ибо турки, которые в течение четырнадцатого века с переменным успехом вели войну против Восточной империи, теперь быстро приближались к территории Валахии. Хотя Константинополь перешел в их владение только в следующем столетии, Адрианополь уже пал, турецкие армии захватили Болгарию, и примерно в 1391 году они впервые появились к северу от Дуная.

Поначалу храбрость Мирчи помогла остановить волну вторжения. Правящим султаном был Амарут II, который послал против него армию под командованием Сисмана, принца Болгарии, отступника, женившегося на дочери султана и перешедшего в наступление на христиан; но он потерпел сокрушительное поражение, и в течение короткого периода Валахия продолжала наслаждаться своей независимостью. Год или два спустя Баязет II, преемник Амарута, возобновил наступление, и на этот раз, оказавшись между двумя могущественными врагами, королем Венгрии и султаном, Мирча решил заключить союз с последним и заключил с ним в Никополе (1393 г.) договор, известный как "Первая капитуляция", по которому Валахия сохранила свою автономию, но согласилась платить ежегодную дань и признать сюзеренитет султана.^[130] Этот договор датирован 1392 годом; но, по мнению нескольких историков, Мирча придерживался его недолго, поскольку, как говорят, он командовал контингентом в армии крестоносцев и присутствовал в битве при Никополе (1396), в которой пал цвет французской

знати, и, когда он обнаружил, что их дело безнадежно, снова покинул их и присоединился к победоносному оружию Баязета.

О продолжающихся войнах и раздорах в Валахии во время правления Мирчи говорить излишне. Он правил с переменным успехом до 1418 года нашей эры, и нет никаких сомнений в том, что государство было гораздо лучше организовано в плане обороны, хотя его войны влекли за собой большие страдания для крестьянства. Не только из Никопольского мирного договора, но и из других источников ясно, что общее состояние страны в чем-то напоминало состояние Англии саксонского периода. Князь избирался боярами,^[131] или духовными и светскими баронами, а также народом (вероятно, через представителей), и существовал генеральный государственный совет. Вероятно, существовали свободные люди и крепостные, хотя некоторые авторы утверждают, что до начала войн Мирчи существовало совершенное равенство; тогда повсеместно признано, что существовало абсолютное рабство.

Было сказано, что Мирча держал постоянную армию численностью около 18 000 пехотинцев и 17 000 кавалеристов; но так это было или нет, он определенно поддерживал силы, достаточно хорошо организованные, чтобы справиться со своими могущественными противниками - турками и венграми.^[132] Весьма вероятно, что эти последние все еще были свирепой и неукротимой расой, как, без сомнения, и последователи Мирчи, и они совершали опустошительные набеги, которые побудили современных авторов причислить их к варварам, чье правление прекратилось. Какими бы ни были его ошибки и пороки (а его бегство от христиан в Никополе и количество оставленных им незаконнорожденных детей доказывают, что у него было и то, и другое), его патриотизм и мужество вызвали любовь потомков, и его подвиги увековечены в национальных поэмах нынешнего столетия. Вот графическое изображение

МИРЧА В БОЮ.

Д. Болентиньяну (1826-1872).

Бесчисленные полчища мадьяр опустошают земли,
И солнце в ужасе видит их бродячие отряды;

Но престарелый Мирча, твердый и непоколебимый,
С горсткой своих храбрецов встречает яростный налет.

Прекрасно знает, что спасти усадьбу почти напрасно,
но все же спокойно определяет свой долг по поддержанию.

Ах! дни героев, несомненно, прошли,
Когда по зову долга римляне благородно проливали кровь!

Говорит седой вождь: "Слушайте, все братья,
Такова воля Божья, как римлянин я должен пасть".

Посвяти свою жизнь-кровь, спаситель нации;
Это жалкий огонек в пожарище.

Что такое одна жалкая жизнь в этом вечном дне?
Это единственный цветок в великолепном мае.

Прежде чем благородный сокол уступит Егерю,
сбрасывает гнездо и потомство в поля.

Прежде чем наши руки или лодыжки будут закованы в цепи,
Пусть нам суждено пасть героями, умереть свободными римлянами.

Ах! дни героев, несомненно, прошли,
Когда по зову долга римляне благородно проливали кровь.

IV.

Прежде чем обратиться к событиям, происходившим в Молдавии в тот период, возможно, будет уместно сказать здесь несколько слов о другом герое, который, хотя и правил в Трансильвании, был валахом по происхождению, возглавлял валашские армии против турок и на какое-то время преуспел в сдерживании их наступления в Европе. Это был Джон Корвинус, как его знают английские читатели, или, правильнее сказать, Иоганн Корвин фон Хунниад, принц Зибенбюргена, родившийся около 1368 года в деревне Корвин в Валашских Карпатах. Его отец был валахом, некоторые говорят, из древнего рода, а мать - гречанкой, которой также приписывают высокое происхождение. Поскольку его история была написана льстецами, чтобы снискать расположение его сына и преемника, эти утверждения о его высоком происхождении следует воспринимать *cum grano salis*. Сначала Иоганн был капитаном небольшого отряда авантюристов, прослужив, как это было принято в те дни, в отряде из двенадцати всадников, сначала под командованием Деметрия, епископа Аграмского, а затем в течение двух лет в Италии под командованием Филиппа, герцога Миланского. Там он встретил Сигизмунда, короля Венгрии, который убедил его присоединиться к его штандарту и в награду за его заслуги пожаловал ему поместье Хуньядес, от которого он и получил свое имя. Впоследствии он переходил с поста на пост, пока не был назначен вице-королем Зибенбюргена (Трансильвания) и, в конечном итоге, регентом Венгрии. В прежнем качестве он заключил союз против турок (около 1443 г.) с Владиславом, королем Польши и Венгрии,^[133] и Владом, воеводой Валахии, и под его руководством христианские армии часто сталкивались с османами, особенно в трех случаях — при Варне при Амаруте II. (1444) и Коссове (1448), в обоих случаях в ходе этих столкновений союзники потерпели поражение и, наконец, при Белграде (1456 г.), где турки были полностью разбиты. Были даны различные и противоречивые свидетельства об этих сражениях и о поведении Гунниадеса во время столкновений. Под Варной, где был убит Владислав, поляки обвинили Гунниадеса в трусости; но факты, вероятно, таковы, что он разгромил правое крыло турок, но безрассудство Владислава привело к поражению армии и его собственной смерти. Такое же обвинение было выдвинуто против него поляками в связи с

поражением при Коссове, но, учитывая его известную храбрость, оно, без сомнения, было столь же беспочвенным. В Белграде город был полностью окружен турками; но во главе недисциплинированной армии Хунниадес ворвался в город и последующей вылазкой, в которой был ранен султан Мухаммед, вынудил турок снять осаду и отступить в замешательстве. Иоанн Гунниадис умер в том же году, и его сын Матиас был избран королем Венгрии, которой он правил более тридцати лет.

Характер Джона Ханниадиса заслуживает краткого рассмотрения. Как мы уже говорили, польские союзники обвинили его в трусости, но турки его так боялись, что дали ему имя Дьявол и использовали его, чтобы пугать своих детей, когда они плохо себя вели. О его личном мужестве рассказывается множество анекдотов, одним из которых является нижеследующий. После битвы при Коссове, когда он в одиночку бежал через Карпаты, он был схвачен двумя разбойниками, которые лишили его оружия. Алчность этих людей возбудила великолепная золотая цепь, которую он носил, и один из них сорвал ее с его шеи. Вскоре, однако, забыв о том, что даже среди воров есть честь, двое бандитов начали пререкаться за обладание добычей, и пока они были так заняты, Гунниадес сумел выхватить свой меч и, вступив с ними в бой, проткнул одного насквозь, после чего другой убежал.

Если верить его биографам, он, должно быть, был замечательным человеком. "Как рыба привыкла к воде, - говорит один, - как олень к лесной поляне, так и он был приспособлен к ношению оружия, прирожденный лидер воинов, и поле битвы было стихией его жизни". Благородство его осанки, говорит другой, и его обаятельные манеры позволили ему завоевать расположение своих солдат, в то время как его готовность служить, его набожность и благожелательность, а также его проницательная политика снискали ему доверие начальства, руководство армиями и высшие государственные должности. После его смерти его оплакивали все. Папа Николай приказал кардиналам исполнить великолепный *реквием* в его память как благочестивого и успешного защитника христианской религии. Даже султан Мухаммед, которого он только что победил — когда Георгий, деспот Сербии, принес ему, как он думал, радостную весть о смерти принца, — опустил голову и после долгого молчания воскликнул: "Ни при одном правителе не было такого человека с начала мира".

Как мы уже говорили, турки так сильно боялись Хунниадиса, что, как говорят, дали ему имя "Дьявол"; но то же самое прозвище, как и прозвище Цепеш, было присвоено также Владу, воеводе Валахии, который, вероятно, был союзником Хунниадиса и который, если хотя бы десятая часть того, что о нем рассказывали, правдива, имеет гораздо больше прав на этот титул. Он представлен как один из самых жестоких тиранов, которые когда-либо опозорили даже те темные века. Однажды он убил 500 бояр, которые были недовольны его правлением. пытки мужчин, женщин и детей, по-видимому, доставляли ему удовольствие. Некоторые турецкие посланники, когда их допустили к нему, отказались снять свои тюрбаны, после чего он приказал прибить их гвоздями к их головам. Он сжег 400 миссионеров и посадил на кол 500 цыган, чтобы обезопасить их имущество. Чтобы вселить ужас в Мухаммеда II. он переправился в Болгарию, разбил турок и привел с собой 25 000 пленных, мужчин, женщин и детей, которых, как говорят, он посадил на кол на большой равнине под названием Прелату. Однако, несмотря на свои успехи, Влад в конце концов был вынужден подчиниться турецкому правлению, и он заключил "Вторую капитуляцию" в Адрианополе (1460), в ходе которой дань Порте была увеличена, но никаких других важных изменений в условиях сюзеренитета внесено не было.^[134]

V.

В течение столетия после основания *Молдавии*, или, как ее сначала называл Богдан Драгош, "Богдании", история страны окутана мраком. Названы короли или принцы, один или несколько из которых были литовцами; два или три Богдана, Теодор Ласеу, Юрго Куриотович, Петр, Стефан, Роман, Александр и др., и некоторые из них, как говорят, были свергнуты с престола и царствовали дважды и даже трижды, пока, наконец, на трон не взошел князь, более могущественный, чем остальные, и доблестью своего оружия сумел утвердить свое имя и славу в истории. Это был Стивен, которого иногда называют "Великим" или "Добрым", но заслуживал ли он последнего титула, читатель лучше всего сможет судить сам.

Он взошел на трон около 1456 или 1458 года и правил до 1504 года, и вся его жизнь прошла в войнах против Трансильвании, Валахии (которую он в свое время захватил и присоединил к Молдавии), турок и татар. Рассматриваемые в совокупности с деяниями Гунниадеса и Влада Цепеша, деяния Стефана представляют собой достаточно точную картину состояния Румынии в пятнадцатом веке. Поэтому мы попросим читателя проявить терпение, пока мы вкратце расскажем о главных событиях его жизни. Через пять лет после восшествия на престол Стефан захватил Трансильванию. В 1465 году он женился на Евдокии, византийской принцессе, а два года спустя мы находим его в состоянии войны с Маттьешем Венгерским (сыном Иоанна Корвина), от которого он потерпел поражение при Бахе. Между тем временем и 1473 годом он один, если не два раза, победил Раду (брата Влада Цепеша), короля Валахии, а в 1475 году вел войну с турками, которых разбил на реке Бирлад, между Барнабой и Раковицей. Говорят, что эту битву он выиграл с помощью хитрости. Он спрятал несколько человек в соседнем лесу, и когда битва была в самом разгаре, им было приказано начать играть на различных инструментах, как будто приближалась другая сила, и это вызвало такую панику среди османов, что они уступили и опрометчиво бежали, сопровождаемые Стефаном, который многих предал мечу. В том же году Стефан снова нанес поражение Раду и полностью захватил Валахию. Приведя его к покорности, он посадил на трон местного боярина в качестве своего наместника, который выразил свою благодарность Стефану восстанием и освобождением страны от его правления; но он, в свою очередь, был убит своими валашскими подданными. В 1476 году Стефан потерпел ужасное поражение от рук османов при Валеа Альба (Белая долина), но восемь лет спустя, объединившись с поляками, он снова столкнулся с этим ужасным врагом. Его армия сначала была вынуждена уступить, и он, как говорят, бежал в поисках убежища в Ниямц, где у него был замок, но его мать отказала ему в приеме и велела возвращаться в свою армию. Вот история с ее продолжением, рассказанная поэтом, которого уже однажды цитировали (Болентиньяну):—

Слышны удары у внешних ворот.

Сейчас полночный час; чей это голос так поздно?

"Поторопись, дражайшая матушка" — ха! этот хорошо знакомый звук -

"От хозяина я изгнан, из каждой раны течет кровь!

Страшна была наша судьба, ужасна была битва,

Рассеяла всю мою армию, они бежали в смятении.

Мать, открывай скорее; неверные преследуют,

Ночной ветер ледяной, пурпурная кровь - их сигнал".

"На! что скажешь ты, чужеземец? Стивен далеко,

Несет смерть, силен руками, где он стоит в страхе.

Я его мать; такой он мой сын.

Будь ты кем хочешь, моим сыном ты быть не можешь.
(И все же, могли ли Небеса предначертать, нанести этот страшный удар?
Может ли его душа быть малодушной, трепетать перед врагом?)
Если ты действительно Стивен, в обмороке возвращающийся домой, то
ты никогда не войдешь в эти врата.
Поспеш к своим храбрецам, ибо твоя страна падет;
Тогда материнская любовь венками украсит твой покров!"
Стивен снова собирается с силами; ласти трубит в свой рог;
Герои собираются вокруг него в утро битвы.
Жестокая и страшная бойня; в этот славный день
мусульманское рыцарство падает, как свежескошенное сено".

Несмотря на одержанную им великую победу, мусульманская держава была слишком сильна для него, и незадолго до окончания столетия он вступил с ними в союз против Польши, суверену которой он всего несколько лет назад присягнул на верность и на территорию которой теперь совершил набег. В 1504 году он умер естественной смертью, и говорят, что перед смертью, то ли из страха перед турками, то ли не доверяя власти своего сына Богдана, он посоветовал последнему заключить постоянный договор с Портой, что тот и сделал вскоре после его смерти.^[135] В наиболее благоприятные черты характера Стивена характер, кажется, были его мужество и патриотизм, несмотря на сюжет, который рассказывал о своем полете в Niamtz. Как и Мирча, он организовал армию, которая оценивается примерно в ту же численность, с добавлением иррегулярных войск. То, что он был в некотором роде набожен, наиболее вероятно, но то, что он также практиковал тираническую жестокость своего времени, несомненно. Вскоре после его восшествия на престол татары вторглись в его владения, неся повсюду огонь и меч, но в конце концов они были отбиты и изгнаны Стефаном. В ходе этой кампании он взял в плен сына татарского вождя, и когда прибыли послы, чтобы просить о его освобождении, он приказал обезглавить принца в их присутствии, что, возможно, было оправдано как урок безжалостному племени, вторгшемуся в его страну. Однако, не удовлетворившись этим, он пронзил на кол всех послов, кроме одного, которому отрезал нос и уши, и отправил его обратно к своему хозяину в таком ужасном состоянии. "Но, - добавляет хронист, - Стефан, который был человеком своего времени, расценил этот поступок только как проявление ревности в вере. Вскоре после этого он построил монастырь Путна, посвятил его Иисусу и Пресвятой Богородице и распорядился перевезти туда деревянную часовню, которую Драгош построил в Воловице. ""Таковы были обычные обычаи того времени, - замечает другой комментатор, - и если такое обращение было предназначено для высоких и благородных, то можно догадаться, какова была судьба смиренных".

VI.

Какова была эта судьба, может легко представить себе любой, кто следит за повествованием о войнах, опустошивших эту землю. Но, прежде чем говорить о состоянии страны и обычаях того периода, мы должны обратиться к одному или двум воеводам, чье правление было мирным и энергия которых была направлена на распространение цивилизующего влияния. Относительно них мы также располагаем заслуживающими доверия записями, которые уже приводились в нашем описании собора Куртя д'Арджес. Одним из них был Неагу Бассараб,^[136] другой Джон Радул, известный как Радул д'Аффумати, и оба были воеводами Валахии.

Первый из названных, Неагу, взошел на трон то ли в 1511, то ли в 1513 году и умер естественной смертью в 1520 году, что было редким событием по тем временам. Он был выдающимся мирным человеком в стране и эпоху войн и кровопролития, а также в высшей степени набожным и великодушным. Он отремонтировал несколько церквей, отреставрировал кафедральный собор Тырговиштеа, покрыл свинцом крыши других церквей, как в Валахии, так и за ее пределами, и построил прекрасный кафедральный собор Куртя д'Арджеш, возведение которого, как мы слышали, традиция приписывает Раду Негру, предполагаемому основателю Валахии. Табличка в память о нем уже упоминалась в другом месте. В войне он никогда не принимал личного участия и, как мы уже отмечали, мирно скончался в своей постели.

За ним на троне последовал "Монах Раду", которого постигла обычная участь, поскольку он был убит турками; и этому принцу наследовал вышеупомянутый Раду д'Аффумати, племянник Ньягу (1522), который занимал трон семь лет.

Война, война по-прежнему была криком; за время своего короткого правления он пережил множество превратностей; участвовал в поражении венгров и поляков в битве при Мохаче, "в результате которой были убиты король, семь епископов, пятьсот дворян и двадцать тысяч солдат; не только открыл всю страну для набегов турок и почти на полтора столетия утвердил их в своей столице, но и сменил правящую династию Венгрии и впервые посадил на венгерский престол немецкого монарха".^[137] Раду был свергнут с престола, и при попытке покинуть страну он был схвачен двумя своими дворянами и обезглавлен. Однако в течение части его правления в Валахии царило некоторое спокойствие, и Раду продолжил работы, начатые его дядей; среди прочего, как мы знаем, он достроил кафедральный собор в Арджесе.

После битвы при Мохаче турки начали более открыто вторгаться на румынскую (молдово-валашскую) территорию. Они оккупировали и укрепили Браилу, Джурджево и Галац; вмешивались в выборы князей, в одном или двух случаях добившись назначения людей, единственным притязанием которых на корону была их готовность заплатить крупную взятку. Одним из них был саксонский лютеранин из Трансильвании, который, однако, был благоприятным примером княжеского рода. Около 1580 года он был избран воеводой Молдавии и построил церковь для лютеран. В дополнение к интригам за воеводство, между двумя княжествами вспыхнули междоусобные войны, и бояре совершали незаконные набеги друг на друга. В эти междоусобицы вмешались турки, усиливая свое собственное влияние и делая князей все более и более подчиненными своей воле. Такое положение вещей сохранялось до конца шестнадцатого века, когда другой герой, Михаил Храбрый из Валахии, восстановил спокойствие и независимость княжеств и на какое-то время поднял их в глазах окружающих народов. Поскольку его победы были убедительными, а героическая эпоха в ранней истории Румынии, можно сказать, завершилась с его смертью, мы считаем оправданным сделать более чем мимолетное упоминание о его подвигах и карьере, тем более что, поступая таким образом, мы также сможем представить достоверный отчет о состоянии общества в его дни.

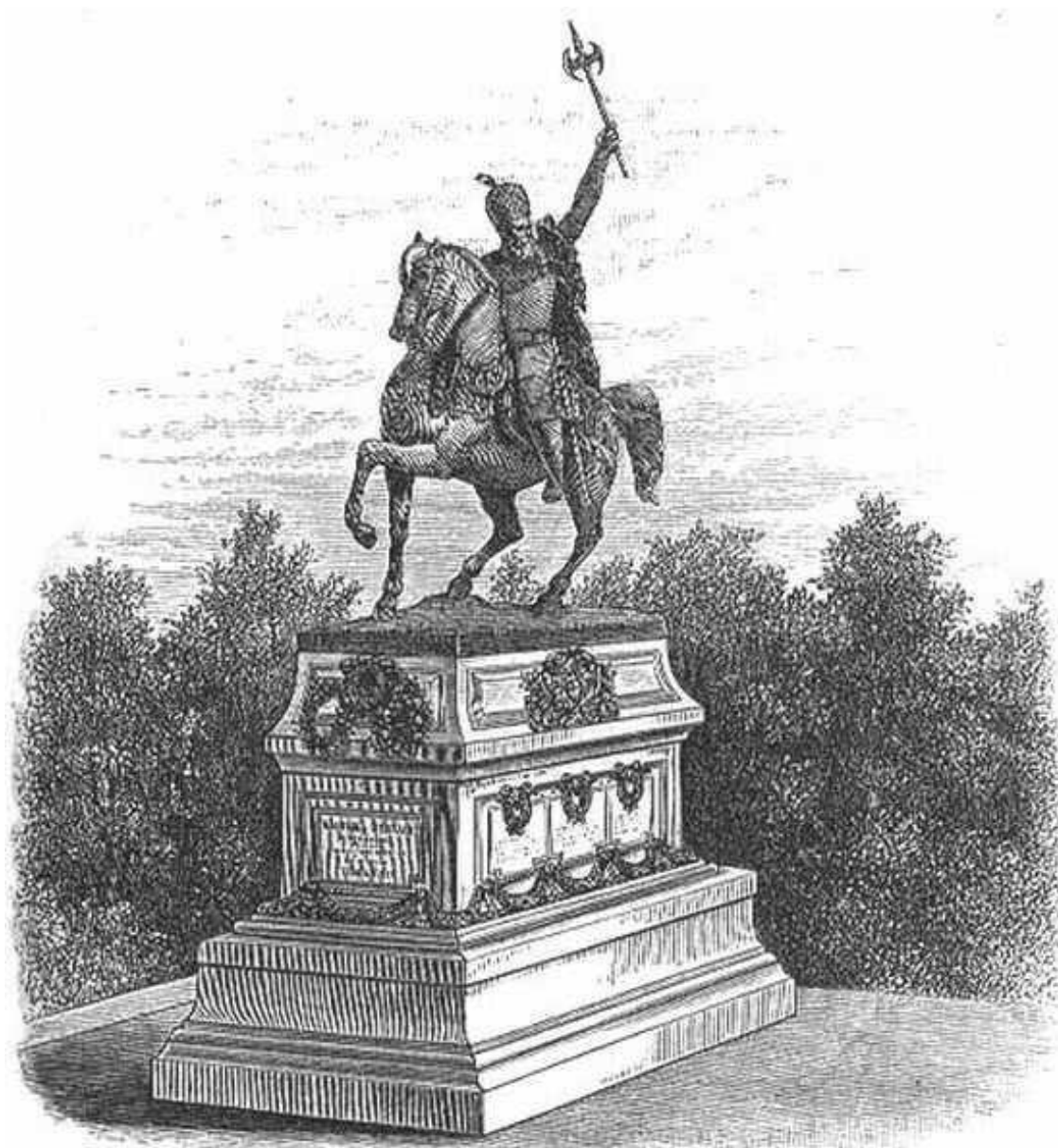
ГЛАВА XII.

ВРЕМЕНА И КАРЬЕРА МИХАИЛА ХРАБРОГО.

Состояние общества—большого и малого бояре и налоговый гнет крестьянства—аморальность бояре—священство—офицеры государства—классов крестьянства—рост городов—солдатня—агрессии турок и татар—Михая Храброго—его приход к власти—вступление на престол (1594)—Возгласы, с Порт—альянс с Венгрией и Польшей—резня турок—анекдот—заговор против Михаила подавило—Турки атаковали и разгромили на Дунае—вторжение в Валахию с Ахмед-паша—его поражение—Майкл присягает на верность Сигизмунду Трансильвании второй турецкого вторжения Синан паша—твердое неприятие Михаила в Giurgevo—отступление Майкл и битва Kalugereni—поражение Синан—отступление Майкл—оккупация Валахии Синан—Михаила и его союзников в наступление—Полет Синан и поражения турок в Giurgevo—турки выгнали—мир в Валахии—происки Михаила—присоединение Андреас Bathori вторжения и завоевания Трансильвании Майкл—его триумф—Михаила, князя Трансильвании—дальнейшие интриги—вторжение и покорение Молдавии—Михаил в зените своего могущества—распри с дворянами—Майкл сталкивается с ними в Miriszlo—их союзника Австрии, Общие Баста—разгрома и бегства Михаила—анекдот,—продолжил неудач Михаил—петиции Императору—не разрешено посещать его—вспомним Сигизмунда Bathori—Майкл восстановлен императором—вторгается в Трансильванию в союзе с Баста—поражение дворян в Gorozlo—ссоры из победоносных генералов—Баста определяет удалить Михаил—работает Валлонский офицер, чтобы убить его—Майкл убит в своей палатке (1601)—полет его бояре—немецкий суд отказывает в награду Баста предательство.

Я.

Как состояние северных придунайских территорий до основания княжеств сравнивалось нами с нынешним состоянием так называемой Независимой Татарии, а в последующий период - с состоянием ранних саксов, так и в правление Михаила Храброго (1593-1601 гг. н.э.) состояние общества напоминало состояние Англии при нормандских королях; действительно, на некоторых этапах наблюдается удивительно интересное совпадение. Как в Англии были большие и меньшие бароны, так и в Молдо-Валахии были большие и меньшие бояре. Они, по-видимому, обладали всей алчностью наших баронов-разбойников, но лишь немногим отличались от их *предполагаемого* рыцарства. Они угнетали крестьянство, которое со времен Влада Цепеша было в значительной степени крепостными, непосильными налогами и при любых обстоятельствах пытались переложить бремя государства на те плечи, которые были наименее способны его нести. Одним из таких сборов был подушный налог, подобный тому, который привел к появлению Wat. Беспорядки Тайлера во времена Ричарда II., но которые, как ни странно, все еще продолжают в Румынии, к недовольству всех ее благонамеренных граждан.

КОННАЯ СТАТУЯ МИХАИЛА ХРАБРОГО В БУКАРЕСТЕ.
(С ФОТОГРАФИИ ФРАНЦА ДУШЕКА.)

Помимо подушной подати, существовал "Стандартный подарок" (Поклон), который взимался при назначении воеводы; пасхальный подарок; дополнительный налог (*ajutoriă*), который повышался, когда заканчивались другие налоги. Кроме того, существовали налоги натурой на солод, соль, рыбу, крупный рогатый скот и лошадей, уплачиваемые князю. Землевладелец (боярин) имел право взимать налог на землю и пастбища, десятую часть продукции земли, феодальную повинность, налоги на пчел, свиней и овец, и в дополнение к этому взималась ставка с пчел, свиней, табака, вина и овец в пользу князя.^[138] В то время как эти поборы, чрезвычайные поборы и опустошительные действия войны часто приводили все крестьянство к самой крайней нищете, граничащей с голодной смертью, боярство жило сравнительно непринужденно и вело безнравственную жизнь, потакая своим желаниям. Широко распространен был наложничество, и многие бояре имели, помимо своей законной жены, по десять или дюжину любовниц. Их влияние, по-видимому, постепенно росло, и более крупные

бояре заняли все главные государственные посты, а также ведущие военные посты в округах. Существовали также личные различия : знатым боярам разрешалось носить длинные бороды, что было запрещено младшим боярам.

Кроме бояр и их крепостных, здесь почти не было коренного населения, о котором стоило бы говорить, и вообще не было среднего класса; вся торговля находилась в руках греков, евреев и армян. Существовало, однако, духовенство, которое было таким же невежественным, как и крестьянство; действительно, многие из них занимались обеими профессиями, единственными исключениями были митрополит и высшие священнослужители, которые обладали значительным влиянием здесь, как и везде в средние века. Власть князя не имела определенных пределов и, за исключением противодействующего влияния бояр, была практически абсолютной. Существовал совет из двенадцати бояр, чьи подписи вместе с подписью князя были визуальны приложены ко всем важным государственным документам.

Во времена Стефана (некоторые авторы говорят, что в более ранний период) были учреждены различные государственные учреждения, которые сохранялись вплоть до недавнего времени как в Валахии, так и в Молдавии; и поскольку читатель не может заинтересоваться каким-либо вопросом, имеющим отношение к прошлой истории страны, не найдя упоминания о том или ином из них, здесь может быть полезно перечислить некоторые из их названий.

1. Бан из Крайовы был наместником Малой Валахии, и его власть восходила, по всей вероятности, к основанию княжества. 2. Вель-Ворник, или министр внутренних дел, был губернатором Карпат и соседних округов. 3. Великий Ворник был губернатором низменностей. 4. Логотет, или канцлер, был министром юстиции. 5. Великий Спатар был военным министром. 6. Великий Вестиар, казначей и магистр Мантий. 7. Великий почтальон, начальник почты. 8. Пахарник, главный дворецкий и виночерпий (это титул венгерского происхождения). 9. Великий Стольник, главный повар. 10. Великий Комис, хозяин лошади. 11. Ага, начальник полиции. 12. Великий Питар, инспектор комиссариата. 13. Сердар, генерал пехоты трех округов (3000 человек). В Молдавии спатар назывался гетманом; в обоих княжествах были второстепенные должности, и во времена Стефана только первые шесть человек составляли Совет министров.^[139]

Хотя, как мы уже говорили, крестьянство было в основном крепостными, в их положении были различия. Главный корпус назывался Scutelnici, а крестьянство обычно делилось на два класса: тех, кто владел собственной землей, и тех, кто работал в поместьях князя, боярства или монастырей. Часть последних могла свободно передвигаться в поисках работы, а остальные были абсолютно крепостными, привязанными к земле; срок службы в каждом случае был установлен в сорок восемь дней в году. Значение городов росло, столицей была Тырговиштеа, но Бухарест (куда Константин Бранковано перенес свою столицу примерно столетие спустя) уже был важным местом, главным образом благодаря своему положению. Другим городом или крупной деревней была Куртя д'Арджеш. Но валахские воеводы переносили свою "столицу" по своему усмотрению, и перенос в те дни, вероятно, не был очень обременительным мероприятием. Похоже, что Влад Дракул (Дьявол) предпочитал Тырговиштеа, в то время как другой воевода, Михна, предпочитал Арджеш.^[140] Обратите внимание на другие города Крайова, Плоешти, Бузеу и два или три порта на Дунае. В Молдавии главными городами были Яссы, Сучава и Роман. Управление городами осуществлялось бургомистром, или мэром, префектом и советом из двенадцати граждан.

Армия была очень разнородной как по национальностям, так и по вооружению. Тогда или, возможно, в несколько более поздний период она была разделена на три части: регулярную армию,^[141] ополчение и ландштурм, последний из которых был без жалованья и вызывался только во времена большой опасности, и состоял в основном из слуг и рабынь бояр.

Первоначально оружием солдат регулярной армии, как и в этой стране, были луки, стрелы и копья, но во времена Михаила уже были мушкетеры и примитивная артиллерия. Помимо местных солдат, здесь были наемники, а именно венгры, секлеры, поляки, казаки, сербы, болгары, албанцы, кавалерия и пехота. Вся страна в то время была разделена на военные округа, соответствующие нынешнему Джудезту или департаментам, каждый округ находился под контролем капитана, который объединял военную, административную и судебную власть в своем собственном лице. Названия большинства районов остаются неизменными до наших дней.

К этому рассказу о Молдо-Валахии необходимо только добавить, что во время войны, а это было нормальным состоянием, люди подвергались ужасным лишениям. Когда армия наступала, крестьянство облагалось контрибуциями для войск; когда оно бежало перед врагом, все было сожжено или разрушено при отступлении, так что преследующие силы могли быть остановлены из-за нехватки припасов.

Школ для народа там не существовало, и все существующие знания были ограничены стенами монастырей, которые, однако, были многочисленны и хорошо обеспечены. Ни в один период своей истории Валахия не находилась в таком плачевном состоянии, как в момент восшествия на престол Михаила. Помимо обладания сюзеренитетом княжества, турки полностью оккупировали весь южный берег Дуная, вместе с некоторыми постами и тем, что известно как Темешвар, на северной стороне. Трансильванские склоны Карпат и страна за их пределами были вотчиной Германской, или, как ее еще называли, Римской империи, над которой в то время правил Рудольф II, в то время как территория к северу от Молдавии входила в состав Польши. Но хотя Валахия номинально была автономной и ей было позволено выбирать своих правителей, на самом деле это была угнетенная провинция Турции. Договоры были полностью нарушены. Мечети и дома строились турецкими жителями вопреки положениям Никопольского мирного договора при попустительстве воевод, которые, как мы уже говорили, возвышались и низлагались в соответствии с алчностью или политикой Порты. Их крепости и гарнизоны на Дунае служили центрами, из которых османы совершали набеги на территорию Валахии, распространяя опустошение повсюду, и в дополнение к этому бедствию страдающие жители время от времени подвергались враждебным визитам татар. Орды этих дикарей были в союзе с турками против Венгрии, и для них не было ничего необычного в том, что они отклонялись от своего маршрута, попадали на равнины Валахии и возобновляли сцены грабежа и бесчинств, которые были характерны для прохода восточных варваров.

Михаил, который, вероятно, был посмертным сыном бывшего воеводы Валахии по имени Петрашко, родился примерно в 1558 году, а в 1583 году он женился на вдове боярина, от которой у него был по крайней мере один, если не два сына, и дочь. Он занимал несколько почетных должностей в государстве и был баном Крайовы, прежде чем вззошел на трон Валахии. Этот шаг он совершил благодаря интригам в Константинополе с помощью своего тестя, благодаря которым ему удалось свергнуть своего предшественника Александра. Рассказывают несколько удивительных историй о ничтожных спасениях Михаила в его борьбе за господство, одна из которых заключается в том, что, когда он был схвачен Александром и приказан к казни,

палач был так напуган величиим его облика, что выронил топор и убежал, и не нашлось никого другого, желающего взять на себя эту отвратительную обязанность. Как бы то ни было, в конце концов ему удалось устранить своего соперника, и в 1593 году он взошел на трон Валахии. В течение некоторого времени после своего восшествия на престол Михаил обращался к своему сюзерену в Константинополе с протестами по поводу незаконных действий турецкой и татарской армии, но, обнаружив, что они бесполезны, он обратился за союзом к Сигизмунду, принцу Зибенбюргена^[142] (Трансильвания), и Аарону, воеводе Молдавии, и решил избавить свою страну от притеснителей. Следует добавить, что Аарон Молдавский был слабым князем, который не присоединился бы к Михаилу, если бы не то обстоятельство, что, подвергшись нападению и потерпев поражение от поляков, он был вынужден искать убежища при дворе Михаила. После заключения союза между тремя князьями был нанесен первый удар по независимости, и 12 или 13 ноября 1594 года все турки, которые были найдены в Бухаресте или Яссах, были безжалостно перебиты. Говорят, что Михаил пригласил большое количество истинно верующих, которые настаивали на урегулировании незаконных претензий, встретиться с ним в хане в Бухаресте, и когда они собрались, он приказал предать их всех мечу, и это послужило сигналом к резне по всем княжествам. Нескольким туркам удалось спастись благодаря человечности или дружбе частных лиц, и один такой случай специально зафиксирован. Кади из Джурджево, случайно оказавшийся в Бухаресте, выходил утром 13 ноября, когда его остановил друг-валах, который спросил: "Али-Джан-Хогча, сколько лет я ем твой хлеб-соль?" "Около двадцати лет", - ответил турок. "Ну, тогда, - сказал его друг, - из благодарности я дам тебе совет". "Говори", - сказал Али. "Не оставайся в этом городе до трех или четырех часов; и не оставайся в Джурджево, но спеши как можно скорее в Рустчук" (на противоположном берегу Дуная). - Но почему? - спросил турок. Валах пошел прочь, но, обернувшись и увидев, что его друг все еще в нерешительности, крикнул: "Не забывай, что я тебе сказал!" Продолжая бродить по городу, турок не мог не заметить большей активности, чем обычно, на улицах; подозревая недоброе, но, не сказав никому ни слова, он приказал запрячь своих лошадей и бежал в Джурджево. Очистив таким образом внутреннюю часть Валахии от турок, Михаил продолжил атаковать их позиции на Дунае. Сначала он взял штурмом Джурджево и вынудил турок покинуть его, некоторые переправились через Дунай, а другие укрылись в крепости, которая была расположена на острове на реке; но эту последнюю он не смог захватить, так как войска, боеприпасы и провизия были отправлены в нее с болгарской стороны. Довольный поэтому своей победой, он удалился в Бухарест.

II.

Вскоре после этого сторонники турок организовали заговор против Михаила, и под предлогом простого желания пройти по стране турецкий эмир с двумя тысячами человек вступил в Бухарест. Михаил, знавший о заговоре, сделал вид, что соглашается на это движение, но вскоре после этого спокойно удалился в лагерь союзников и, вернувшись с достаточным войском, окружил дом главного заговорщика, в котором были расквартированы эмир и его сопровождающие, и предал их мечу. Ярость его войск была необузданной, и пощады не было, последний враг был предан смерти. Но Михаил на этом не остановился. Чтобы защитить Валахию от турецких набегов, он решил очистить оба берега Дуная от их гарнизонов. С этой целью он послал известного и успешного трансильванского генерала Альберта Кирали с достаточными силами, которые взяли, разграбили и сожгли турецкий город в устье Яломицы, где она впадает в Дунай. Крепость, однако, он был вынужден оставить в руках турок. Михаил, следуя с остатками армии, переправился через саму реку и осадил Орошик (ныне Гиршова).

Это место было сильно укреплено турками, но после упорного сражения, которое частично велось на замерзших водах Дуная, союзники одержали победу и отступили за реку с огромной добычей.

Вскоре после этого он двинулся вверх по реке в Силистрию, где во второй раз столкнулся с турками, одержал победу и превратил это место в пепелище. Эти победы Михаила вселили ужас в правителей Константинополя, и османская армия под командованием Ахмед-паши была направлена в Рустчук, в то время как крымскому хану, союзнику турок, было приказано войти в Валахию с востока, поскольку Порты надеялась этими энергичными мерами привести к покорности своего непокорного вассала. Однако турки не знали, из какого материала был сделан Михаил. Разделив свою армию на две части, он преуспел благодаря скорости своих передвижений не только в разделении союзников, но и в полном разгроме обоих. Татары были дважды разбиты, и их беглецы сеяли ужас среди османских войск. Затем Михаил дал туркам сражение при Рустчуке со всем своим войском, разбил и рассеял их, а также убил их генерала. После этих подвигов он с триумфом и большой добычей вернулся в Букарест.

Однако, не долго поживая на лаврах, он снова разделил свою армию на несколько отрядов, которые под командованием разных генералов снова двинулись к Дунаю, в результате чего союзные князья Валахии и Молдавии вскоре смогли доложить принцу Сигизмунду, что оба берега Дуная на восток до Черного моря очищены от османских войск.

III.

Но эти победы далеко не положили конец бедам Майкла. Прежде чем заручиться сотрудничеством принца Зибенбюргена, он с двуличием, характерным для всей его карьеры, согласился признать Сигизмунда своим сюзереном, его целью было освободиться от турецкого владычества и затем принять независимую власть. Но от трансильванцев было не так-то легко избавиться, и после побед над турками они, в свою очередь, потребовали уважения от двух воевод и подкрепили свои притязания непреодолимой силой. Молдавский воевода был схвачен и заключен в тюрьму, а Михаил, считая благоразумие лучшей частью доблести, подчинился условиям, которые ему продиктовали. По внешнему виду они были даже хуже, чем турецкие "капитуляции", но, поскольку они так и не были выполнены, нет необходимости упоминать о них. Сигизмунд принял титул "Милостью Божьей князь Зибенбюргена, Молдавии и Валахии, Священной Римской империи и т.д." (он, в свою очередь, был вассалом германского императора), в то время как Михаилу было отказано в притязаниях на божественное право, его княжеские полномочия были ограничены, и к нему обращались "Dominus Michael Voivoda regni nostri Transalpinensis". Ему не разрешалось использовать государственную печать, но разрешалось использовать красный воск.

Возможно, для Михаила было хорошо, что он подчинился этим унижительным условиям своего союзника, иначе его правление могло бы оказаться еще короче, чем было на самом деле, поскольку турок снова был у его ворот с превосходящей армией. Султан Мурад III. умер в январе 1595 года, и ему наследовал Мухаммед III; девятнадцать братьев, как нам сообщают, были убиты во избежание разногласий - обычай, которому до сих пор следуют, как читателю, несомненно, известно, в некоторых восточных королевствах. Вскоре после его восшествия на престол Порты снова приступила к установлению суверенитета над княжествами, и армия, по разным оценкам, от 100 000 до 180 000 человек, под командованием Синан-паши, была сосредоточена в Рустчуке, чтобы овладеть провинциями. Майкл в то время смог собрать всего 8000 человек, поскольку

трансильванские войска были выведены, но его столкновение с превосходящими турецкими силами, выставленными против него в этот раз, несомненно, представляет собой самый блестящий этап его замечательной карьеры. Быстро продвигаясь к Джурджево со своей горсткой людей, он сумел на несколько недель задержать турецкую армию на южном берегу Дуная, разрушив их мосты и не позволив им переправиться через реку. В конце концов турецкий отряд, которому удалось переправиться через реку в пункте выше Джурджево, был вынужден отступить в деревню примерно на полпути к Букаресту. Его маленькая армия была усилена присоединением трансильванских и молдавских войск, первых под командованием храброго Альберта Кирали, но даже тогда она едва насчитывала 16 000 человек, в то время как армия Синан-паши, должно быть, была по меньшей мере в шесть раз сильнее. Калугерени, деревню, у которой был сделан этот привал, до сих пор можно найти на картах, на железнодорожной линии от Джурджево до Букареста; и она отличалась от Фермопил только тем фактом, что враг был остановлен не только на своем пути, но и на то время, когда маленькая армия румын и их союзников одержали полную победу.

Ничто не могло превзойти изумления Синан-паши, когда он обнаружил, что Майкл готов дать ему бой со своей горсткой патриотов; но когда он приступил к составлению дислокации для атаки, он обнаружил, что его противник на своей выгодной позиции во многом компенсировал ему меньшую численность. Местность была такова, что Синан не мог задействовать ни все, ни даже большую часть своих сил, а Майкл и его союзники были защищены болотом и рекой, что делало необходимым для турок сосредоточить всю свою атаку на единственной дороге и мосту, пересекающем последнюю. У этого моста практически разыгралось сражение. Майкл и его войска долгое время выдерживали атаку османов, которые разместили свои орудия таким образом, чтобы внести хаос в ряды союзников, пока те, сражаясь врукопашную, не были вынуждены отступить. Турки последовали за ними и были уверены в своей победе, когда Альберту Кирали удалось вывести два орудия на выгодную позицию и фланговым огнем привести противника в замешательство. Этим обстоятельством Майкл воспользовался еще раз, чтобы возобновить атаку, на этот раз с самыми счастливыми результатами. Враг в беспорядке отступил через мост, и яростный натиск союзников загнал его войска в трясину. С одной стороны, Майкл, как говорят, проявил чудеса доблести, в то время как с другой стороны, Синан-паша, сражавшийся с равной храбростью, был выбит из седла и брошен в болото, из которого ему удалось спастись только благодаря верности одного из его последователей, впоследствии известного как "Маршер". Майкл вернул свои собственные пушки, захваченные в начале боя, а также многие вражеские, вместе с большой добычей, включающей множество турецких штандартов, включая священный штандарт Мухаммеда, который считался непобедимым. Так завершилась битва, которой по сей день гордятся румыны и которую они связывают с памятью о своем величайшем герое. Эта битва произошла и выиграна в неопределенный срок между 13 и 26 августа 1595 года. Остальная часть кампании может быть отклонена в нескольких предложениях.

Легко представить, что Михаил со своим небольшим отрядом не смог извлечь никакой выгоды из своей победы; и, поскольку ночью был проведен военный совет, было принято решение об отступлении. Быстро пройдя через Букарест, который был разграблен трансильванскими войсками, чтобы турки не могли воспользоваться его сокровищами, союзники отступили в Тырговиштеа, сопровождаемые местными жителями по пути следования; и после нескольких дней отдыха они направились в деревню у подножия Карпат, чтобы ждать помощи из Зибенбюргена. Турецкий командующий, тем временем, вместо того, чтобы немедленно

последовать за ними, на досуге вошел в Бухарест, где разделил свою армию на многочисленные отряды, чтобы овладеть различными частями страны и гарнизонными крепостями, и проводил время, превращая церкви в мечети и заменяя полумесяц крестом. Затем он двинулся дальше, овладел Тырговиштеа и послал большие силы занять Браилу.

Тем временем Сигизмунд собрал мощную и хорошо дисциплинированную армию, состоящую из имперских войск и трансильванцев и насчитывающую 20 000 конных и 30 000 пеших при 53 орудиях. С ними он пересек Карпаты и, присоединившись к Майклу и Альберту Кирали, возобновил наступление на турок, гоня их перед собой везде, где встречал. Синан испугался и отступил в Букарест. Тырговиштеа был взят союзниками после трехдневных боев, и было захвачено много орудий. Синан продолжал отступать перед наступающим противником. Подожгв город и уничтожив множество церквей, он поспешно отступил в Джурджево; и, думая, что союзники войдут в Бухарест, он, как говорят, оставил его заминированным, готовым к взрыву. В этом, однако, он ошибся. Сигизмунд и Михаил прошли мимо Букареста и со всей поспешностью погнались за ним, прибыв в Джурджево, когда турецкая армия все еще переправлялась через реку. Синану удалось добраться до болгарской стороны с частью своих войск, но арьергард все еще находился в Джурджево, и завязался бой, в котором большая часть турецких войск была разбита вдребезги либо на суше, либо при попытке пересечь ручей. Дунай покраснел от крови; говорят, что пало 5000 турок и от 4000 до 5000 христиан были освобождены от своих цепей. Говорят, что вся кампания обошлась туркам в 30 000 человек и 150 больших и малых орудий.

IV.

Успешно освободив с помощью своих союзников свою страну от внешних врагов, Михаил имел теперь короткий промежуток времени для улучшения ее внутреннего состояния, поскольку вряд ли нужно говорить, что эти опустошительные войны довели ее до самой низшей стадии нищеты. Поля были вспаханы, скот привезен из Трансильвании, семенная кукуруза распределена среди крестьян, и вскоре лицо земли приобрело улыбающийся вид, а на руинах старых возникли новые города и деревни. У него были небольшие войны с татарами, против него составлялись и подавлялись заговоры. Его даже обвинили в предательстве по отношению к своему сюзерену, которого, однако, ему удалось убедить во время визита в Вайсенбург; и хорошо было бы Михаилу и его стране, если бы его честолюбие не побудило его переоценивать свои силы, и если бы он удовлетворился мирным правлением в своем собственном княжестве. Но это не входило в его политику. Его победы обеспечили ему высокое положение среди держав Востока; а происходившие перемены привели его к общению с теми и другими и способствовали осуществлению плана возвышения, который, хотя и был на какое-то время успешным, привел к его падению и смерти.

Сигизмунд Батори, устав от правления, отрекся от престола в пользу своего брата, кардинала Андреаса, с которым у Михаила не было ничего общего, и тогда (если не раньше) последний начал вынашивать план стать независимым правителем того, что было древней Дакией, а именно Валахии, Молдавии и Зибенбюргена. С этой целью он начал переговоры с Портой, которые были горячо приняты; и он также обратился к германскому императору, у которого ему нужны были деньги для оплаты своих наемных войск. Действительно, для достижения своих целей он в одно и то же время принес присягу и признал себя вассалом обеих держав. Долгое время он тянул время и довольствовался укреплением и тренировкой своих сил. В конце концов,

воспользовавшись недружественными отношениями, существовавшими между Андреасом Батори и императором, от которого ему удалось получить субсидию под предлогом того, что она требовалась ему для проведения операций против турок, которые постоянно угрожали Империи, Михаил спешно собрал свои силы и, вопреки предупреждениям и пожеланиям своей жены и некоторых из своих более осмотрительных советников, в 1599 году пересек перевал Боза в Карпатах и приступил к захвату Зибенбюргена, как он утверждал, от имени и в интересах своего сюзерена, германского императора.

После того, как Михаил нагнал страху на жителей Трансильванской вавны бесчинствами своих войск, первым сколько-нибудь значимым шагом при въезде в страну было появиться перед Кронштадтом со своей армией и потребовать ее капитуляции. Это было удовлетворено, и Михаил счел разумным не входить в город, а двинуться вперед и завладеть другими городами, которые быстро уступали ему один за другим.

Андреас Батори был ошеломлен и озадачен этим внезапным вторжением в его владения, но когда он полностью осознал опасность, вся страна была взбудоражена появлением "кровавого меча". Он также послал эмиссаров, чтобы убедить Михаила вернуться в свою страну, но последний держал их в заключении до завершения кампании. Что делало ситуацию более серьезной для Андреаса, так это то, что огромное количество недовольных жителей и флибустьеров, жаждущих добычи, присоединились к армии Михаила и увеличили ее численность до 25 000 человек. Андреас поспешно созвал военный совет, и после значительной задержки трансильванская армия была собрана в Херманштадте. Михаил, не ожидавший серьезного сопротивления так скоро, прибегнул к хитрости, чтобы выиграть время и обмануть своего врага. К его стыду, следует сказать, что он отправил эмиссаров к Андреасу, которым было поручено представить все происходящее как досадную ошибку и выразить сожаление Михаила по поводу бесчинств его войск. Все, чего он хотел, по его словам, это свободного проезда через Зибенбюрген в Венгрию, где он хотел объединить свои силы с силами Империи против турок. И когда кардинал прислал ему сообщение, что он должен вернуться в Валахию со своими войсками, прежде чем сможет считать их старую дружбу восстановленной, Михаил зашел в своем двуличии так далеко, что заключил перемирие с эмиссарами и сделал предложение об обмене заложниками. Переговоры, однако, были, по всей вероятности, неискренними с обеих сторон; и после дальнейшей задержки эмиссары вернулись в свои лагеря, а противоборствующие армии встретились во враждебном расположении на равнине между Херманштадтом и Шелленбергом. Здесь каждый принц обратился к своим войскам перед столкновением. Кардинал Андреас, лишенный своей церковной мантии, полностью экипированный и сидящий верхом, осудил Майкла в самых резких выражениях. Его братья, по его словам, все еще пасут овец и свиней в Валахии. Он связался с разбойниками и разношерстным сбродом, собранным со всех концов, чтобы разорить страну. "Не бойтесь, - добавил он, - этого народа славян, которые с незапамятных времен были покоренными подданными венгров и которых следовало бы наказывать скорее розгами и ударами, чем мечом". Так и многое другое в том же духе говорил Андреас. Майкл, с другой стороны, говорил о своем враге с презрительной шутливостью, как о священнике-лжесвидетеле, вступившем в союз с турками, врагами христианского мира, в то время как сам он утверждал, что олицетворяет верность христианству и Империи. Более того, он предлагал своим войскам большую добычу в случае победы.

Мы не будем пытаться описать последовавшую за этим схватку. С самого начала это в какой-то степени сказалось в пользу Михаэля из-за дезертирства одного из самых влиятельных лидеров армии Андреаса. В основном это была серия столкновений между разрозненными отрядами войск, и во многих случаях не только люди одной нации выступали друг против друга, но и противоборствующие силы находились под руководством ближайших родственников. Первым, кто уступил после ожесточенного и затяжного сражения, был Андреас, который бежал с поля боя, считая битву проигранной. Однако его храбрые генералы сплотили его людей и в значительной степени восстановили успех того дня. На самом деле они сражались настолько успешно, что часть валашской армии, которой командовал сам Михаил, обратилась в бегство и на какое-то время увлекла за собой своего предводителя. Трусость Андреаса помешала трансильванским вождям воспользоваться этим поворотом в свою пользу; и Михаил, видя, что еще не все потеряно, предпринял энергичные усилия, чтобы сплотить свои войска. Угрозами, ударами и гневными восклицаниями ему, наконец, удалось остановить паническое бегство, но только после того, как он собственным мечом пронзил двух беглых военачальников насквозь, ему еще раз удалось вывести своих сторонников на поле боя и на этот раз окончательно разгромить врага. Этому завершению способствовало событие, подобное тому, с которого началась драка. Поляки на трансильванской службе, видя бегство своего предводителя и считая его дело проигранным, дезертировали всем скопом, чтобы не потерять свою долю добычи.

Эта битва, которую одни называют битвой при Шелленберге, а другие - при Херманштадте, положила Трансильванию к ногам Михаила. Херманштадт открыл бы перед ним свои ворота, но вместо того, чтобы войти в него, он двинулся дальше и 1 ноября 1599 года с триумфом въехал в столицу Вайсенбург. В тот раз великолепие его одежды и обстановки, по-видимому, едва ли соответствовало его репутации отважного воина. Мы читаем о белой шелковой мантии, расшитой золотым кружевом; о пуговицах из драгоценных камней; о поясе, за которым висел ятаган, украшенный золотом и рубинами; и о том, что его жена и дети были в таком же состоянии. Заслуживает упоминания еще одна особенность. С грохотом пушек, звоном колоколов, звуками флейты и барабана и топотом богато украшенных коней ассоциировалась валашская национальная музыка в исполнении цыган (лаутари), случай, который позволяет тому, кто даже сегодня слышал их дикую музыку, живо представить себе эту сцену.

V.

Теперь Михаил взял на себя руководство делами в Трансильвании, несмотря на то, что немецкий генерал Баста, который надеялся заполучить правительство для себя, присутствовал с армией, чтобы контролировать его действия. Вскоре он услышал о поимке и убийстве горными крестьянами Андреаса Батори, за голову которого он назначил награду, и, созвав собрание знати, ему удалось добиться их присоединения к своему вице-королевству. После долгих переговоров император, видя, что Михаил прочно утвердился в своем правительстве с согласия Ассамблеи штатов, и обнаружив, что он готов подчиниться как вассал германской короны, смирился с ситуацией и разрешил ему принести дань уважения. Это было сделано с большой неохотой и несмотря на папские увещевания, поскольку убийство кардинала Батори вызвало большое озлобление против Михаила в Риме. Как только последний почувствовал или посчитал свое положение в Зибенбюргене безопасным, он повернул оружие против Молдавии с целью свергнуть правящего воеводу Иеремию Могилу и завершить объединение этой страны с двумя странами, которыми он уже правил. Маневры Михаэля были сомнительными до его поединка с

Андреасом, но теперь он превзошел самого себя. Чтобы добиться своих целей, он пригрозил императору союзом с турками, если тот не предоставит ему дополнительных денежных средств. Порту он умиротворил, приняв ее послов и оказав им почтение. К папе Римскому он обратился за поддержкой против неверных, но его единственным ответом было то, что Михаилу сначала следует принять истинную веру — он, конечно, был членом раскольниковской греческой церкви; и как раз перед вступлением в Молдавию со своей армией он имел наглость, чтобы сбить Могилу с толку, предложить брак между своей дочерью и сыном Могилы. Наконец, чтобы добиться повиновения своих подданных в Зибенбюргене на время своего отсутствия в Молдавии, он отправил большое количество трансильванской знати к своему сыну в Валахию, чтобы они содержались там в качестве заложников до тех пор, пока он не достигнет своих целей.

Король Польши, находившийся в союзе с Молдавией, был осведомлен о планах Михаила и обратился к императору с просьбой остановить их; но Михаил, не обратив на это внимания, собрал разнородную армию и в мае 1600 года н.э. начал свой поход в Молдавию, объявив об этом как о своем намерении отомстить за смерть покойного воеводы Стефана, убитого Иеремией Могилкой. Его переход через Карпаты был сопряжен с трудностями, его армия часто была почти без припасов; но, оказавшись в Молдавии, все пали перед его оружием. Иеремия был на свадьбе в воображаемой безопасности, и едва успел собрать небольшую армию, как на него набросился Майкл. Близ столицы Сучавы произошло сражение, которое решило судьбу княжества. Большая часть армии Иеремии перешла на сторону Михаила, который без труда разгромил своего врага и овладел Сучавой. Пробыв некоторое время в Молдавии, Иеремия бежал в Польшу, где ему удалось привлечь поляков в свою поддержку. Они, однако, были настолько напуганы успехами войск Михаила, что удовлетворились тем, что послали армию к границе и там заняли оборону. Михаил завоевал молдаван, освободив их от налогов, и, передав управление в руки военной комиссии, он повернулся лицом к Трансильвании и с триумфом вернулся в Вайсенбург через два месяца после того дня, когда он отправился на свою завоевательную миссию.

VI.

Власть Михаила была с готовностью признана Генеральными штатами Трансильвании и с большими опасениями императором Рудольфом. Сейчас он был на вершине своей славы, достаточно скромно называя себя вице-королем, но действуя с авторитетом деспотического правителя. В его честь были отчеканены золотые и серебряные медали, некоторые из которых сохранились до наших дней; его ожидали посланцы от немецкого и других дворов, и он был принят по-королевски.

Судя по его изображению на этих медалях и по его портрету, написанному впоследствии, он был человеком поразительной осанки и несколько сурового вида. Его лицо отличалось орлиным носом, бородой и усами и, как говорят, было полно выражения.

Хотелось бы нам оставить его на этом триумфальном этапе его карьеры; но это невозможно, ибо каким бы быстрым и примечательным ни было его восхождение, его падение и крах были еще более стремительными. Едва он утвердился в своей тройственной власти, как начались его неприятности. Он никогда не был сердечно принят своей знатью, многие из которых были честолюбивы и своекорыстны и рассматривали его в свете узурпатора. Сама нация состояла из антагонистических рас, секлеров, саксов, венгров и т. Д., И там, где он нравился одной расе, он

вызывал недовольство другой. Поляки тоже только и ждали возможности потревожить его правительство в Молдавии. Восстание на родине, которое Михаил пытался подавить казнью некоторых лидеров, вскоре стало очень грозным, и знать собрала значительную армию вассалов и расположилась лагерем в Торде. Михаил пытался различными уловками заполучить их в свою власть, но ему это не удалось. Генерал Баста, который жаждал отомстить ему за то, что тот не допустил его в вице-королевство Зибенбюрген, присоединился к трансильванской армии; и Михаил, обнаружив, что все его усилия по умиротворению тщетны, в конце концов столкнулся с генералом Бастой и дворянами в Мирисло, деревне, которая, как читатель все еще найдет, отмечена на железной дороге между Карлсбургом и Клаузенбургом. Позиция Михаэля была очень сильной, и, если бы он дождался нападения своих врагов, велика вероятность, что он снова одержал бы победу. Но в лице Басты у него был коварный противник. Сочтя невозможным атаковать Майкла там, где он стоял лагерем, он симулировал отступление, после чего Майкл, презрительно спросив своих генералов, "куда бежит итальянская гончая", позволил своей армии последовать за ним в беспорядочном преследовании. Однако вскоре они были остановлены, и Михаилу пришлось дать бой при гораздо менее благоприятных условиях. Его армия была более многочисленной, чем у его врага; но последний не только состоял из опытных войск, но и был гораздо лучше укомплектован офицерами. Поединок был ожесточенным, и хитроумный маневр Басты привел к тому, что все решилось не в пользу Майкла. Один из его генералов заметил, что артиллерия Михаэля, размещенная таким образом, чтобы досаждала армии союзников, может быть захвачена фланговым ударом. Он послал триста мушкетеров, которым удалось захватить пушки и направить их против войск Майкла. Вскоре все было потеряно, и после тщетных попыток сплотить своих людей он, наконец, уступил просьбам своих офицеров и приготовился бежать. Его поведение в этом случае характерно для этого человека. Поэтому он приказал принести национальный флаг, сделанный из белого шелка, с изображением ворона с красным крестом в клюве на зеленом поле. Это было вырвано из посоха, и Майкл спрятал его за пазуху. Офицеры последовали его примеру с остальными прапорщиками. Затем он дал шпоры своему коню и, ослабив поводья, в сопровождении своих офицеров и нескольких польских и других кавалеристов обратился в бегство. Если бы он подождал еще несколько минут, то наверняка попал бы в плен.^[143] Преследуемый врагом по пятам, Майкл достиг берегов реки Нарос, и вместо того, чтобы позволить переправить себя через реку, он прыгнул в волны верхом на лошади, и его верный конь, который был турецкой породы, благополучно доставил его на другой берег. Здесь, преисполненный благодарности и привязанности к животному и зная, что оно не в состоянии нести его дальше, он похлопал его по шее, погладил гриву, поцеловал и отпустил в поле. Следить за приключениями Майкла после этого ужасного поражения было бы невозможно. Сначала он укрылся в Карпатах, в горах Фогарас, как их называют; затем он вернулся и вместе со своим сыном сумел на короткое время закрепиться в Трансильвании. Но под угрозой Рудольфа и поляков он был рад сбежать в Валахию.

Здесь за ним снова последовали поляки, и, в довершение его замешательства, турки начали совершать набеги на его страну. Еще раз он потерпел поражение от первого противника на реке Телега, недалеко от Плоешти. Брат Иеремии Могилы, взошедший на трон Валахии, Михаил счел необходимым укрыться в банате Крайова, своей первой резиденции правительства. Тогда-то он и обратился за защитой к германскому императору, выразив свое желание предстать перед ним, чтобы отстаивать свое собственное дело. Рудольф предоставил ему охранную грамоту для себя и умеренных последователей в Зибенбюргене, и Михаэль предстал перед немецким судом.

Однако, несмотря на охранную грамоту, его путешествие было сопряжено сопасностями. В него стреляли из замков, за ним следовали вражеские банды, и в конце концов ему разрешили переправиться через реку Тайсс в Токае только с сотней человек. Он благополучно добрался до Вены 12 января 1601 года, и там ему помешали отправиться в Прагу, где находился император, по приказу императорского двора.

Однако вскоре после этого трансильванская знать, столь же неверная Рудольфу, которому они присягнули на верность, как и Михаилу, отозвала Сигизмунда Батори и без санкции императора посадила его на трон Зибенбюргена. Именно тогда Рудольф счел удобным позволить Майклу приблизиться к своей персоне. Последний по прибытии представил петицию в свою защиту, которая могла быть составлена специальным защитником и которая была принята императором в качестве обоснования его судебного разбирательства. Между ними произошло полное примирение, и Михаил был официально вновь назначен наместником Трансильвании. В его распоряжение была предоставлена достаточно хорошо оснащенная армия и крупная сумма денег, и ему было предложено присоединиться к своему старому врагу, генералу Басте, в свержении Сигизмунда с престола. Между двумя вождями, Михаэлем и Бастой, произошло очевидное примирение, и они как союзники двинулись в Зибенбюрген. Сигизмунд, поняв, что его дело с императором безнадежно, и после того, как, как говорят, тщетно пытался грязными средствами предотвратить соединение Михаила и Басты, обратился за помощью к туркам и молдаванам и получил ее. Иными словами, первый послал бы ему контингент войск, если бы Михаил с помощью поддельных писем, якобы подписанных Сигизмундом, не держал их на расстоянии. Противоборствующие силы встретились в Горошло близ Клаузенбурга, и после ожесточенного сражения трансильванцы потерпели ужасное поражение. Однако едва была одержана победа, как между двумя генералами вспыхнули зависть и взаимные обвинения.

Михаэль считал себя вице-королем Зибенбюргена, призванным управлять делами страны. Баста, испытывая разочарование из-за того, что ему не удалось сохранить вице-королевство, продолжал занимать должность главнокомандующего вооруженными силами и не только вмешивался в приказы и желания Майкла, но и обвинял его в различных преступлениях, главным из которых было то, что он снова узурпировал верховную власть. Полагая, что он будет в безопасности, используя это обвинение в качестве оправдания своих действий, и что его смещение проложит путь для его собственного вступления в вице-королевство, Баста тогда решил убить Майкла. Зная, что он намеревался отправиться в Карпаты и освободить свою семью, которая содержалась там в заключении, Баста послал капитана с тремя сотнями валлонцев для достижения своей цели. Этот человек обратился в палатку Майкла за разрешением сопровождать его в путешествии и попросил его получить необходимое разрешение от Басты. Михаил согласился, после чего офицер поспешно вошел в палатку и, подойдя к отдыхавшему принцу, обратился к нему как к своему пленнику. Майкл воскликнул, что не сдастся живым, но прежде чем он успел завладеть своим мечом, чтобы защититься, офицер проткнул его тело своей алебардой.^[144] Это гнусное деяние было совершено между 17 августа и 1 сентября 1601 года, и говорят, что убийцы отрубили ему голову и руку, державшую меч, собственным мечом Майкла. Впоследствии они подвергли пыткам и убили его министра, восьмидесятилетнего ветерана, и посеяли такой ужас среди войск, которые остались верны своему убитому князю, что его бояре и их сторонники обратились в бегство и искали убежища в Валахии.

Так пал Михаил Храбрый, опрометчивый, отважный, лживый, амбициозный, патриотичный, центральная фигура в прошлой истории Румынии. Баста пытался оправдать свой акт предательства в письме к императору; но хотя, с одной стороны, немецкий двор не осмеливался ссориться с ним в тогдашнем положении Трансильвании, с другой стороны, они отказались вознаградить его за кровавый поступок, который навлек проклятие на его имя потомков.

ГЛАВА XIII.

ОТ СМЕРТИ МИХАИЛА ХРАБРОГО (1601 г. н. э.) До НИЗЛОЖЕНИЯ ПРИНЦА КУЗЫ (1866 г. н. э.).

Турецкие поборы после падения Михаила —Переход от местных к греческим воеводам — Матфею Бассарабу (Валахия) и Василиусу Лупусу (Молдавия) —Их суровые уголовные кодексы - Сербан II. (Кантакузен)—его добрые дела,—предает Турки до Вены растущей мощи России— Договор Carlowitz—Brancovano (Валахия) и Кантемир (Молдавия) переговоры с Петром Великим—первым российским нашествием княжества—были разбиты турками—полет Кантемир—(Примечание: анекдот о российской алчности)—арест и расстрел Brancovano и его семья—его большие сокровища—фанариоты,—их происхождение и рост—вырезали в Валахии—второй вид—поборы и высылку—Panaiotaki, Драгоман порты—в Mavrocordatos— Николай, Первый Phanariote господарь—подавляет бояре' фиксаторы—Константин изменяет рабство—режим назначения господарей—в Caimakat—дань уважения и раболепства бояр—проведение Phanariote правителей дома—суд таможенной слышет изнеженность—хищность и поборы—поборы чиновников—экстравагантность принцесс— лечение крестьянства—князья поощрять разбой—как правило, смещен и казнен коррупции духовенства—другие губительное воздействие Phanariote правило—(Примечание: разводы в Румынии в день)—Еще один вид Phanariote князей—их добрые дела—Ипсиланти, Григорий Гикаса—Николай Mavrojeni и его трусливых бояр—облагораживает его лошадей—русско-турецкие войны—договора Белград—успехов русского и австрийского вмешательства— договор Kainardji—российским протекторатом—передачи Viscovine в Австрию—Ясский мирный—улучшение состояния княжеств, 1802—английский и французский консулы назначали—Русско-турецкая война и оккупация—договор Бухарест—Hetairia или греческий рост—восстание в Дунайских княжествах—карьеру и судьбы патриоты Vladimiresco и Ипсиланти—конец Phanariote правило—российской интервенции и оккупации— Адрианопольский мирный договор и восстановление родной правителей—патриотических усилий Heliade и другим—восстание румынских обучения и искусства—год революций, 1848— частичный успех восстания в Румынии—подавление Россией и Турцией—Побег из патриотов—обзор преимуществ русского вмешательства в княжествах—новой российской агрессии—Краткая история войны 1854-1856 между Россией и западными державами и Турцией—Парижский договор—возвращение патриотов—Союз княжеств под властью князя Souza события его правления—его показания—как планируется и осуществляется—Временное правительство—злое влияние Souza поведения.

Я.

история Молдо-Валахии в семнадцатом веке, то есть от падения Михаила до изгнания местных воевод в начале восемнадцатого века, не представляет особого интереса для английских читателей. Некоторые из наиболее важных инцидентов будут упомянуты в связи с последующим *правлением* греков, или, как их еще называют, правителей-фанариотов, назначенных Портой, и необходимо будет лишь сделать несколько кратких замечаний о состоянии страны и характере двух или трех воевод, правивших в течение столетия.

Вполне можно себе представить, что унижительные поражения, нанесенные Михаилом турецким армиям, не имели тенденции смягчить суровость их последующего правления, и что главной целью Порты было вымогательство как можно большего дохода из завоеванных провинций, невзирая на страдания какого-либо класса, это было достигнуто путем использования зависти и интриг бояр, которые стремились к власти, чтобы добиться увеличения дани и взяток; и ссылка на записи того времени показывает, что в то время как в Валахии правление только трем воеводам, а в Молдавии только двум, исполнилось более пяти лет, и часто в один и тот же год назначались два новых князя.^[145] Примечательным

обстоятельством, связанным с этими воеводами, является их постепенный переход из местных семей в греческие. Кое-где мы встречаем итальянские апеллятивы, такие как Кватъяни или Розетти, но в основном происходит переход от бассарабов, Богданов и Раду к Гикам, Кантакузенам, Бранковано и, в конечном итоге, к Маврокордато.^[146] Объяснение этого изменения будет дано позже, но среди местных правителей мы можем выбрать двух или трех для краткого комментария. Между 1627 или 1633 и 1654 годами Матвей Баасараб правил Валахией в интересах нации. Он изгнал татар, наводнивших страну, а затем посвятил себя благополучию своих подданных. Букарест еще не был признанной столицей, но он основал там типографию, а также реформировал отправление правосудия. В то же время Василий (известный как Василий Волк), князь Молдавии, между которым и Матвеем была большая зависть, последовал его примеру в своей собственной стране, и в обоих княжествах был введен уголовный кодекс, который, среди прочих положений, легализовал рабство в некоторых из его наиболее порочных форм. Несколько выдержек из этого кодекса могут представлять интерес, поскольку показывают состояние людей в то время.

Все виновные в поджоге были сожжены заживо.

Любой, кто укрывал беглого крепостного, подлежал штрафу в двенадцать серебряных львов в суде и двадцать четыре - сеньору.^[147]

Если цыган боярина или его детей дважды или трижды крал такую мелочь, как курица или яйцо, он должен был быть прощен, но если он крал что-то более значительное, он должен был быть наказан как вор. Если он совершал кражу, чтобы избежать голодной смерти, его прощали, а также если он крал у врага.

Сокровище, обнаруженное с помощью колдовства, стало собственностью принца.

Помимо очень суровых наказаний, направленных против других форм убийства, отравление, которое, следовательно, должно было быть частым явлением, предусматривает две статьи. Во-первых, в дополнение к наказанию убийцы его дети должны быть объявлены бесчестными.

Если человек дал другому пощечину и получил удар ножом в ответ, никакого наказания не последовало, даже если последовала смерть; и весь кодекс чести носит столь же дикий характер.

В вопросах гигиены врачам следует доверять больше, чем цирюльникам или колдунам.

Двоеженство наказывалось тем, что виновника гоняли кнутом по городу, когда он ехал голым верхом на осле.

Если человек, которому было доверено обучение молодых девушек, развращался и предавал их распутным мужчинам, ему (или ей) в горло заливался раскаленный свинец до тех пор, пока он не достигал его сердца (*так в оригинале*), "ибо именно оттуда исходили соблазнительные советы".

Раб или наемный крепостной, совершивший изнасилование, не был предан смерти, как другие, но его сожгли заживо.

Пытки, очевидно, были довольно распространенным явлением, поскольку судьям запрещено пытаться невинных людей даже по приказу принца.

Дворянство явно давало иммунитет к преступлениям — по крайней мере, оно смягчало наказание; ибо "ни дворяне, ни бояре, ни их сыновья не могли быть приговорены к галерам или рудникам, но они могли быть сосланы на более длительный или более короткий срок; их нельзя было ни вешать, ни сажать на кол, ни таскать по улицам, как обычных злоумышленников, но они должны были быть обезглавлены".

Мудрым и добрым князем Валахии был Сербан II. (Кантакузин), 1679-1688, который строил и благоустраивал церкви и монастыри, а также возводил фабрики и мастерские для народа. Он также поощрял образование и литературу, основал первую румынскую семинарию, перевел Библию на румынский язык и, насколько это было возможно в плачевном состоянии страны, уменьшил налоги для бедных.^[148] Он был вынужден присоединиться к туркам в их войнах против Германии, но, собравшись с духом в критический момент, он обратил свое оружие против — или, возможно, честнее было бы сказать, что он предал — тех, чьим невольным союзником он был. Это произошло во время осады Вены в 1683 году, когда Сербан возглавлял четырехтысячный валахский контингент в армии Кары Мустафы, и на него была возложена обязанность по строительству мостов и других работ. Он воспользовался своим положением для связи с немцами, способствовал разрушению сооружений, которые сам возвел, и, как говорят, заряжал свои орудия соломой. Говорят также, что он воздвиг напротив своей палатки высокий крест, на котором была выгравирована надпись, допускающая двоякое толкование и придавшая храбрости осажденным. После разгрома турок под Венной благодаря помощи Собеского, короля Польши, Сербан вынашивал идею утвердить свою независимость от турецкого владычества; но прежде чем он смог привести свои планы в исполнение, он умер (1688), как говорят, отравленный своими братом и племянником.^[149]

II.

Но другая великая Держава приближалась все ближе и ближе к Румынии, которой в конечном итоге предстояло оказать серьезное влияние на ее судьбу. Московиты уже принимали участие вместе с христианскими державами в их борьбе с Османской империей, и в 1699 году был заключен Карловицкий мирный договор, по которому Трансильвания отошла Австрии, а Азов - Российской империи. Положение княжеств как вассальных государств Турции осталось незатронутым, но вскоре проявилось косвенное влияние растущей мощи России. В начале восемнадцатого века там правили два воеводы, Константин Бранковано в Валахии,^[150] и Деметрий Кантемир в Молдавии, оба из которых были назначены обычным образом под сюзеренитетом Порты; но эти князья, независимо друг от друга, вступили в переговоры с Петром Великим после поражения от Карла XII. в Пултаве (1709), чтобы помочь им в борьбе против султана, их сюзерена, предусматривающего их собственную независимость под защитой царя. Ободренный этими успехами, Петр подошел со своей армией к Пруту; но молдавские бояре в целом были настроены против союза, и Кантемир обнаружил, что его поддерживают только трое или четверо его министров. Несмотря на это, русская армия переправилась через Прут и разбила свой лагерь близ Яссы. Последовала всеобщая резня турок по всей Молдавии, но русское оружие не получило никакого преимущества, поскольку молдавский князь не смог снабдить царя обещанными припасами для его армии. Говорят даже, что один из бояр, пользовавшийся доверием Кантемира, присвоил себе определенные средства, полученные им для снабжения армии, и вступил в сношения с великим визирем. Порта с помощью своих союзников собрала мощную армию, которая переправилась через Дунай; и хотя, как говорят, один из генералов Петра получил некоторое временное

преимущество, царь вскоре оказался под таким сильным натиском превосходящих сил османов, что был рад заключить с Портой мирный договор и отправиться домой, преследуемый по возвращении свирепыми татарскими ордами.

В Стефанештах царя встретил Кантемир, который искал и получил его защиту, и вернулся с ним в Россию, где, как говорят, его заявления разожгли желание Петра завладеть княжествами, если не Константинополем, и привели к тем последующим войнам, центром и жертвой которых впоследствии стала Румыния.[151]

Бранковано, князь Валахии, не принимавший никакого активного участия в войне, постигла участь, которой избежал его сосед. Его тайная переписка и союз с Петром Великим были выданы Порте членом его собственной семьи, и после заключения мира были предприняты шаги по его смещению. С этой целью Капиджи Мустафа был послан с небольшим эскортом, чтобы арестовать и доставить его в Константинополь вместе со всей его семьей. История его низложения передана с большим драматическим эффектом: как Капиджи с двенадцатью янычарами вошел в тронный зал, где Бранковано ожидал его, не подозревая о своей неминуемой участи; и как первый, отказавшись занять место рядом с ним, снял с груди длинную креповую шаль и, набросив ее на плечи принца, произнес ужасное слово "низложен". Затем он созвал бояр, зачитал указ султана и пригрозил им вторжением, если они окажут сопротивление. Трусливые бояре позволили увести своего князя и его семью в Константинополь, не предприняв никаких усилий для их спасения. По прибытии в Константинополь Бранковано был объявлен предателем, и, отказавшись принять исламизм, он, четверо его сыновей и зять были обезглавлены (1714 г. н.э.) в присутствии султана. Пресытившись их кровью, говорят, что султан Ахмет III пощадил последнего члена своей семьи, юного внука, и что ему вместе с вдовой было разрешено удалиться в Валахию.[152]

Одним из соблазнов положить конец жизни и правлению Константина Бранковано, несомненно, было его огромное богатство. Вместе с его личностью были изъяты его бумаги и конфисковано его имущество, была составлена опись последнего, в которую, как утверждается, были включены: —Сервиз из золотой пластины; древняя корона воевод, оцененная в 37 000 фунтов стерлингов; золотой пояс и богатое ожерелье, усыпанное драгоценными камнями; изображение господаря в золотых монетах достоинством в десять дукатов; сбруя, расшитая золотом и драгоценными камнями; огромная сумма денег в монетах разных стран; и депозитные расписки на суммы, внесенные на его имя в Вене, Венеции и других городах. ис. Также получил земельную собственность в различных местах, общая стоимость которой оценивается в три с половиной миллиона фунтов стерлингов. Огромная ценность его сокровищ и денежные суммы, которыми он располагал в различных монетах и странах, привели к предъявлению ему обвинения в предательстве интересов Порты за взятки, полученные от Австрии, Польши и Венеции, и, что было для него еще более прискорбно, к подозрению, что были спрятаны еще большие сокровища. Говорят, что перед казнью его и его старшего сына пытали в течение пяти дней, чтобы заставить их обнаружить другие вещи, но безрезультатно. После низложения Бранковано Стефан Кантакузин, сын одного из его обвинителей, был назначен воеводой Валахии, но, подобно своим предшественникам, пользовался этой честью лишь короткий срок, а два года спустя был низложен, отправлен в Константинополь, заключен в тюрьму и обезглавлен; и вместе с ним прекратилось правление местных князей, за которыми как в Валахии, так и в Молдавии последовали так называемые губернаторы-фанариоты, или генеральные земледельцы Порты.

III.

Но кем и чем были фанариоты? читатель может поинтересоваться; и чтобы полностью ответить на этот вопрос, мы должны вернуться к началу семнадцатого века и наскоро просмотреть ряд событий, которые в течение этого столетия заложили основу их последующего правления. Примерно в начале века многие греки, прибывшие главным образом с островов Архипелага и из Малой Азии, искали убежища в Константинополе, где со временем они основали колонию в приходе или округе, известном как "Фанар": отсюда их название фанариоты. Будучи более образованными или, по крайней мере, лучше проинструктированными, чем люди, среди которых они проживали, и, кроме того, хорошо знакомыми с торговлей, они взяли на себя функции, аналогичные тем, которые выполняли евреи западной Европы, и, подобно последним, они сразу же стали объектами сердечной неприязни и незаменимыми факторами в обществе. Не удовлетворившись оседанием в Константинополе, они распространились в турецких пашаликах и зависимых странах, среди прочего в Дунайских княжествах, где также из-за их грабительской практики их стали ненавидеть; и говорят, что Михаил Храбрый издал указ, исключаящий их из всех доверенных государственных должностей. Примерно в 1617 году их численность так сильно возросла, и они возбудили такую ненависть, что туземное население больше нельзя было сдерживать; было разыграно второе издание Сицилийской вечерни, и они были убиты, мужчины, женщины и дети, - деяние, за которое их преемники жестоко отомстили. Некоторое время мы больше ничего о них не слышали, но примерно полвека спустя (1665 г.) они вернулись в большом количестве в свите двух воевод, которые приобрели троны княжеств, и снова попытались утвердиться. Двое из них, похоже, играли для правящего принца ту роль, которую Эмпсон и Дадли играли для нашего Генриха VII, а именно роль вымогателей, но с гораздо большей тиранией и жестокостью. В конце концов население разрезало их на куски, и греки снова были изгнаны из страны. Однако тем временем их популярность в Константинополе возросла, где благодаря своей учености и уму они начали занимать конфиденциальные должности при Порте. К своим обычным занятиям некоторые добавили медицинскую практику, в которой они были знатоками; и один из них, Панайотаки Никосиас, фельдшер великого визиря, сумел втереться в доверие к своему покровителю, а затем, применив свое влияние в пользу своих соотечественников, ему удалось добиться незначительных должностей для некоторых и терпимости для всех. Он был назначен драгоманом или переводчиком при Порте, и, проявив себя способным и верным слугой, ему было разрешено назначить своим преемником Александра Маврокордато, который, как говорят некоторые, был простым рабочим и женился на дочери мясника, в то время как другие называют его торговцем шелком из Константинополя или из Чио. Как бы то ни было, он оказался настолько полезным своим работодателям, особенно во время переговоров по Карловицкому мирному договору, что после казни Бранковано ему удалось обеспечить наследование трона Валахии (1716) своему сыну Николаю Маврокордато и стал родоначальником длинной линии правителей обоих княжеств.^[153]

IV.

Выбор Портой греческих принцев, или, как их часто называют, "генеральных фермеров", был, вероятно, результатом недоверия, которое породили местные воеводы и бояре, а также уважения, которое она питала к своим верным драгоманам; и если Николай Маврокордато не

получил четких инструкций по этому вопросу, он знал, что наиболее желанным изменением, которое он мог бы внести в интересах своих покровителей, было бы введение совершенно *новогорежима* в своих владениях. Самым важным шагом, предпринятым им, было подавление охраны местных бояр, что сделало их такими же опасными для правителя, какими были слуги наших баронов для короны, пока они не были подавлены Актом Генриха VII.^[154] Он учредил новые трибуналы и распустил ополчение. Его преемник Константин (около 1731 года) превосходил по своим взглядам и устремлениям почти любого из князей, правивших Валахией. Он отменил старую форму рабства, но, к сожалению, политические соображения все еще были причиной удержания крестьянства в рабстве; ибо, чтобы ослабить местные боярства, большое количество крепостных, всего, как говорят, 60 000 человек, были переведены в качестве рабочих от своих старых хозяев к короне и во вновь созданные греческие боярства. В то время как их тела номинально были освобождены, от этих бедных созданий требовалось оказывать такое количество феодальной службы своим новым хозяевам, что их жалкое положение скорее усугублялось, чем улучшалось. Греческие или фанариотские бояре, которые были созданы, сочли политичным вступать в браки с местными боярскими семьями, чтобы улучшить свое положение на усыновленной ими земле, а раболепная валашская знать сочла в своих интересах поощрять такие союзы; действительно, это было необходимо, чтобы спасти себя от вымирания. Новые государственные чиновники были назначены в предполагаемых интересах Порты, но, как мы сейчас увидим, правящий князь, или, как читатель найдет, что его называют воеводой или господарем,^[155] сумел учесть эти изменения и заставить их служить его собственному возвышению.

Новый господарь всегда назначался Портой с большой церемонией. "Кукка, или военный герб, - говорит Уилкинсон, - надевается им на головы Мужур-агой; почетное одеяние на них надевает сам визирь. Их чествуют штандартами и военной музыкой, и они приносят присягу на верность в присутствии султана, которому их представляют с обычными церемониями на публичной аудиенции."^[156] Они были назначены "Бератом", императорской грамотой, формулу которой Уилкинсон приводит, и в которой султан повелевает валашскому и молдавскому народам признавать ее носителей и повиноваться им как единственным хранителям суверенной власти. Как только принц был назначен, он сразу же послал *авангардиста*, Каймакама, чтобы подготовиться к его прибытию; и этот человек, который был практически главой государства в течение двух месяцев, обычно умудрялся, пока выполнял свою миссию, проверить небольшое прибыльное дельце за свой счет. Принц последовал за ним в большом почете, сопровождаемый множеством иждивенцев и прихлебателей, которым удалось с помощью подарков или иным образом снискать его расположение. Взятки, лесть и низость, в которых были повинны эти подхалимы либо до отъезда принца из Константинополя, либо после его прибытия в Бухарест (который был столицей Валахии с конца семнадцатого века), либо в Яссы, были описаны в ярких красках современными историками, некоторые из которых довольно вольно воспользовались своим воображением для этой цели. Однако фактом является то, что бояре послали принцу подарки перед его отъездом и даже перевели для этой цели в Константинополь денежные суммы — деньги, которые были выжаты из несчастных крестьян. Новый господарь, который довольно дорого заплатил за свой пост, подчинился всем этим почестям, принял все, а затем действовал так, как казалось наиболее политичным, часто наказывая и изгоняя тех, кто опустился ниже всех или подкупил высших. Прибыв в княжество, он, как правило, полностью менял *персонал* двора и правительства, отдавая самые прибыльные должности своим собственным родственникам, некоторым - почетные назначения, а

нескольким своим лучшим сторонникам - денежные. Магометанам он позаботился назначить посты с небольшим влиянием или вообще без него, чтобы они не могли ускорить его падение, которое произошло, в лучшем случае, по прошествии трех лет и обычно было вызвано интригами в Константинополе.[157] Таким образом, его расположение давало ему почти абсолютную власть, которую он старался использовать таким образом, чтобы обогатить себя и свою семью в течение короткого срока своего дорого купленного господства.

По прибытии в столицу князь обратился к собравшимся боярам с речью, обещая народу счастье и процветание; но как только первые церемонии были завершены, большинство из них предалось потаканию своим слабостям, требовали раболепного внимания ото всех окружающих и занимались всевозможным незаконным вымогательством у всех, кто был в состоянии пополнить казну.

Таков был обычай, что принц никогда ничего не просил за столом. Для него все приготовлено; даже хлеб нарезан маленькими кусочками. Он отказывается от пищи, которая ему не нравится. Вино ему подают в хрустальных графинах. Виночерпий (Пахарник), который всегда является ближайшим родственником, встает перед ним, держа наполовину наполненный бокал.[158] Когда он заканчивает свой ужин, ему подают кофе, а когда впоследствии он ложится спать, соблюдается тишина не только во дворце, но и по всему городу, чтобы его отдых (которым он, однако, пользуется не всегда) не был нарушен. В назначенный час, когда он, как предполагается, встал, звонят городские колокола, и все снова оживляются. Всевозможные истории, более или менее достоверные, рассказываются об изнеженности правителей Фанариотов, например, о том, что их поднимали слуги, которые поддерживали их под мышки, так что им, возможно, не нужно было ставить ноги на землю; но хотя такие утверждения могут быть верны в отношении некоторых из них, несомненно, были принцы, с характером и действиями которых такая практика была совершенно несовместима.

V.

Однако можно легко поверить, что князь прибегали к различным уловкам, чтобы обогатиться как можно быстрее. Их регулярный доход увеличивался за счет предоставления монополий, обесценивания валюты и махинаций при сборе доходов и обеспечении поставок для Порты. С кочевых и оседлых цыган взимался подушный налог, или подушная подать, и деньги даже взимались под всевозможными предлогами с глав религиозных орденов. Годовой доход принцев, как говорят, превышал 40 000 фунтов стерлингов. в дополнение к дани, выплачиваемой Порте.[159] Также не следует предполагать, что это была вся сумма, которую вымогали у несчастных жителей. Это было "как хозяин, так и мужчина", и каждый чиновник и подчиненный последовали примеру принца, каждый понимал, что смена правителей означала увольнение для него самого. У принцессы тоже были особые источники дохода, которые обычно растрачивались в соперничестве с боярынями на драгоценности, платья и другие предметы роскоши.[160] Говорят, что одна из принцесс, обидевшись на знатную даму за то, что та превзошла ее в показном богатстве своего платья и личных украшений, отправила ее в изгнание; и что, когда она собрала достаточно крупную сумму, чтобы купить более великолепное одеяние, чем у ее соперницы, она позволила ей вернуться ко двору, чтобы та могла насладиться своим унижением. Жалобы угнетенных крестьян в лучшем случае оставались без внимания, а когда они были доведены до отчаяния и отважились обратиться лично к князю, некоторые из них были схвачены и брошены в тюрьму "для поощрения власти". Результатом

было то, что многие стали разбойниками и объединились в банды; но даже они, как говорят, служили алчности некоторых правителей Фанариотов. Принц втайне поощрял их проступки или подмигивал им, пока не решил, что они нажили значительное сокровище, занимаясь халявой. Затем, совершив налет на них с большим военным отрядом, он лишил их награбленного и обезглавил или заключил в тюрьму. Большее число было отправлено на работу в соляные копи, где (как уже говорилось в другом месте) они обычно умирали по истечении примерно четырех лет.

Эта система вымогательства и тирании обычно продолжалась до тех пор, пока Порта больше не могла отказываться прислушиваться к призывам о возмещении ущерба, и в таких случаях интриганы, борющиеся за престолонаследие, были слишком готовы подхватить крик и даже преувеличить преступления правящего принца. Результатом было то, что один за другим они были свергнуты и часто отзывались в Константинополь только для того, чтобы быть опозоренными, сосланными или казненными. Согласно историческим записям, в период с 1716 по 1768 год в каждом княжестве было одиннадцать отдельных господарей; в Валахии правительство менялось двадцать один раз, а в Молдавии - семнадцать раз. За один год (1731) Константин Маврокордато правил дважды, а Майкл Раковиса - один раз; отмечается, что первый правил шесть раз; последний был переизбран в 1741 году и в конечном итоге был сослан в Митилену. Чарльз Гика (1758) был сослан на Кипр; Стефан Раковиса (1765) был задушен по приказу Порты; и так далее.

Но, хотя правители менялись так часто, система не только сохранялась, но и становилась все более деморализующей всю нацию. Какое-то время духовенство довольствовалось тем, что проливало кровь, не проливая ее в свою очередь, но в конце концов они тоже начали вымогать деньги как у богатых, так и у бедных, чтобы удовлетворить предъявляемые к ним требования, и протитуировали священные религиозные обряды для достижения своих целей. Другим ужасным результатом правления фанариотов был захват чиновниками Порты румынских мужчин и женщин, бывших взамен тех, кто пал в войнах между турками и русскими; и лучшая кровь страны была принесена в жертву делу, в котором она не была заинтересована. Моральная деградация боярства также становилась все глубже и глубже. Многие стали ренегатами и приняли мусульманскую веру, частично из раболепия, часто для того, чтобы спастись от смертного приговора. Другие придерживались этого курса, чтобы не подвергаться преследованиям со стороны турецких чиновников, а третьи снова потому, что им нравилась восточная одежда и они хотели заниматься практикой многоженства. Отцы обучали своих сыновей всякого рода обману и лицемерию, чтобы способствовать их продвижению в жизни, учили их, как сблизиться с господствующими сеньорами и снискать их расположение, в то время как в глазах простых людей бояре пали так низко, что заслужили себе прозвище "спящих собак". Женщины были еще хуже, чем мужчины. Вершиной их амбиций было заключение выгодных союзов без оглядки на их счастье в загробной жизни; к брачным узам относились с крайним безразличием, и духовенство часто было вынуждено, во многом против своей воли, давать разводы, чтобы сохранить свои должности и влияние.^[161]

Вот и все о темной стороне правления Фанариотов; и очень жаль, что все современные историки ограничились рассмотрением ее неблагоприятного аспекта и попытались переложить все грехи и ошибки того периода на плечи греческих князей. В наши намерения не входит следовать их примеру, поскольку мы считаем, что правительство греческих господарей ни в коем случае не было чистым злом. Современные потомки этих людей все еще занимают

почетные должности в Румынии, но им мало что можно сказать в их защиту; более того, мы слышали, как греки выражали мнение, что для них было бы более похвально, если бы они разоблачили преувеличения зла и выдвинули на первый план лучшие черты в характере своих предков.^[162] Несомненно, что не все они были тиранами и вымогателями, хотя многие, особенно более ранние, были слишком верными слугами Порты, которые, возможно, сыграли свою роль *con amore* в память об убийстве своих предков и в соответствии с обычаями того периода. Но среди них были храбрые, религиозные, милосердные и образованные люди, которые внесли свой вклад в то, чтобы вывести румын из состояния варварства в состояние сравнительной цивилизации. Об этом мы имеем свидетельства в законодательных реформах, какими бы несовершенновыми они ни были, проведенных Константином Маврокордато; в зданиях и благотворительных фондах Ипсиланти и Грегори Гики в обоих княжествах (между 1768-1778); в мужестве последнего, который заплатил своей жизнью за служение своей приемной стране; и в Николасе Мавроджени (1786-1790), чьи бояре были слишком трусливы, чтобы последовать за ним в защите своей страны от русского вторжения.

Последнее - довольно печально известный инцидент в истории Румынии, и некоторые авторы посвятили этому повествованию целые страницы. Похоже, что Николай получил инструкции от Порты собрать войска и выступить против объединенных русских и австрийцев, которые угрожали Валахии. После этого он собрал бояр и призвал их взяться за оружие. Слишком трусливые, по мнению одних авторов, или не доверяющие принцу, по мнению других, каждый из них удалился под каким-нибудь надуманным предлогом, после чего Николай, возмущенный и разъяренный, приказал одному из своих слуг привести тридцать лошадей, которые вскоре стояли в пополах во дворе. Князь пригласил своих бояр спуститься, и когда они спустились вниз, "Теперь, - крикнул он, - по коням!" Однако они хранили угрюмое молчание, и никто не двинулся с места. Бросив на них презрительный взгляд, он повернулся к лошадям и, обращаясь к одной за другой, закричал: "Я приказываю вам Запретить; тебе, великий Ворник; тебе, великий Логотет"; и так далее, пока не исчерпал все государственные должности. Затем, снова повернувшись к своим трусливым боярам, он напомнил им о деяниях их предков, Мирчи, Влада и Михаила, и назвал их женщинами, марионетками, хуже евнухов. Некоторых он отправил в изгнание, в то время как другие, опозоренные его насмешками, вскочили на коней и последовали за ним к победе.

Это история о том, как Николас Мавроджени, как говорят, облагородил своих лошадей; но, если читатель желает услышать, как после спора с захватчиками за каждый ярд земли Порты наградила его позорной смертью, мы должны отослать его на страницы "историка".

VI.

Нет ничего более унылого и утомительного, чем продираться сквозь рассказ о войнах между Россией и Блистательной Портой, начиная с восшествия на престол правителей-фанариотов и заканчивая Крымской кампанией 1853-1856 годов, и все же, для любого читателя, кроме румынского, история страны содержит мало что еще интересного в тот период. Однако есть два аспекта этой борьбы, которые опустошили несчастные княжества почти так же сильно, как и набеги варваров, которые вполне заслуживают нашего рассмотрения. Первое - это упорство и настойчивость, с которыми цари один за другим стремились усилить свою власть над княжествами с конечными целями в отношении Константинополя; второе - случайные попытки, которые предпринимались несколькими патриотами, поддерживаемыми не столько боярством,

сколько простыми людьми, освободить страну от иностранного господства, будь то мусульманское, русское или австрийское, поскольку последняя нация также стремилась закрепиться на этой земле.

Давайте вкратце рассмотрим основные события упомянутого периода и рассмотрим их влияние на Румынию в наши дни. После неудачной кампании Петра Великого, в которой воеводы Кантемир и Бранковано были привлечены на сторону русских, последние не предпринимали серьезных попыток вмешаться в управление княжествами примерно до 1735 года, когда при императрице Анне и в союзе с германским императором Карлом VI они попытались изгнать турок, и частично преуспели в этом. Однако после двух кампаний союзники потерпели бесславное поражение под Белградом; и по одноименному мирному договору (1739 г. н.э.) они были вынуждены не только восстановить все свои завоевания, но даже уступить часть территории, которой Порты была лишена в семнадцатом веке. Господарями, правившими в то время в Валахии и Молдавии, были Константин Маврокордато и Григорий Гика.^[163]

Примерно двадцать пять лет спустя русские вернулись к наступлению при Екатерине IV, и на этот раз с большим успехом. Их деятельность продолжалась около шести лет, и война началась в 1768 году враждебным актом со стороны султана, спровоцированным русской пропагандой. В 1769-70 годах московиты захватили Молдавию и Вальахию; первую, как говорят некоторые, при попустительстве правящего князя Константина Маврокордато III.; и, разгромив турок в нескольких ожесточенных битвах и даже проникнув в Болгарию, они фактически правили страной до 1774 года н.э. и провели много полезных реформ. Затем, однако, из-за вмешательства Марии Терезии, императрицы Германии, которая, будучи королевой Венгрии, сама заявила о правах сюзеренитета над Валахией, а также в значительной степени вследствие пассивного сопротивления Порты, царица согласилась на Кайнарджийский мирный договор, по которому на благоприятных для княжеств условиях они были снова возвращены Порте. Среди условий были полная амнистия; возвращение земель и имущества их законным владельцам; свобода вероисповедания для христиан и свобода строить или восстанавливать места отправления культа; привилегия посылать двух *поверенных в делах* (по одному от каждого княжества) в Константинополь; и право Суда Санкт-Петербурга выступать в пользу княжеств в случаях подачи жалоб с дальнейшим условием, что к таким протестам следует относиться с уважением, подобающим одной дружественной державе к другой.

В 1777 году Порты уступила Буковину Австрии. Подпись правящего господаря Молдавии Григория Гики была необходима для подтверждения уступки, но этот патристически настроенный "Фанариот" отказался поставить ее, после чего был свергнут и жестоко убит приспешниками Порты. Мы уже упоминали о его патристизме и его результатах.

В 1781-2 годах, по договоренности с Портой, Екатериной II. обеспечил право посылать консулов в Букарест и Яссы, которые содержались и служили в большом государстве за счет княжеств и были уполномочены осуществлять определенный контроль над их государственными доходами и расходами для защиты жителей. Это новое влияние было обеспечено Россией благодаря жалобам румын на алчность турецких правителей; ее растущему влиянию; и, последнее, но не менее важное, ее угрожающему поведению на турецких границах. В 1788 году между Россией и Австрией снова был заключен союз, имевший своей целью лишение Порты княжеств. Говорят, что именно по этому случаю Николас Мавроджени облагородил своих лошадей. Впоследствии он потерпел поражение при Калафате, и после нескольких неудач Порты была рада заключить

мирные договоры сначала с австрийцами, а затем (1792 г.) с Россией в Яссах. По этому договору русские получили территорию и заручились обещанием Порты установить более милосердное правительство в Молдо-Валахии, положение которой в то время, как представляется, было отчаянным из-за поборов фанариотов и частой смены господарей.

В ответ на горькие жалобы жителей русские снова вмешались в 1802 году, вынудив Порту продлить срок правления до семи лет и пресечь другие злоупотребления. Примерно в это же время был назначен первый английский консул. Вайян называет его "сэром Фрэнсисом" и обвиняет английское правительство в том, что оно послало его сотрудничать с Россией против Турции.^[164] Французский дипломат также появился в Бюкаресте, и, какую бы роль эти представители ни сыграли в этом деле, несомненно, что в 1806 году разразилась еще одна русско-турецкая война. Русские под командованием генерала Михельсона захватили княжество, владели страной до 1812 года, а затем восстановили ее только после Букарестского мира, по которому русские получили всю Бессарабию (границей была установлена река Прут) с портами Измаил, Хилия и другими местами на устье Дуная.

VII.

Вскоре после этого на юго-востоке Европы началось возрождение эллинизма, или гетарии, как его тогда называли. Это движение, освободившее Грецию от османского ига, принесло Румынии много страданий, но в конечном итоге принесло и выгоду. В 1821 году в Валахии правил Александр Суццо III., а в Молдавии Михаил Суццо III., два Фанариота, которые, верные своим традициям, давили на народ своими поборами, пока тот не созрел для восстания. Это произошло в Валахии при Теодоре (или, как его иногда называют, Тюдоре) Владимиреско, бывшем офицере русской армии (действительно, говорят, что Россия повсюду разжигала греческое восстание); в то время как в Молдавии грек по имени Александр Ипсиланти присоединился к правящему господарю, чтобы изгнать турок из этого княжества.

Владимиреско вскоре удалось утвердиться в Букаресте, где он правил безраздельно в течение короткого времени, и откуда он направил представления Порте с жалобами на поведение фанариотов, требуя их отзыва и восстановления местных господарей, а также восстановления прав народа по старым "капитуляциям". Ответом на это был ввод в Валахию значительной армии под командованием силистрийского паши, после чего Владимиреско отступил к горам и расположился в Питешти. Ипсиланти, тем временем, также приблизился к Букаресту со своими войсками, но не смог прийти к взаимопониманию со своим товарищем по восстанию. Когда он услышал об уходе Владимиреско и марше турецкого паши, он поверил или сделал вид, что поверил, что первый собирается предать его, и сцена Басты и Майкла повторилась снова. Ипсиланти послал одного из своих лейтенантов с сильным эскортом, который тщетными обещаниями выманил Владимиреско из его палатки, увел силой, а затем убил с особой жестокостью.

После убийства своего соперника Ипсиланти, который утверждал, что представляет движение за возрождение Греции, оказался лицом к лицу с хорошо организованной турецкой армией, в то время как его собственная, состоящая из восторженных греков и добровольцев из разных стран, уступала по численности и была сравнительно недисциплинированной. Считая благоразумие лучшей частью доблести, он отступил перед врагом, который, однако, загнал его в угол и предложил ему сражение при Драгошани на реке Олту. Здесь энтузиазм и преданность своему делу воодушевили "священный батальон", как называли себя греки, с непривычной

храбростью, и поначалу турки не смогли противостоять их стремительной штыковой атаке. Ипсиланти, однако, не был генералом, и не сумев воспользоваться храбростью своих войск, преимущество было упущено; турки сплотились, последовал разгром, и Ипсиланти бежал, оставив своих лейтенантов некоторое время сопротивляться, а затем славно погибнуть, защищая свои свободы. Он бежал через Карпаты в Австрию, был схвачен по приказу правительства, заключен в тюрьму в крепости Мункач, и некоторые авторы утверждают, что впоследствии он был казнен.

VIII.

Восстание в Греции привело к двум важным результатам для Румынии. Первым было прекращение правления фанариотов и восстановление местных князей: Григорий Гика был назначен князем Валахии, а Иоанн Стурдза - молдавии. Причина этого изменения заключалась в том, что греческие гостеприимцы объединились с повстанцами; и мы не можем сделать ничего лучше, чем завершить этот богатый событиями период в истории страны, резюмировав правление фанариотов словами консула Уилкинсона, который говорит: "С периода, в который была введена эта система, до начала нынешнего столетия, то есть за девяносто лет, одна только Валахия прошла через руки сорока различных князей, независимо от времени, когда она была оккупирована русскими с 1770 по 1774 год, австрийцами и русскими с востока". С 1789 по 1792 год и снова русскими с 1806 по 1812 год". "Немногие из них умерли естественной смертью, и, возможно, среди них часто справедливо применялся турецкий ятаган. С политической точки зрения, короткие правления большинства из этих князей не представляют ничего важного или интересного, чтобы заслужить место в истории."^[165] Из этого краткого суждения человека, жившего во времена их вымирания, наши читатели увидят, что мы не обошлись безжалостно с режимом фанариотов.

Еще одним результатом греческого восстания стала неизбежная русско-турецкая война. Затем последовала оккупация страны русскими; то, что Карлайл мог бы назвать рукопожатием несовместимых тираний; и, в конечном счете, Адрианопольский мир, в который проникло русское оружие (1829). Положения этого договора можно резюмировать в нескольких словах. Крупная контрибуция России с продолжением оккупации до тех пор, пока она не будет ликвидирована, и московский протекторат княжеств; сюзеренитет и ежегодная дань Порте и полная автономия с назначением пожизненных господарей для княжеств. Последующим указом, известным как "Органический регламент", Санкт-Петербургский двор далее выразил свои пожелания в отношении внутреннего управления княжеств; и после того, как этот документ был утвержден Портой после долгих проволочек, российские войска были выведены из княжеств в 1834 году, и два принца из домов Стурдза и Гика были снова назначены господарями.

IX.

Мы говорили, что историку интересны две фазы в истории этого периода — постепенное вторжение России, с одной стороны, и патриотические усилия националистов по обеспечению независимости, с другой. С греческим восстанием 1821-1821 годов и перспективой полной свободы пробудился новый дух, который принял форму сначала национального интеллектуального возрождения, а затем того, что оказалось безуспешной борьбой за независимость. С обоими этими движениями неразрывно связано имя Джона Гелиада Радулеско (известного в истории как Гелиаде или Элиаде) как *клитератора* и патриота. Впервые

его имя появляется на виду примерно в 1826 году, когда совместно с Константином Голеско, вернувшимся изгнанником и другом несчастного Владимиреско, и при согласии и поддержке правящего господаря Григория Гики он попытался возродить национальный язык, который был вытеснен греческим в результате продолжительного правления фанариотов. Сам он был незаурядным поэтом, и своими национальными песнями он будоражил сердца людей. Но поэзия не поглощала все его внимание. Способный человек науки, на тот момент он сам преподавал географию, логику и математику в колледжах, созданию которых он способствовал.^[166] Из них одна была основана на остатках древнего монастыря в Св. Савве, другая в Крайове, и одновременно с этими усилиями по продвижению университетского образования были также созданы начальные и обычные школы. Но шествие просвещения на этом не закончилось; национальные журналы и национальный театр были включены в план патриотов. Свою лепту в общее продвижение внесли и господа. Они основывали больницы, развивали сельское хозяйство, принимали обратно тех, кто эмигрировал до бедствий войны, и стремились всеми доступными им средствами обеспечить безопасность национальной промышленности.

Но неудачное географическое положение княжеств, превратившее их в поле битвы двух соперничающих держав Востока, все еще препятствовало полному освобождению Румынии, и за ее усилиями по возрождению с завистью наблюдали оба ее могущественных полуварварских соседа. Однако вскоре наступил период, когда, по крайней мере на какое-то время, интриги императоров, султанов и дворов были безрезультатны, а короны пользовались решительной скидкой — великий европейский кризис 1848 года. Затем, когда французская монархия пала и правители других европейских государств бежали из своих владений в более или менее длительное изгнание, пробуждение национальностей распространилось на Молдо-Валахию и вызвало патриотический подъем, гораздо более обнадеживающий и на какое-то время более успешный, чем восстание 1821 года; и княжества, без сомнения, были бы навсегда освобождены от иностранного господства, если бы разобщенность среди национальных лидеров снова не помешала столь желанному результату. В год революции, когда царем был Николай I., а султаном Абдул Меджид ("Больной человек"), в княжествах одновременно произошли восстания. Ту, что в Молдавии, возглавлял ряд видных бояр, которые поначалу довольствовались петициями о восстановлении своих вольностей. Они были схвачены по приказу господаря Михаэля Стурдзы и отправлены в заточение, но большинство из них сбежали и вернулись, чтобы реорганизовать восстание. Однако в том же году, как мы сейчас услышим, русские вторглись в княжество, вошли в Яссы и подавили революцию.

В Валахии восстание приняло более серьезные масштабы. Его возглавляли Гелиад и братья Голеско, Джордж Маджиеро, грек по происхождению, Телль, Чапка, священник, и трое молодых людей, о двух из которых позже будет рассказано в связи с нынешней Румынией — Деметриус, Джон Братиано и К. Розетти. Хотя все эти люди были едины в желании освободить свое отечество от тяжелого бремени, которым оно было подавлено, они расходились во мнениях относительно наилучшего способа действий. Долгий опыт научил их, что между двумя огнями - Санкт-Петербургом и Константинополем - было мало надежды на спасение, и одни склонялись к власти первых, другие - вторых, в то время как молодые люди, Братиано и Розетти, с тревогой смотрели на Западную Европу и ее развитую цивилизацию в поисках помощи. Господин Бибеско вскоре сдался перед бурей и бежал в Кронштадт в Трансильвании. Временное правительство было сформировано, распущено и сформировано снова.^[167] В Букаресте состоялись большие собрания народа; были выпущены прокламации, произнесены присяги; но

все это в конечном итоге свелось к "Княжескому наместничеству" под сюзеренитетом Порты. Сначала это было признано турецким генералом Сулейманом-пашой, который вместе с Омаром-пашой вступил в Валахию с турецкими армиями; поскольку политике Порты соответствовало благосклонное отношение к восстанию, которое было направлено главным образом против русского влияния в княжествах. Но московский кабинет было нелегко пережить. Николай наблюдал за восстанием с не меньшим удовлетворением, поскольку оно оправдывало новое вмешательство в дела Молдо-Валахии. Он выпустил прокламацию, назвав революцию делом рук мятежного меньшинства, чьи идеи правления были заимствованы из социалистической и демократической пропаганды Европы. За этим провозглашением последовал марш русских в охваченные беспорядками провинции в качестве "освободителей". Лидеры националистов были рады сбежать во Францию, поскольку Омар-паша оккупировал и разграбил Бухарест при приближении русских, а между Россией и Турцией была заключена конвенция — конвенция в Балта-Лимане, которая лишила княжества всех их избирательных прав, заменила диван, или совет министров, и оставила за двумя договаривающимися державами назначение господарей. Россия, однако, сумела получить львиную долю даже в этих переговорах, поскольку, вопреки договоренности, ей удалось назначить обоих господарей, Штирбея в Валахии и Александра Гику в Молдавии, что в значительной степени усилило ее влияние в обоих княжествах.

Х.

Здесь много говорилось, и гораздо больше - в работах тех французских писателей, которые недружелюбно относились к России, о ее интригах и посягательствах на княжества, но справедливо будет признать, что ее вмешательство неизменно приводило к улучшению их положения. Французские писатели иногда неохотно признают это, и исторические факты ясно доказывают это. Почти в каждом случае вмешательство России означало облегчение положения крестьянства и принуждало правителей к умеренности. В 1710 году, при Кантемире III. Молдавия обратилась за помощью к Петру Великому, чтобы "положить конец грабежам Порты". В 1769 году Константин Маврокордато вступил в тайные сношения с Екатериной II., и после вторжения России Порта была вынуждена по Кайнарджийскому мирному договору предоставить автономию княжествам и уменьшить свои поборы; в 1802 году, благодаря протестам России, злоупотребления были пресечены, а злодеи наказаны. В 1812 году придирки правителей и поборы Порты поставили народ на грань голодной смерти; вмешались русские и ограничили требования Порты; но после их ухода, как нам сказали, текущая стоимость сельскохозяйственной продукции снова упала настолько низко, что земледельцу стало невозможно жить, и это обстоятельство, наряду с возобновившимися поборами правителей и чиновников, еще раз разорило крестьянство. В 1820 году Уилкинсон, который, следует помнить, был консулом в Бухаресте и который был далек от восторга от России, говорит: "Во время моего пребывания в княжествах, по моим наблюдениям, произошло несколько случаев очень активных усилий со стороны России по сдерживанию привычной системы вымогательства и освобождению жителей от угнетения, и такие усилия, безусловно, во многих случаях предотвращали ухудшение положения жителей".[168]

Но в том, что конечным замыслом России было обеспечить безопасность и включить княжества в свой общий план агрессии, не может быть никаких сомнений у любого, кто следил за ее операциями, предшествовавшими Крымской кампании. Можно сказать, что это и последующие события относятся к современной истории; но мы должны кратко остановиться на тех эпизодах

войны, которые затронули Дунайские княжества и заложили основы румынской свободы. Император Николай затеял ссору между волком и ягненком с Портой, очевидной причиной которой была защита подданных, исповедующих греко-католическую веру в "святых местах"; и, не ожидая, а возможно, и не заботясь о том, что он вызовет зависть Франции и Англии, он направил Порте ультиматум, требуя права вмешательства в соответствии с Кайнарджийским мирным договором, угрожая вторжением и оккупацией Дунайских княжеств в случае отсутствия немедленного согласия. Не получив требуемого удовлетворения, он приказал генералу Горчакову переправиться через Прут и овладеть княжествами и удерживать их. Это было сделано в июле 1853 года. В сентябре турецкий главнокомандующий на Дунае потребовал немедленной эвакуации этих территорий, и, в отсутствие согласия, была объявлена война. Некоторое время русские, опасаясь враждебности Австрии, которая сосредоточила войска на валахской границе, оставались в обороне, но в октябре Омар-паша перешел к агрессии, отправив небольшой отряд через Дунай в Видин, и считалось, что противостояние между противоборствующими силами произойдет в "Малой Валахии". Омар-паша, однако, либо задумал это как ложный маневр, либо изменил свой план, поскольку вскоре после этого он занял сильные позиции на Дунае у Туртукая и Олтеницы, между Силистрией и Рустчук, и был там атакован российскими войсками, которые ему удалось отразить. Это столкновение не дало никаких результатов; русские отступили к Бухаресту, а турки отступили за Дунай в Болгарию.

В феврале 1854 года французское и английское правительства направили России ультиматум, требуя от нее эвакуации княжеств, а в марте объявили ей войну. В июне Австрия последовала этому примеру, потребовав эвакуации Молдо-Валахии, и получила разрешение Порты изгнать русских из княжеств и оккупировать их своими войсками. Однако в продолжение войны она довольствовалась накоплением войск на своих границах, и, без сомнения, именно эта угрожающая позиция в конце концов вынудила Россию их эвакуировать. Тем временем между Омаром-пашой и Горчаковым шли активные боевые действия. В начале 1854 года, когда русские потерпели поражение при Четате, близ Калафата, русской армии было приказано вторгнуться в Турцию, и, после успешной переправы в Добруджу у Галаца, Браилы и Измаила, было сочтено необходимым захватить Силистрию в качестве стратегического пункта, чтобы обеспечить безопасность наступающей армии. В мае 1854 года русские безуспешно атаковали эту крепость, и после того, как они попытались штурмовать ее четыре раза, турки (в июне) перешли в наступление и совершили вылазку, в ходе которой был убит один из русских генералов. В том же месяце Николай, обнаружив угрозу со стороны западных союзников на Черном море и опасаясь стать открытым врагом Австрии, силы которой постоянно увеличивались на ее границе, отдал приказ о снятии осады Силистрии, а впоследствии и о полном выводе своих войск из княжеств. Однако это было сделано только в июле, то есть до того, как русские потерпели еще одно поражение от турок при Джурджево.

Затем армия была полностью выведена, турецкий авангард вошел в Бухарест, и, как говорит один из историков войны, "валахская знать отслужила молебен в столичной церкви в память восстановления турецкого господства — те самые бояре, которые в 1829 году целовали руки русским, освободившим их от турецкого ига".

Что касается господарей. Штирбей из Валахии и Александр Гика из Молдавии, они удалились в целях безопасности в Вену вскоре после начала военных действий и оставались там до сентября, когда австрийцы оккупировали страну с одобрения Порты. Затем они вернулись на короткий период, но Штирбей снова навсегда отрекся от престола месяц спустя. Русские

принуждали румын служить в их армии до тех пор, пока они оккупировали страну, но турецкая амнистия освободила их от последствий этой процедуры.

Военные действия соперничающих Держав, внешних по отношению к княжествам, интересуют нас только своими результатами. После окончания Крымской кампании, когда Россия была вынуждена просить мира, был заключен Парижский мирный договор, и в нем содержались положения, имеющие жизненно важное значение для Молдо-Валахии.

Эти условия можно резюмировать следующим образом: — Нейтрализация судоходства по Дунаю, которое было передано под контроль Европейской комиссии; уступка Россией Турции (и, следовательно, Молдавии) части Бессарабии в устье Дуная; и реорганизация Дунайских княжеств на полностью автономной основе, но все еще под сюзеренитетом Порты. В 1857 году, до того, как обсуждения европейских держав придали постоянную силу положениям Парижского мирного договора, в обоих княжествах активно шло движение, целью которого было осуществить их объединение под единым руководством.

Изгнанники 1848 года, бежавшие в Париж и пытавшиеся там своими опубликованными произведениями поддержать дух независимости в Румынии, теперь вернулись на родину и возобновили активную агитацию дома. Среди тех, кто тогда и впоследствии боролся за свободы своей страны, были Джон Братиано, К.А. Розетти, два члена семьи Гика, Деметриус Стурдза, Джон Кантакузин и другие миряне, а также Голеско и другие представители военной профессии. Они достигли своей цели настолько, что после значительного праздного вмешательства со стороны Турции и других европейских держав, большинство из которых интриговали скорее ради собственных интересов, чем ради благополучия княжеств, им удалось добиться от конференции Держав в Париже в 1858 году своего рода соглашения, которое, хотя и настаивало на сохранении в каждом княжестве отдельного князя или господаря, давало каждому выборный парламент и допускало частичное слияние "объединенных княжеств" под руководством своего рода центральной комиссии. Это был своего рода компромисс, который, без сомнения, устраивал державы-гаранты с их противоречивыми интересами, но совсем не был по вкусу молодой нации, борющейся за союз и независимость. С помощью умного и совершенно оправданного маневра народы Молдавии и Валахии продолжили дополнять обсуждения и решения держав, выбрав каждого из них одним и тем же правителем капитана Яна Кузу, и, несмотря на протесты Порты, которая отказывалась признать это законным процессом, Коуза под титулом Александра Иоанна I. взойшел на объединенный трон как *принц Румынии*. В 1861 году, главным образом по рекомендации держав-гарантов, Порты согласилась на союз.

XI.

Принц Куза родился в Галаце в 1820 году. Он происходил из старинной боярской семьи и получил образование в Яссах, Афинах и Париже. В 1845 году он женился на Елене, дочери другого боярда, Розетти, и впоследствии занимал высокие посты в государстве. Его принцесса была патриотически настроенной дамой, основавшей и поддерживавшей множество благотворительных учреждений, среди прочих сиротский приют, известный как *Asyle Hélène*, о котором мы уже говорили; и если бы ее муж признавал ее добродетели и помнил о своих собственных обязательствах перед ней, он, вероятно, все еще восседал бы на троне Румынии. Ибо нет сомнений в том, что в начале своего правления, которое длилось с 1859 по 1866 год, он пользовался сердечной поддержкой всех партий в государстве; но вскоре он попытался сделать себя абсолютным, и в 1864 году он совершил *государственный переворот*, очень

похожий на тот, который недавно был совершен принцем Болгарии, по всей вероятности, под той же опекой. Однако в его случае нация отказалась подчиниться такому произволу, и хотя на какое-то время это удалось, это в сочетании с его алчностью, вопиющей безнравственностью и общим плохим управлением привело к его окончательному падению. В 1864 году монастыри были секуляризованы, то есть на них были заявлены права как на государственную собственность, что было санкционировано гарантирующими державами против выплаты возмещения. В 1865 году произошла полная реформа отношений между землевладельцами и крестьянством, которые были освобождены от феодальных повинностей и стали совладельцами земли. Об этой реформе мы уже подробно говорили. Однако, как мы уже говорили, личные действия принца, который обогатился за счет все еще страдающей страны, стремился всеми доступными ему средствами добиться абсолютного правления и вел откровенно аморальный образ жизни, против чего тщетно протестовали и предостерегали его его советники, привели к тому, что некоторые назвали заговором, но это было восстание всех ведущих представителей народа, мирян и военных, которые объединились, чтобы свергнуть его с трона.

Так называемое отречение, а на самом деле низложение принца Кузы, как сообщалось в то время, было произведено следующим образом. Когда заговор созрел, 11 [23] февраля 1866 года достаточно сильный отряд военных, действовавший по приказу генерала Голеско и других, окружил дворец, в котором проживал принц, и затем несколько офицеров ворвались внутрь. Войдя во дворец, они направились в комнату принца, арестовав по пути туда М. Л. -[169] и двух офицеров личной охраны. Прежде чем они взломали дверь, принц, по-видимому, предчувствовал какую-то опасность и крикнул изнутри: "Не входите, потому что я буду стрелять". Однако, прежде чем фраза была закончена, дверь распахнулась, и он увидел перед собой заговорщиков с револьверами в руках. Он был достаточно труслив (говорится в повествовании), чтобы ни разу не выстрелить. Вполне возможно, что если бы он знал, что у них был приказ не стрелять, что бы ни случилось, он убил бы одного или другого из них.[170] Или, возможно, присутствие мадам...[171] помешало ему оказать сопротивление, поскольку она была там раздетой.

- Чего ты хочешь? - спросил он, дрожа.

- Мы принесли отречение вашего высочества, - сказал капитан К.. - Вы подпишете его?

- У меня нет ни пера, ни чернил, - ответил он.

"Мы думали об этом", - сказал один из заговорщиков.

- У меня нет столика.

- На этот раз я предлагаю себя в качестве такового, - сказал капитан П....

Не имея другого выхода, принц подписал следующий акт отречения, поскольку он лежал на плечах сутулого офицера, который снизошел до того, чтобы по этому случаю послужить ему письменным столом.

"Мы, Александр, согласно воле всего народа и клятве, которую мы дали при восшествии на престол, в этот день, 11 февраля [23] 1866 года, передаем бразды правления княжескому *местоблюстителю* и министерству, избранному народом.

(Подпись) "Александр Джон".

- Это было моим желанием в течение длительного времени, - сказал принц после подписи, - но обстоятельства, не зависящие от меня, заставили меня отложить. Несмотря на все это, я был готов сделать это в мае".

После того, как он подписал акт об отречении, заговорщики заставили его одеться и повели к экипажу, где Ч., переодетый кучером, принял его и отвез в дом м. Чокарлану. Мадам ..., с другой стороны, была доставлена домой после того, как она обустроилась. Сразу же после ареста Кузы раздался веселый перезвон колоколов, перед театром заиграл оркестр, и массы людей собрались перед дворцом, где обосновалось Временное правительство, и вскоре после этого было опубликовано следующее воззвание:

Румыны,

В течение семи лет вы показывали Европе, чего могут достичь патриотизм и гражданская добродетель. К сожалению, вы ошиблись в выборе принца, которого призвали возглавить нацию. Анархия и коррупция, нарушение законов, разбазаривание национальных финансов, деградация страны внутри страны и за рубежом - все это характеризует поведение этого преступного правительства. Румыны, княжеский *местоблюститель* сохранит конституционное правительство в его целостности. Это поддержит общественный порядок и уберет личные амбиции с алтаря Отечества.

"Румыны, с избранием иностранца принцем Румынии голоса Дивана станут свершившимся фактом".

Позвольте нам добавить несколько слов относительно этого процесса. Мы слышали обвинения, возлагаемые на революционеров, которые, как уже говорилось, составляли ведущих государственных деятелей страны, в применении силы для обеспечения отречения Кузы от престола, и что касается простой законности документа, то его подпись, полученная таким образом, конечно, не имела никакой ценности. Но для того, чтобы иметь возможность составить правильное мнение о кризисе и действиях революционеров, было бы необходимо понять не только характер принца (который сам по себе оправдывал бы крайние меры, если хотя бы половина написанного о нем правдива), но и оценить последствия любой задержки, которая могла бы возникнуть в результате более мирного и обдуманного курса действий. Народные лидеры не забыли уроков 1848 года, и было маловероятно, что они окажутся настолько бесчувственными, чтобы дать время русским или турецким интриганам еще раз разрушить барьеры их с трудом завоеванных свобод. То, что нация была удовлетворена, доказывает продолжение. Никто не беспокоился о Кузе, которому было позволено уйти из Румынии, нагруженному трофеями своего правления; и когда впоследствии имя нынешнего правителя было объявлено народу, оно было принято с радостью и одобрением.

Но у нас была еще одна причина остановиться более подробно, чем это принято у историков, на этом инциденте в румынских анналах. Это должно было показать тот пример нравственности, или, скорее, безнравственности и неверия, который был подан одним из принцев страны совсем недавно, пятнадцать или шестнадцать лет назад. К такому поведению можно относиться с презрением в странах с устоявшейся и устоявшейся конституцией, но в новорожденном

государстве оно не могло не нанести большого вреда, который до сих пор не был полностью устранен, несмотря на пример безупречного Суда.

ГЛАВА XIV.

ОТ НИЗЛОЖЕНИЯ ПРИНЦА КУЗЫ (1866) ДО КОРОНАЦИИ КОРОЛЯ ЧАРЛЬЗА (1881).

Вступление князя Карла Гогенцоллерна—признаки Конституции—прежние разногласия между князем и парламентом—(Примечание: состояние сторон с лидерами в 1881 г.)—Действия России перед началом войны 1877—турецкая нетрудоспособности и упертость—вызывает недоумение позиция Румынии—нежелание нации вмешиваться—первая позиция нейтралитета—порт-заявляет принц врага—князя и войско организации—стоимость румынского сотрудничества в России—русская армия операций—пересекает Дунай и занимает Sistova и Шипке—неоднократные поражения под Плевной и других—мрачные перспективы для россиян—Roumanians пересечь Дунай—первых оценок из них—Презрительные упреки и анекдоты—изменение мнения о них—Принц Чарльз назначил главнокомандующим союзников до Плевны—защиту Плевны—самой Grivitza Редут—численность и состав армии—начала приступа (31 августа 1877)—Захват Loftcha по Скобелев—российской операции против Плевны—большое нападение 11 сентября—разгром россиян—безрезультатно храбрость Скобелев—его появление после отпора—в Roumanians—в 'неукротимая' Grivitza Редут—румынская подходов (с 7 сентября по 10)—наезды и окончательный захват и удержание редута на Roumanians (11-я)—Резня в Форт—неудачная попытка захвата второй Редут—лестную критику на свою храбрость—румынская дальнейших побед и услуг в войне—неудачи Осман-паши прорваться линии союзников—с его подачи—интервью между Османа, великого князя, и князь Шарль—русский неблагодарность в Румынии—"обмен" Бесарабия за Добруджа—договора Сан-Стефано и Берлине конференции—румынский независимая—коронация короля и королевы—заключение исторического обзора.

Я.

После падения Кузы обе палаты избрали графа Фландрии, младшего брата короля Бельгии, его преемником, но, вероятно, из-за угрожающего отношения Порты, этот принц отказался от этой чести. Затем их выбор пал на правящего монарха, принца Карла Гогенцоллерна (сына принца Карла Антона из Гогенцоллерн-Зигмарингена), который принял кандидатуру и был провозглашен принцем Румынии в годовщину своего дня рождения, 20 апреля 1866 года, и был встречен с большой радостью по прибытии в столицу. Блистательная Порта, как обычно, протестовала, но на этот раз румыны пригрозили — по крайней мере, они решили отстаивать свой выбор и собрали для этого значительные силы. После тщетных попыток привлечь Власть на свою сторону султан дал свое согласие на назначение, и принц был наделен суверенитетом для себя и своих наследников.

Тем временем национальные лидеры подготовили проект конституции, в соответствии с которой в настоящее время управляется Румыния, основные положения которой, наряду с именами ее составителей, приведены в Приложении (III.), и 30 июня [12 июля] он был одобрен и

подписан князем, который в то же время принес соответствующую присягу, сначала в Бучаресте, а вскоре после этого в Яссах, где молдаване приняли его с таким же энтузиазмом.

Немногим правителям приходилось сталкиваться с препятствиями, которые встретили принца Чарльза при его восшествии на румынский престол, и действительно, немногим удалось настолько успешно преодолеть свои трудности и завоевать расположение своих подданных — задача, которая, однако, была существенно облегчена в его случае благодаря сотрудничеству его талантливой супруги, на которой, как на принцессе Елизавете Видской, он женился в ноябре 1869 года. Свободы Румынии развивались недолго, и люди, которые в течение шестнадцати столетий были угнетенными вассалами сначала этой, а затем и той господствующей расы варваров, естественно, испытывали некоторую неловкость, когда им приходилось брать на себя ответственность, а также пользоваться привилегиями освобождения. Мы не будем останавливаться ни на партийных разногласиях, которые в течение ряда лет препятствовали бесперебойному функционированию новой Конституции, ни на известном факте, что принц едва не сложил бразды правления из-за неоднократных смен министров и недостойной зависти тех, кто сначала выбрал его как иностранца, а затем обвинил в этом как в дисквалификации. Мы также не должны слишком узко рассматривать все причины этого беспокойства в народе. Их так часто предавали их правители, и они так ревниво относились к своим недавно завоеванным свободам, что, возможно, действия принца из дома Гогенцоллернов не всегда соответствовали вкусам полуреспубликанского законодательного органа. Эти трения, вызванные преданностью правителя, здравым смыслом и патриотизмом его советников, прекратились; и, хотя сейчас нет ожесточенной борьбы партий, один из румынских лидеров сожалеет, что нет более активной и могущественной оппозиции министерству, которое в последний раз избиралось в 1875 году и более шести лет направляло судьбы нации.^[172]

II.

Давайте теперь рассмотрим обстоятельства, которые недавно позволили Румынии сбросить последние следы своего вассалитета и занять свое место в сообществе европейских наций; и кратким рассказом о тех событиях мы должны завершить этот несовершенный очерк ее прошлой истории. История последней русско-турецкой войны должна быть в памяти всех наших читателей, проявляющих хоть малейший интерес к восточной политике. Как Россия, недовольная ограничениями, наложенными на нее Парижским мирным договором, преуспела в изменении этого договора, который снова давал ей право входа в Черное море; как, вернувшись к своей излюбленной роли защитницы христианских жителей Турции, она вмешалась в дела тех народов, которые стояли между ней и Константинополем; как подстрекаемые ею сербы и черногорцы подняли восстание, и болгары последовали их примеру; как европейские державы, с одной стороны, симпатизирующие Турции, с другой — выступающие против нее. вследствие возобновившихся махинаций и прозрачных замыслов ее могущественного северного врага, а с другой стороны, отчаявшись в ней из-за варварства, с которым она пыталась подавить восстание в своих вассальных провинциях, врожденной слабости ее правления и плачевного состояния ее финансов, они были вынуждены в конце концов оставить ее на милость ее врага. Повторять их повествование означало бы рассказывать часто рассказываемую историю. Но когда после окончательного провала Константинопольской конференции в январе 1877 года Крест и Полумесяц снова были противопоставлены друг другу, и когда русские войска были сосредоточены на восточном берегу Прута, наступил момент, когда недавно освобожденной нации, которая так часто становилась жертвой "священной"

борьбы, следовало решить, на чью сторону ей встать. Действительно, у Румынии не было особого выбора в этом вопросе; критики, которые порицали ее политику и обвиняли ее в нарушении веры по отношению к ее сюзерену Порте (а мы знаем, что таких в этой стране много), не могли ни тщательно изучить ее прошлую историю, ни задуматься о положении, в котором она оказалась.^[173] В качестве предпочтения молодая нация, которая была втянута в эту безжалостную борьбу, не могла иметь ничего подобного и могла бы справедливо воскликнуть: "Чума на оба ваших дома!" Какое им дело, с одной стороны (и таково было общественное мнение), до лицемерного крестового похода, предпринятого с целью возвеличивания; или, с другой стороны, какое сочувствие они могли испытывать иметь дело с умирающим государством, которое когда-то было для них дочерью всадника, и чьи зверства были идентичны тем, что творились в те дни, когда гунны и вандалы опустошали их собственные прекрасные равнины? Если бы Румыния в ее тогдашнем состоянии (сейчас все было бы иначе) воспротивилась проходу русских войск, они вступили бы на ее территорию как враги, война снова продолжилась бы в пределах ее границ, и, разоренная и поверженная, она могла бы в лучшем случае рассчитывать на сохранение своей политической независимости путем вмешательства европейских держав; хотя, учитывая тот факт, что они признали Россию своим палачом в Турции, очень сомнительно, вмешались бы они для защиты Румынии, и не перешла бы она к России вместе с другими державами. Бессарабия. С другой стороны, если бы она активно встала на сторону любой из Держав, ее национальная независимость и счастье ее народа были бы поставлены на карту в результате. Она выбрала мудрый и действительно единственный путь, а именно: позволить своему могущественному соседу пройти через ее владения, при условии, что Россия, насколько это в ее силах, будет избавлена от опустошения и ужасов войны в пределах ее границ. Но какой курс избрала Порта? Не признавая *форс-мажорных обстоятельств*, которые подтолкнули Румынию к этому решению, она была настолько склонна к самоубийству, что объявила ее врагом и пригрозила свергнуть принца, тем самым предоставив своему злейшему врагу союзника, который в критический период, в целях самообороны, повернул чашу весов против нее и заставил ее потерять некоторые из своих самых прекрасных провинций. Ибо румыны хорошо знали, что после объявленной Портой вражды за поражением русских и их уходом на свои собственные территории сразу же последовали бы все случаи турецкого владычества, в которых на протяжении веков они имели такой горький опыт.

Среди ценных услуг, которые принц Чарльз оказал своей приемной стране перед началом русско-турецкой войны, была организация национальной армии по немецкому образцу. При принце Кузе вся постоянная армия двух княжеств поначалу насчитывала 8400 человек, но он увеличил ее численность до 25 000 человек и командовал ею по французской системе. Когда принц Чарльз получил инвеституру от султана в 1867 году, численность армии была ограничена 30 000 человек всех рангов; но он заменил французских офицеров немецкими и отправил молодых румын в Германию изучать военную тактику. В 1874 году постоянная армия насчитывала 18 542 человека всех родов войск, а территориальные силы - 43 744, что составляло в общей сложности 62 286 человек и 14 353 лошади; они были вооружены 52 стальными орудиями Круппа, помимо примерно 200 более низкого качества; 25 000 винтовок Пибоди и 20 000 прусских игольчатых ружей, количество которых в 1875 году увеличилось до 100 000 винтовок наилучшего качества.^[174] Санитарные службы и военные госпитали были организованы генералом доктором Давилой, французским врачом, о котором мы часто

говорили в других местах, и который до сих пор занимает пост директора больниц и т.п., а также Медицинской школы в Бюкаресте.^[175]

III.

С армией, сформированной таким образом и дисциплинированной, принц Чарльз вступил в русско-турецкую войну как союзник русских, хотя поначалу и не как активный участник; и поскольку успех этой ужасной войны избавил Румынию от последних остатков ее зависимости от Турции, мы постараемся собрать в максимально узких рамках несколько ведущих событий, в которых она участвовала и которые повлияли на ее притязания на внимание Европы.

Хорошо известно, что румыны оказали ценные услуги русским до того, как те начали активно сотрудничать с оружием в руках, а также то, что последние остро нуждались в такой помощи. В мае 1877 года были предоставлены все возможности для проезда войск по румынским железным дорогам, предпочтение отдавалось больничному оборудованию, и румынские гражданские и военные госпитали открыли свои двери для приема русских больных; фактически, какими бы катастрофическими ни были поражения русских на протяжении всей войны, они принесли бы гораздо больше страданий их раненым солдатам, если бы не систематическая помощь, которую они получали от румын. Затем, готовясь к обороне своего берега Дуная, последние отвлекали внимание турок, чьи канонерские лодки развлекались тем, что совершали безобидные прогулки вверх и вниз по реке, почти так же, как это делал наш флот между заливом Бешика и Дарданеллами, и они создавали линию обороны для русских на случай, если им пришлось бы переправляться через Дунай. Здесь мы впервые знакомимся с принцем Чарльзом, который путешествовал по реке от поста к посту, осматривая укрепления. "Рожденный Гогенцоллерном и воспитанный офицером прусской армии, - говорит писатель, сопровождавший его в этом турне, - неудивительно, что принц Карл Румынский прежде всего солдат. С момента своего избрания главой княжеств он усердно посвящал большую часть своей энергии совершенствованию или, скорее, в первую очередь, созданию румынской армии, и то, что его труд не пропал даром, очевидно любому человеку, хоть немного разбирающемуся в военных вопросах, который провел последние несколько недель на территории, над которой правит принц Чарльз."^[176] Принц имел в своем распоряжении два армейских корпуса, каждый численностью 28 000 человек, полностью оснащенных, в то время как ополчение, численность которого составляла около 100 000 человек, было готово к мобилизации в кратчайшие сроки. Относительно боевых качеств этих войск авторы расходятся во мнениях, и мы сейчас обратимся к изменениям, которые произошли в оценке, которой они придерживались по мере развития войны; но даже в начале были те, кто хвалил их хладнокровие и говорил, что они не проявляли той дрожи под огнем, которая не совсем естественна для молодых солдат.

Однако, прежде чем эти люди были призваны в бой, их могущественные союзники потерпели ужасные поражения от рук врага. Имея дело только с той дивизией русской армии, которая была задействована в Болгарии, мы должны отметить следующие события. 27 июня 1877 года основные силы русских, или "оперативная армия", как ее называли, находившаяся под командованием великого князя Николая, пересекли Дунай на плавучих паромов из Симницы в Систову, были предприняты ложные попытки сконцентрироваться и одновременно перейти в других местах, чтобы ввести турок в заблуждение относительно предполагаемого пункта переправы. Хотя последние предприняли некоторые усилия, чтобы предотвратить высадку на

болгарский берег, в результате чего многие были убиты и ранены с обеих сторон, русские благополучно переправились и заняли Систову, где они обнаружили, что все дома жителей разграблены турками, которые вынуждены были отступить. Император и великий князь Николай находились либо на месте, либо в непосредственной близости во время переправы, штаб-квартира находилась тогда в Пloeшти, на железной дороге Букарест-Орсова, и с тех пор они пережили ряд ужасных неудач.[177]

Как только были высажены достаточные силы, они разделили армию на три части, одна из которых под командованием генерала Гурко двинулась к знаменитому Шипкинскому перевалу на Балканах, где столкнулась с отважным врагом; он занял перевал 19 июля. Другая часть под командованием самого великого князя - часть 9-го армейского корпуса — двинулась вперед к столь же хорошо известной позиции под Плевной, где турецкими войсками командовал Осман-паша и где русские нанесли свой первый удар. Генерал Крюденер, командовавший атакующими силами, был не только отброшен, но и, в свою очередь, подвергся нападению турок и был жестоко избит. Два дня спустя, получив подкрепление, он совместно с генералом Шахофским, командовавшим силами численностью 32 000 человек, предпринял второй штурм Плевны, но они снова потерпели поражение с ужасными потерями. 31 июля Гурко потерпел еще более серьезное поражение. Он проник с русско-болгарскими войсками до Эски-Загры (или Зари), где встретился с турками под командованием Сулеймана-паши, и после кровопролитного столкновения был не только отброшен, но и вынужден отступить к Шипкинскому перевалу. Сулейман-паша последовал за ним и преуспел в занятии деревни Шипка, но его попытки вытеснить русских с перевала оказались безуспешными, и 27 августа он прекратил свои операции и телеграфировал о подкреплении, которое русские тем временем также получили. Сулейман-паша не возобновлял попытку до 17 сентября; и, хотя одно время он настолько недооценивал свой успех, что телеграфировал о победе в Константинополь, в конце концов он был отбит.[178]

В дополнение к этим и другим неудачам в Европе, рассказ за рассказом появлялись катастрофы в Азии. Карс, который был осажден русскими, был успешно освобожден турками под командованием Муктар-паши, точно так же, как несколько месяцев спустя русские дважды атаковали Эрзерум, который столько же раз был отбит. Именно тогда, когда небо со всех сторон стало хмурым, русский император, его принцы и генералы начали нетерпеливо искать помощи у своего союзника к северу от Дуная; и тогда, ради безопасности своей собственной страны, принц Чарльз выступил на поле боя со своей храброй маленькой армией румын, и, вспомнив дни Стефана и Михаила и подражая доблести на поле Калугерени, ему удалось переломить ход победы и спасти честь этого союзника, от которого он впоследствии получил такое слабое признание.

IV.

Вплоть до 25 августа мы почти ничего не слышим о передвижениях румын, и в каждом случае боевые действия вели русские либо в одиночку, либо совместно с их безжалостными союзниками болгарам, [179] об операциях тогда говорили как о действиях "русско-болгарских" сил; но на указанную дату или около того основная часть румынская армия перешла Дунай, и с тех пор болгары редко упоминаются, а сражение ведется "союзниками", или "русско-румынской" армией. Поначалу румынские солдаты не удостоиваются особого внимания хронистов: более того, в одном или двух случаях о них говорится с явным презрением. В письме

из Джурджево 5 июня (это было до того, как русские переправились через Дунай у Симницы) один из корреспондентов пишет: "За едой и разговорами я услышал один или два любопытных случая, которые произошли здесь, когда казаки пришли впервые. В ходе разведки местности пять казаков с унтер-офицером наткнулись на пост из двадцати румынских солдат, также находившихся под командованием унтер-офицера. Пятеро казаков немедленно арестовали двадцать румын, доставили их в штаб и доложили генералу Скобелеву, что они являются пленными какой-то неизвестной армии. Казаки, по-видимому, не были вполне уверены, турки это или нет, поэтому они решили, что им лучше ввести их в бой, на операцию, на которую румыны, хотя и значительно превосходили их численностью, согласились без особого ропота".[180]

Следует понимать, что этот анекдот был рассказан группой русских офицеров и не заслуживает критического рассмотрения, но он показывает, какого мнения они были о людях, которые впоследствии стали их незаменимыми помощниками и в некотором смысле их лидерами и защитниками. Другие авторы представляли румынских солдат в более благоприятном свете с самого начала войны. Их хладнокровие под огнем уже упоминалось, и тот же корреспондент, описывая оборонительные операции в Калафате, говорит: "Я был поражен замечательным поведением румынских артиллеристов, которые ни в малейшей степени не дрогнули в это тяжелое время".[181] После своих поражений под Плевной и в других местах русские тоже, начали оценивать своих союзников по чему-то более близкому к их реальной стоимости.

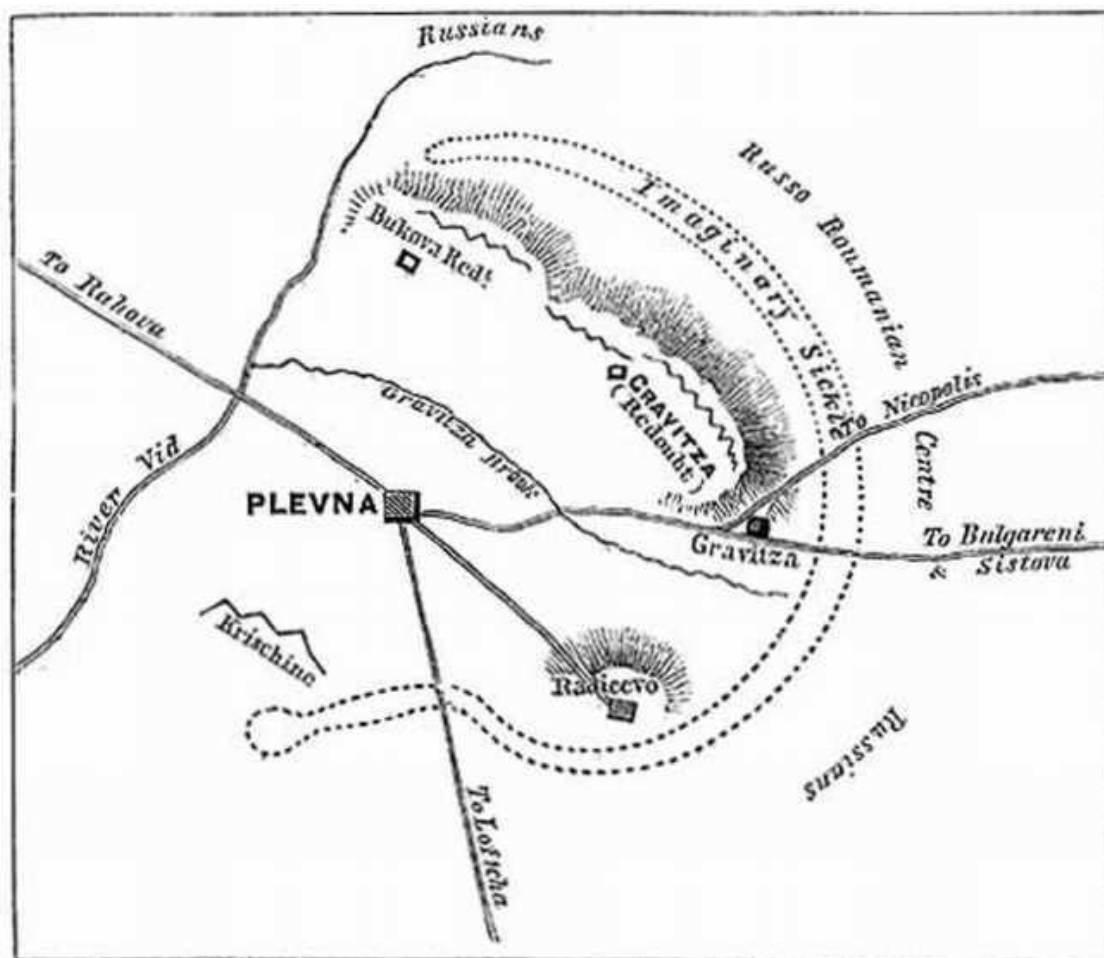
"Российские власти, - пишет тот же корреспондент в августе месяце, - очень довольны внешним видом и очевидной эффективностью румынской артиллерии. Действительно, о румынских войсках теперь повсюду говорят с уважением, ранее не проявлявшимся".[182]

Теперь больше не будет разговоров о том, что пятеро русских побеждают двадцать румын; и вскоре мы услышим совсем другую историю. И не только солдаты поднялись в глазах москвичей, но и русские начали понимать, что в командирах тоже могут быть какие-то достоинства; примерно 1 сентября или за день или два до этого они настолько признали свое превосходство, что пригласили принца Чарльза принять главнокомандование всей русско-румынской армией перед Плевной, что он и сделал, с русским генералом Зотовым в качестве начальника его штаба и заместителя командующего.

По этому случаю он обратился с обращением к румынским солдатам, напомнив им, что успех турок будет означать грабеж и опустошение в их отечестве, заверив их, что, хотя их численность невелика, он уверен в их мужестве и в их способности сохранить за Румынией хорошее мнение, которого она заслуживала и которым пользовалась среди народов Европы. В заключение он в скромных выражениях объявил о своем собственном назначении главнокомандующим союзными армиями.

V.

31 августа Осман-паша предпринял вылазку против осаждающих, в которой в конечном итоге был отбит с большими потерями, и тогда под новым командованием было принято решение о новой атаке на Плевну. Однако для того, чтобы понять последовавшие за этим события и роль, которую сыграли в них румыны, необходимо кратко описать расположение и расстановку задействованных сил и сослаться на операции, предшествовавшие нападению.

ОБОРОНА ПЛЕВНЫ.

Ареной длительной борьбы является холмистая местность, а Плевна, центр нападения и обороны, находится во впадине долины, протянувшейся в северном и южном направлениях. Земля, прилегающая к этой долине, была описана одним из военных корреспондентов как состоящая из огромных сплошных волн, обращенных своими гранями к долине Плевны. Описать это подробно здесь было бы невозможно, но позиции атакующей и обороняющейся армий были очень простыми. Турецкие позиции представляли собой, грубо говоря, "подкову, выпуклость которой направлена на восток, а город Плевна находится примерно в центре основания". Другой автор сравнивает ее с "жатвой, острие которой находится напротив Букова, середина изгиба напротив Гривицы, место соединения рукояти с Плевной и конец рукояти с Кришине".

Русские окружали эту подкову, оставляя базу открытой, и форма их атаки в этом случае заключалась в линии окружения прямо по их фронту. Главным объектом интереса в борьбе, насколько нам известно, является турецкий редут *Гривица* или *Гривица*, самая сильная из всех оборонительных позиций: она располагалась на мысу, если можно так выразиться, подковы, а прямо напротив находился русско-румынский центр.

Российско-румынская армия насчитывала около 80 000 пехотинцев, из которых 28 000 были румынами, в двух корпусах под командованием полковников Джорджа и Александра Ангелеску и 10 000 кавалеристов, из которых 4000 были румынами. Всей румынской дивизией

командовал генерал Кернат; русскими - барон Крюденер, генерал Крылов, князь Меретинский и храбрый, но сумасбродный генерал Скобелев; и эта армия в 90 000 человек была снабжена 250 полевыми и 20 осадными орудиями. Численность защитников под командованием Осман-паши оценивается примерно в 70 000 человек.

Вот краткий отчет о нападении. После неудачной вылазки Осман-паши 31 августа, в ходе которой русские вернули себе все позиции, временно занятые противником, боевые действия перед Плевной были частично прекращены до 6 сентября. Между тем, 3 сентября силами из 22 000 русских под командованием Меретинского, включая бригаду казаков под командованием Скобелева, после кровопролитного конфликта удалось выбить 7000 турок из деревни Лофча и оборонительной позиции к западу от нее, которую они заняли надолго.^[183] Эта операция привела к прекращению поставок Осман-паши с юга. Затем последовала артиллерийская дуэль между всей атакующей и обороняющейся армиями, которая продолжалась до 11-го числа, и, судя по длинным и тщательным отчетам корреспондентов, стрельба, по-видимому, не возымела особого эффекта ни с той, ни с другой стороны. Тем временем румыны расположились напротив Гривицкого редута, который, как мы уже говорили, был самым грозным из всех турецких укреплений. Меретинский и Скобелев находились поблизости от дороги на Лофчу; а Крылов и Крюденер двигались во взаимодействии, причем первый разместился на Радисовской высоте с войсками под его командованием.^[184] О Гривицкой и румынской операциях мы поговорим более подробно ниже. На других направлениях атаки ничего серьезного не происходило до 11-го числа, когда был отдан приказ о генеральном наступлении, атака Крылова и Крюденера была направлена против позиции, известной как "Мамелон", к югу от Плевны, в то время как Скобелев предпринял энергичную атаку на двойной редут на юго-востоке, целью которого было овладеть этими позициями, которые считались наиболее уязвимыми, в то время как румыны "удерживали" турок в их сильнейшем редуте — Гривице. При поддержке румынской артиллерии Крылов атаковал "Мамелон" трижды в течение дня, каждый раз свежими силами; но так же часто он был отбит с ужасными потерями, третья атака и поражение продолжались всего двадцать минут. Фактически, Крылов и Крюденер были отбиты по всей линии. Скобелеву повезло несколько больше, он начал свою атаку после второго навеса Крылова. Потеряв 2000 человек, ему удалось удержать турецкую позицию; и, пожертвовав еще 3000 человек, он удерживал ее лишь некоторое время, поскольку она контролировалась Кришинским редутом (который был конечной целью его операций) слева от него и Плевной на севере. Турки пять раз безуспешно пытались сместить его. Скобелев раз за разом взывал о поддержке, но она пришла только тогда, когда после шестой турецкой атаки — на этот раз успешной — он был вынужден отступить и отступал на свои старые позиции. Заключительная сцена его сегодняшних операций часто описывалась, но поскольку его недавняя выходка придает новый интерес всему, что касается его, от повторения ничего не потеряется: "Сразу после этого я впервые встретился с генералом Скобелевым в тот день. Он был в ужасающем состоянии возбуждения и ярости. Его мундир был заляпан грязью, шпага сломана, крест Святого Георгия перекручен через плечо, лицо почернело от пороха и дыма, глаза измождены и налиты кровью, а голос совершенно сел. Он говорил хриплым шепотом. Я никогда прежде не видел такой картины сражения, какую он представлял. Я снова увидел его ночью в его палатке. Он был совершенно спокоен и собран. Он сказал: "Я сделал все, что мог. Большого я сделать не мог. Мой отряд наполовину уничтожен; моих полков не существует. У меня не осталось офицеров. Они не прислали мне подкрепления, и я потерял три орудия". Это были три из четырех орудий, которые он установил в редуте при взятии его, и только одно из которых его отступающим войскам

удалось унести. "Почему они отказали вам в подкреплении?" Спросил я. "Кто был виноват?" "Я никого не виню", - ответил он; "такова воля Божья!"^[185]

VI.

Таким образом, мы в общих чертах описали, как турки успешно отразили всю русскую атаку, за исключением атаки румын, и теперь мы должны на мгновение обратиться к тому, что происходило в Гривице. Корреспонденты постоянно упоминают этот редут как самую грозную из всех турецких позиций. Он называется "неукротимый Гривицкий редут"; "ужасный редут"; "они" (русские) "могут обстреливать его в течение недели, пожертвовать бригадой пехоты и не преуспеть в его взятии". "Турецкие позиции, - говорит один писатель, - напротив румынского участка, сильнее как по природе, так и по искусству. Но на 50 000 русских приходится всего 28 000 румын. Из этого, по-видимому, логически следует, что функция румын должна носить главным образом демонстративный характер".^[186] Насколько "демонстративным" это было, мы сейчас увидим.

Уже 7-го и 8-го числа русские осадные орудия были выдвинуты вперед в непосредственной близости от Гривицы, а 9-го числа румыны установили свои батареи ближе к ней; в то время как 10-го их пехота заняла естественное укрытие-траншею, из которой они отбивались от турецких артиллеристов в редуте. В тот же день пара рот русских, думая, что редут эвакуирован, предприняли попытку взять его, но когда небольшой отряд наступающих стрелков приблизился на расстояние ста ярдов к подножию гласиса, они столкнулись с рядом ружейных дул и турецких голов и сочли более благоразумным отступить.

Однако 11-го числа румыны, с которыми были три батальона русских, провели свою "демонстрацию" против Гривицы одновременно с русскими атаками на другие редуты. В боине того ужасного дня им, по-видимому, уделялось мало внимания, но в следующий раз корреспонденты рассказали о результатах своих операций, и поскольку они не только подтвердили звание молодой армии *эланом* и храбростью, но и действительно стали поворотным моментом в войне, мы постараемся следовать их кратким описаниям событий.

"Похоже, - пишет один из хронистов, - что в половине третьего пополудни редут был атакован двумя румынскими бригадами, каждая из которых состояла из четырех батальонов, и тремя батальонами русских. Румыны атаковали с востока и юго-востока, русские - с юга и юго-запада. Атака была произведена следующим образом: — Сначала отряд стрелков, среди которых были люди, несущие штурмовые лестницы, габионы и фашины. У последних были винтовки, закинутые за спины, и им было приказано ни в коем случае не стрелять, а просто бежать вперед, засыпать ров и оставить позади свои лестницы. Затем следовала вторая линия в построении колонны роты для атаки, за ней следовала третья линия для поддержки штурма. В половине третьего пополудни румынцы предприняли атаку, и говорят, что по какой-то ошибке русские прибыли на полчаса позже. Как бы то ни было, атака была отбита, и все отступили, за исключением двух рот пехоты, которые сплотились и, оставаясь в укрытии, вели оживленный огонь по сооружению.

В половине шестого атака была возобновлена батальоном румынского ополчения, за которым последовали два русских батальона 17-го и 18-го полков. Затем редут был захвачен, и турки отошли к другому редуту немного севернее захваченного сооружения. Но вскоре стало очевидно, что редут не удержать без подкрепления, и трем румынским батальонам с

артиллерийской батареей был отдан приказ выдвинуться вперед. Однако они заблудились в тумане и, таким образом, были лишены возможности оказать необходимую помощь; следовательно, когда турки возобновили атаку, союзники были выбиты.

Вскоре последовал третий штурм, и в семь часов вечера сооружение было окончательно захвачено: четыре орудия и знамя были трофеями ратного подвига. Не раз в течение ночи турки наступали с криками "Аллах", но серьезной атаки предпринято не было. Таким образом, к моему удивлению, когда сегодня утром я добрался до долины Плевны, я увидел поднятый флаг Румынии, вызывающе выставляющий напоказ этот доселе внушавший ужас редут Гривица.^[187]

Насколько кровопролитной была борьба, описанная здесь несколькими банальными фразами, видно из последующего вида захваченного редута.

Внутренняя часть этого большого сооружения была завалена не только мертвыми, но и ранеными, образуя одну ужасную неразличимую массу мертвых и живых тел, причем на раненых обращали так же мало внимания, как и на мертвых. Пожар помешал врачам подойти к раненым, и та же причина задержала носильщиков раненых. Не было даже товарищей, которые могли бы смочить губы своим несчастным товарищам-солдатам или сказать им слово утешения. Там они лежат, корчась и стоная. Я думаю, что можно было бы предпринять какую-нибудь попытку, невзирая на любой риск, помочь этим беднягам, ибо они были доблестными людьми, которые двадцать четыре часа назад так доблестно и успешно боролись за взятие этого давно не захваченного редута; и теперь было грустно видеть, как они умирают, не предпринимая никаких попыток оказать им помощь. Я мог бы заполнить страницы описанием этой душераздирающей сцены и других подобных ей, свидетелем которых я был, но эта задача в равной степени напрягла бы мои собственные нервы и нервы ваших читателей".^[188]

Но румыны не были удовлетворены удержанием своих позиций. В 250 ярдах от Гривицы находился другой турецкий редут, огнем которого командовал первый, и который они тщетно пытались взять 11-го числа. Однако, ничуть не обескураженные, они день за днем удерживали свои позиции, а 18-го предприняли еще одну доблестную, но тщетную попытку выбить врага с его позиций. "Говорят, что они возобновят его, - пишет один из зрителей, - и в доблестной молодой армии принца Чарльза много сражений, но, на мой взгляд, шансов на успех мало, если они не подойдут к вражескому редуту с помощью САП".^[189] 24 сентября они продвигались по траншеям и были всего в 80 ярдах от второго редута противника". Гривицкий редут. "Их боевой дух и жизнерадостная стойкость к трудностям достойны восхищения", - слышим мы. И снова, 26-го: "Румыны продвигают свои действия против второго редута с упорством и отвагой, достойными всяческих похвал, и которые тем более примечательны, что русские с их стороны абсолютно ничего не предпринимают".^[190] Этот контраст исходит из-под пера хрониста, который рассказал историю о двадцати румынах, взятых в плен пятью русскими, и чьи взгляды на относительные достоинства сражающихся, очевидно, претерпели значительные изменения; ибо теперь он говорит о русских: "Они ждут подкреплений, которые прибывают медленно, и которые, когда они будут здесь, едва ли покроют потери в боях и от болезней за последние два месяца. Я думаю, что история не знает подобного примера великолепной армии в таком совершенно беспомощном состоянии. Румынские генералы проявляют гораздо больше мужества и энергии".^[191]

ПРИНЦ (НЫНЕ КОРОЛЬ) РУМЫНИИ КАРЛ ПЕРЕД ПЛЕВНОЙ
(С фотографии, сделанной на месте Ф. Душеком.)

Румыны не смогли захватить второй редут, но им удалось не только удержать свои передовые позиции перед Плевной, но и оказать материальную помощь в других местах, превратив осаду в капиталовложение. 21 ноября они захватили Рахову на Дунае, что значительно облегчило операции против обреченной крепости и помогло сделать укрепления союзников неприступными. В заключительных событиях взятия Плевны румыны принимали незначительное участие или вообще не принимали никакого участия из-за той позиции, которую они занимали. Утром 10 декабря Осман-паша предпринял свою храбрую, но безуспешную попытку прорвать русские позиции, в сражении, в котором обе стороны проявили чудеса доблести. Целый русский полк был уничтожен в попытке сдержать врага, чей генерал сам был ранен; и после того, как русско-румынская армия сдерживала уступающие силы более четырех месяцев, он, наконец, был вынужден сдаться со всей своей армией. Вот фрагмент финальной сцены, когда раненый герой встречается своих победителей: —

Великий герцог подъехал к экипажу, и несколько секунд оба вождя смотрели друг другу в лицо, не произнося ни слова. Затем великий князь протянул руку, сердечно пожал руку Осман-паши и сказал: "Я поздравляю вас с защитой Плевны; это один из самых великолепных военных подвигов в истории". Осман-паша печально улыбнулся, с трудом поднялся на ноги, несмотря на свою рану, сказал что-то, чего я не расслышал, а затем снова сел. Все русские офицеры закричали: "Браво! браво!" несколько раз, и все почтительно отдавали честь. Среди них не было ни одного, кто не смотрел бы на героя Плевны с величайшим восхищением и симпатией. Прибывший принц Чарльз подъехал верхом и, сам того не желая, повторил почти каждое слово великого герцога и точно так же пожал ему руку. Осман-паша снова встал и поклонился, на этот раз в мрачном молчании.^[192]

VI.

Как легко быть великодушным к поверженному врагу; как трудно некоторым людям быть честными в отношениях с союзником, особенно если он добился успеха там, где они потерпели

неудачу! Первый - это претензия на превосходство, и чем выше степень похвалы, которой мы удостоиваем побежденных, тем значительнее кажется наша победа; но чем меньше мы признаем себя обязанными нашему товарищу по оружию, тем больше чести остается за нами. И все же, каково будет суждение потомков о поведении России по отношению к своему храброму союзнику, который спас ее честь, если не целостность ее империи? Что бы она ни думала, колокола радости зазвонили бы по большей части Европы, и, конечно, партия, господствовавшая тогда в Англии, была бы чрезвычайно рада, если бы ее отбросили обратно за Прут и заставили заняться столь необходимыми реформами в ее собственной стране вместо того, чтобы вмешиваться в дела своих соседей и стремиться расширить свои и без того разросшиеся владения.

Война никогда не пользовалась популярностью у масс в Румынии, и хотя при открытии Палат в ноябре 1877 года королевская речь предсказывала, что падение Плевны будет означать полное освобождение Румынии, в отношении планов России преобладало большое беспокойство — беспокойство, которое было оправдано последующими событиями. 17 декабря, когда с сознания нации был снят груз капитуляции Осман-паши, в Бухаресте царило большое ликование по случаю визита царя. Он направлялся в Санкт-Петербург, чтобы принять поздравления своих подданных, оставив позади Плевну, "полную ужасов". Сейчас он мертв, но его сыну и всем принцам, живущим мечом, не мешало бы внимательно изучить и повторно использовать рассказы о трагических сценах, которые оставили победители на поле битвы, когда они уходили под овации непостоянного населения. Румыны чествовали своих победоносных союзников, которым, следует признать, мы здесь отдали должное во всех их действиях. Но это были те же русские, которые, как сообщалось, при Петре Великом стащили сапоги с ног своих спящих хозяев; те же, чьи руки целовали румыны, когда в 1829 году освободили их от турецкого ига; те, кто в 1853 году захватил княжества с целью их постоянной оккупации и кто через несколько месяцев после описанных выше событий предал своих союзников и, рискуя еще раз пожертвовать своим национальным существованием, лишил их Южной Бессарабии, провинции, населенной почти исключительно румынами.

И все же война принесла свои компенсирующие преимущества. Добруджа, которую румыны получили в обмен на Бессарабию, оказывается более ценным приобретением как для торговли, так и для стратегических целей, чем предполагалось вначале.

Сан-Стефанский мирный договор, который был заключен между Россией и Турцией 19 февраля [3 марта] 1878 года и практически подтвержден Берлинской конференцией, содержал среди других своих положений следующее (часть статьи V.): "Блистательная Порта признает независимость Румынии, что установит ее право на контрибуцию, которая будет обсуждаться между двумя странами"; и (часть статьи XII.): "Все дунайские крепости должны быть стерты с лица земли. В будущем не должно быть никаких опорных пунктов на берегах этой реки, а также никаких военных кораблей в водах княжеств Румынии, Сербии и Болгарии, за исключением обычных *военнослужащих* и небольших судов, предназначенных для речной полиции и таможни". И статья XIX. отдала России ту часть Турции, граничащую с Дунаем, известную как Добруджа, которую Россия "оставляет за собой право обменять на часть Бессарабии, отделенную от нее по мирному договору 1856 года", и которая, по мнению вызвав сильное возмущение румын, она впоследствии вынудила их уступить в "обмен" на ее недавно приобретенную территорию.

Но *это не важно*. Румыния была свободна, и на этот раз она боролась за свою полную независимость и завоевала ее.

VII.

В природе независимого княжества есть что-то неустроенное. Название не передает идею свободного и суверенного народа, и мы всегда склонны рассматривать его как возможную провинцию какого-нибудь аннексирующего соседа. Так думал писатель о Румынии четыре года назад, в конце освободительной войны. "Будучи независимым государством, оно рано или поздно должно перейти к России или Австрии, что более вероятно, к первой".^[193] Так, по всей вероятности, думали российские дипломаты, когда создавали ряд слабых княжеств к югу от Дуная, чтобы они послужили ступенями к Константинополю. Точно так же думали и сами румыны. Они знали, что имя - это "ни рука, ни ступня, ни предплечье, ни лицо, ни какая-либо другая часть, принадлежащая человеку", и поэтому они "отказались от имени", и 23 мая 1881 года, с согласия великих держав Европы, они наделили своего принца и принцессу королевским достоинством, возложив на голову своего государя корону, сделанную из тех самых пушек, которые он захватил, сражаясь за их свободы.

Поэтическое чувство, связанное с этим последним поступком румынского народа, живо рисует перед нашим мысленным взором драматический характер всей ее национальной карьеры. Дважды мы находили ход ее истории погруженным во мрак — сначала в облака древности, которые скрывают раннюю жизнь каждого народа; затем во все еще непроницаемый мрак так называемых темных веков, который продолжал нависать над Дунайскими равнинами еще долго после того, как он рассеялся во всех других частях Европы. Завоеванная первой и цивилизованная человеком, входящим в число величайших героев Римской империи, она унаследовала глубокую древность, которой может по праву гордиться, помня, однако, что само по себе благородное происхождение не является мерилom величия нации. Но затем, можно сказать, на века, порыв ветра, который пронесся по ее равнинам со всей яростью бури, но по мере продвижения на запад утих под влиянием более древней цивилизации, вызвал вторую пустоту в ее существовании; и когда она снова поднялась из своей прострации, то обнаружила, что на целые столетия отстала от западных народов. Но едва она успела перевести дух, и прежде чем раны, нанесенные ей готами, гуннами и аварами, были еще полностью залечены, другой безжалостный завоеватель наложил на нее руки; и, несмотря на все ее попытки вернуть себе свободу, он крепко держал ее и наслал на нее надсмотрщиков, столь же жестоких и требовательных, какими прежде были вожди варварских орд. И все же ее дух был неукротим; согнутая, но не сломленная, она продолжала жить и всегда стремилась к свободе. Мирча, Стивен, Майкл - вот имена, которые подтверждают ее притязания на мужество и защищают ее от обвинений в трусливом подчинении. И затем она становится объектом раздора между двумя соседними деспотами, один из которых пытается удержать ее, а другой аннексировать. Удивительно, что между ними она не была расчленена на части.

Наконец, для нее, как и для всех страдающих народов, приблизился день освобождения; железные оковы, выкованные восточным деспотизмом, были ослаблены благодаря западному прогрессу, и, облегченная от своего бремени, она на этот раз нанесла более действенный удар по свободе и была одной из первых, кто развернул знамя свободы на Востоке. Но долгая череда правителей-варваров, вседозволенность повторяющихся военных действий, близость татарской дикости, с одной стороны, и восточной изнеженности - с другой, эти эпизоды ее

продолжительного вассалитета неизбежно, и следует надеяться, что ненадолго, оказали свое пагубное влияние на нацию, искоренить которую теперь - серьезное стремление ее патриотических лидеров.

ГЛАВА XV.

НЫНЕШНИЕ РУМЫНСКИЕ ЛИДЕРЫ И ИХ ПОЛИТИКА.

Король—Придворные обычаи—Королева—Ее достижения—Отрывок из ее стихов—Мадам Розетти—Ее патриотизм и приключения—М. Константин А. Розетти — Его карьера и общественные заслуги—М. Братиано—Другие лидеры общественного мнения—Партия прогресса—Их прошлая внешняя и внутренняя политика—Географические границы—панславизм и панруманизм—Будущая политика Румынии—Экономический рост мирными средствами—(Примечание: Сравнительная стоимость российских, турецких и румынских ценных бумаг)—Румыния и Великобритания—Заключение.

Я.

Мы сделали поспешный и неполный обзор тех особенностей национальной жизни Румынии, которые, по нашему мнению, могли бы заинтересовать наших читателей, и теперь попытаемся представить им краткие сведения о нескольких выдающихся личностях, формирующих общественное мнение и являющихся лидерами прогресса в стране, предполагая, однако, что в нем много упущений, частично из-за нашего собственного невежества, а частично из-за того факта, что обсуждение достоинств и недостатков некоторых общественных деятелей не уместилось бы в этом трактате.

Благодаря своему рангу и патриотизму, и не в последнюю очередь благодаря своим обширным знаниям, его Величество король Карл имеет право на наше внимание в первую очередь. О его политической карьере мы говорили в нашем историческом обзоре, и добавить больше нечего. Он родился 20 апреля 1839 года, следовательно, ему около сорока трех лет. 15 ноября 1869 года он женился на Полин Элизабет, принцессе Видской, которой тогда было около двадцати шести лет; но, к сожалению, единственный отпрыск их союза, маленькая девочка, похоронена на территории приюта Элен. Король - красивый мужчина, несколько выше среднего роста, и, судя по его правильным чертам лица, он мог принадлежать к любой национальности Западной Европы. Обычно у него несколько суровое выражение лица, но как только он начинает разговаривать, это сразу исчезает. Его манеры спокойны и серьезны, хотя он часто впадает в энтузиазм, и он обладает счастливой способностью чувствовать себя совершенно непринужденно со всеми, с кем вступает в контакт. Он обладает широким спектром информации и говорит с очевидным знанием дела по всем вопросам, представляющим интерес для его подданных или цивилизации. Конечно, он хорошо знаком со своей приемной страной и ее ресурсами, проявляет живой интерес к ее торговле и возможностям; и что касается географической конфигурации Румынии, он не только знает все об этой стране, но и либо ездил верхом, либо проходил пешком через каждую часть Карпат. Его научные познания таковы, какие можно было бы ожидать от образованного немца, и носят в основном практический характер. Он глубоко интересуется лесоводством, о котором знает больше, чем многие, кому

доверена забота об обширных лесах, покрывающих горные районы, и он часто указывал таким людям на ошибки в способах рубки древесины. В частной жизни король гостеприимен, добродушен и очень аккуратен в своих привычках; он набожный католик, но постоянно посещает службы греческой церкви.

Ее ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ПОЛИНА ЕЛИЗАВЕТА,
ПЕРВАЯ КОРОЛЕВА РУМЫНИИ.
В НАЦИОНАЛЬНОМ КОСТЮМЕ.
(С ФОТОГРАФИИ ФРАНЦА ДУШЕКА.)

Но, конечно, наш интерес к нему носит скорее общественный, чем частный характер. Конституционален ли он? или Европа, вероятно, когда-нибудь удостоится румынского *государственного переворота*? Ответ на эти вопросы ясен и категоричен. Хотя он и Гогенцоллерн, он конституционный либерал, мы бы сказали, продвинутого типа. Мы уже говорили о его недопонимании со своими министрами; но даже те, кто изначально был настроен против него и с подозрением следил за каждым его действием, заявляют, что ему с большим тактом удавалось избегать неконституционных действий; действительно, из их собственных признаний и исторических фактов ясно, что он, должно быть, прошел очень трудную стажировку в искусстве конституционного правления. Его поведение по отношению к своим подданным и королеве, о которой мы сейчас поговорим, - это все, чего можно пожелать, и оба с каждым годом все больше завоевывают их расположение.

Когда двор находится в разгаре, большая часть времени короля посвящена аудиенции не только у официальных лиц, но и у всех, кто желает познакомиться со своим сувереном и даже спросить его совета или совета его любезной супруги. Во дворце хранятся две книги: одна только для посетителей, а другая - для лиц, желающих увидеть короля или королеву и поговорить с ними, поскольку они назначают аудиенции отдельно. Те, кто вносит свои имена во вторую книгу, должны уведомить об этом "гофмаршала", и затем за ними посылают по очереди, причем пунктуальность превыше всего. Король дает аудиенции с 1 до 3 или 4 часов дня; королева дольше, и, несмотря на ее молодость, поскольку ей еще не исполнилось сорока лет, она считается матерью своего народа, и многие приходят к ней за советом или утешением. Но мы отвлеклись. Если король интересуется гражданскими делами Румынии, он прежде всего солдат. Как виртуальный, так и номинальный глава армии, он всегда носит форму, и ничто не является слишком незначительным для его рассмотрения в организации его армии. Те, кто был с ним в боевых действиях, и многое о нем рассказывают, превозносят его хладнокровие, храбрость и выносливость. Он часто рисковал своей жизнью в бою, всегда был на переднем крае, посещая аванпосты и бивуаки в самую ненастную погоду, и не может быть никаких сомнений в том, что именно его храбрости как генерала, а также его такту и терпению как государственного деятеля Румыния в значительной степени обязана своей независимостью и обещаниями на будущее.

II.

Королева Румынии почти слишком хорошо известна в Европе благодаря своим литературным достижениям, чтобы нуждаться в каком-либо описании здесь; тем не менее несколько подробностей, касающихся ее, могут заинтересовать наших читателей. Она среднего роста, с приятным лицом и еще более приветливыми манерами. Она тоже могла бы сойти за леди из любой западной страны, поскольку очень мало что указывает на ее немецкое гражданство. У нее мягкий и мелодичный голос, и хотя она может хорошо говорить на литературные и научные темы, в ее речи нет ни малейшего педантизма или наигранной учености. Говорят, что она говорит на шести языках, и она определенно говорит по-румынски, по-французски, по-немецки и по-английски. Мы не знаем, какими могут быть два других, но если она говорит на четырех названных здесь языках так же бегло и с таким же небольшим иностранным акцентом, как на нашем, она вполне может претендовать на звание опытного лингвиста. Все образованные румыны говорят по-французски, и большинство из них по-немецки, помимо своего родного языка; действительно, французский является почти универсальным языком среднего класса, в то время как те, кто получил образование здесь, особенно молодые мужчины, естественно,

хорошо говорят по-английски, и поэтому королева в этом отношении лишь немного опережает своих более образованных подданных. Но, как мы уже говорили, она поэтесса, и ее стихи часто отличаются большой глубиной чувства. Она также обладает значительными научными знаниями и большим художественным вкусом, и одним из ее главных желаний является развитие национальной промышленности. Она подает пример, надевая национальный костюм (в котором обычно делается ее портрет), находясь в деревне, и требует, чтобы его надевали по государственным поводам, ее главной целью, как нам сказали, является поощрение крестьянских женщин, которые шьют эти костюмы у себя дома. Но хотя в этих вопросах, как и в своей преданности общественному долгу, королева отождествляет себя с румынским народом и его интересами, она не была бы немкой, если бы забыла "Отечество".

"Земля зеленых лесов и виноградных лоз,
Сверкающие волны Рейна,
Затихла твоя песня, погас твой отблеск.
Теперь все для меня, кроме мечты.

Часто, когда я закрываю эти веки,
Журчащие звуки нарушают мой покой,
Сосуды в лучах солнечного света,
Предвосхищая ветер, ускоряют свой путь.

"Прекрасный дом на Германской равнине,
Когда-то принадлежавший мне, но никогда больше,
Ты будешь мне очень дорог
, Пока меня не положат на носилки".[194]

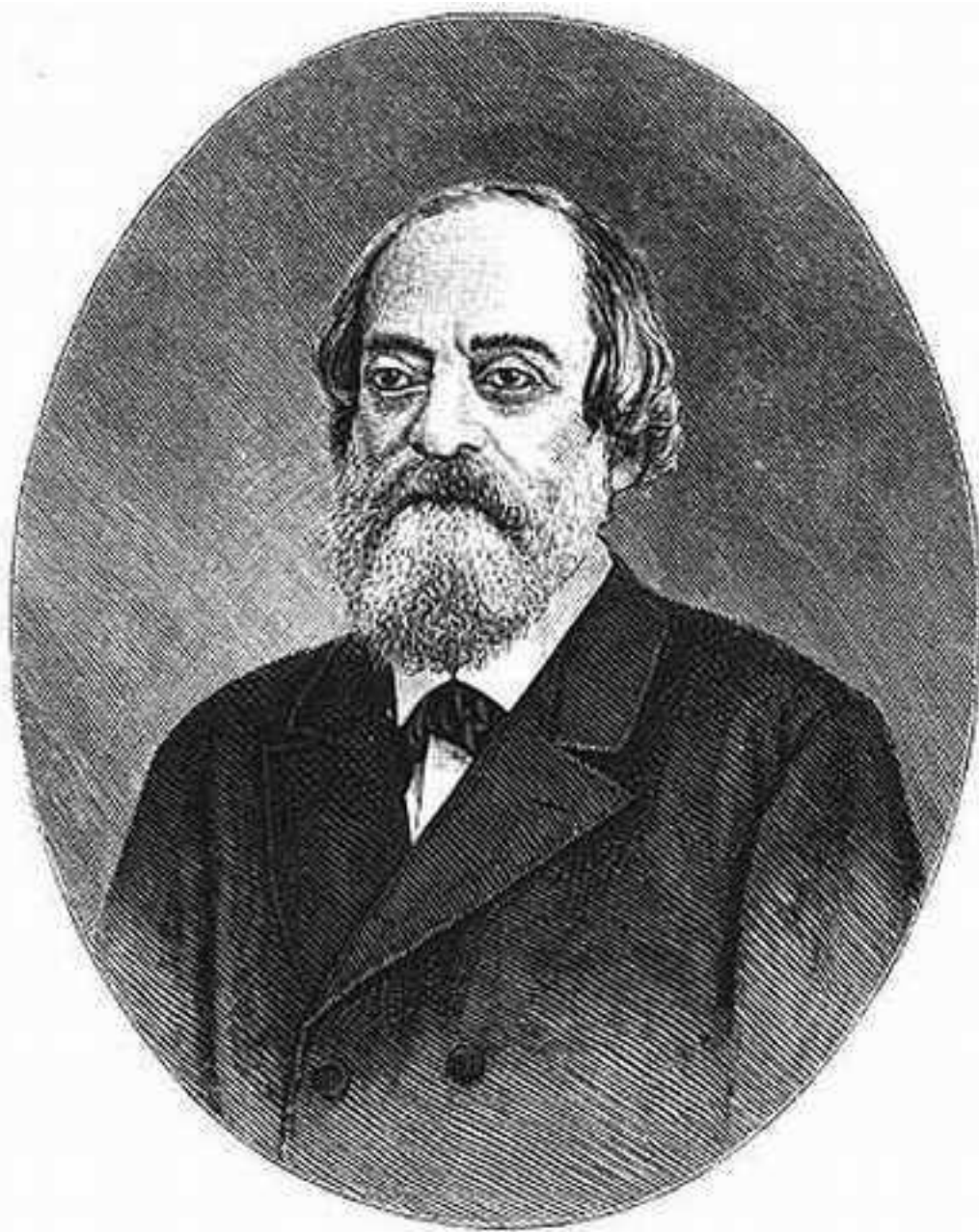
III.

Но ее величество, которая является протестанткой, не единственная ныне живущая леди, оставившая свой след в истории Румынии. Есть еще одна, о ком, мы уверены, нашим читателям будет приятно что-нибудь услышать, поскольку она образованная англичанка, и очень сомнительно, что, в конце концов, румыны не обязаны своей независимостью в такой же степени ее энергии и преданности делу, как и любому другому; мы имеем в виду мадам Розетти, жену министра внутренних дел.[195] В нашем историческом обзоре упоминалось, что патриоты 1848 года бежали во Францию в том же году и что они вернулись после Крымской войны в 1856 году. Это долгая история, изложенная в паре предложений, и если бы не мадам Розетти, вполне вероятно, что они никогда бы не сбежали, а томились бы и умерли в турецкой тюрьме в Боснии, в то время как Румыния могла бы в наши дни быть турецким пашаликом или российской провинцией. Дело в том, что все лидеры революции, числом пятнадцать, были арестованы и доставлены на борт турецкого военного корабля, стоявшего на Дунае; и мадам Розетти, чьи героические приключения легли в основу произведения Мишле,[196] помогла им сбежать от своих похитителей. Как мы уже говорили, она англичанка, ее девичья фамилия Грант, и она была замужем всего около года, когда разразилась революция. Ее первый ребенок родился за день

или два до того, как ее муж и его товарищи были арестованы, но она сразу же встала с постели и, взяв младенца на руки, приготовилась последовать за ними. Сначала ей удалось побеседовать с патриотами на борту турецкого судна, на которое их доставили, и там были сформированы планы, которые она умело и мужественно осуществила. Переодевшись крестьянкой и неся на руках ребенка, она последовала за ними вверх по Дунаю до Орсовы, время от времени общаясь со своими друзьями сигналами. В Орсове заключенные были высажены на берег, и, пока они были на берегу, ей удалось напоить их охрану и, при попустительстве властей, подготовить подходящие транспортные средства, на которых патриоты совершили побег. Сначала они прошли через Сербию и, благополучно добравшись до Вены, вошли в этот город на следующий день после бомбардировки, а затем в сопровождении своего избавителя прошли через Германию и нашли гостеприимный приют в Париже. С момента своего возвращения мадам Розетти была столь же ценным помощником своего мужа в его процветании, сколь и в его невзгодах, и она также является полезным и готовым советчиком для любого из своих соотечественников, которые, посетив Румынию, могут нуждаться в ее помощи.

IV.

Ее муж, его превосходительство Константин А. Розетти, также получил награду за свою преданность благосостоянию своей страны. Он происходит из старинной боярской семьи итальянского происхождения, и в ранней юности он был не только солдатом национальной армии, но и своим пером снискал себе значительную репутацию, поскольку сочинил и опубликовал много интересных румынских стихотворений. В возрасте около тридцати двух лет он женился на английской леди, которой он столь многим обязан, и о его приключениях в 1848 году мы уже дважды рассказывали. Прежде чем он окончательно поселился в Париже после своего побега, мы полагаем, что он провел некоторое время в Константинополе. В Париже он был компаньоном Мишле, Кине и других ведущих писателей, а вместе с ними и своими соотечественниками братьями Братиано и Голеско ему удалось благодаря своим патриотическим публикациям поддерживать огонь свободы в его собственной стране. Говорят, что и здесь он пользовался поддержкой нашего собственного выдающегося государственного деятеля Уильяма Эварта Гладстона, который впоследствии стал гражданином Румынии законодательным актом 1861 года и к которому румыны до сих пор относятся с чувством большого уважения и восхищения. По возвращении М. Розетти в Румынию после Крымской войны он основал "Романал", ежедневную газету, которая до сих пор занимает высокое положение среди столичных журналов и остается его собственностью.^[197] Он принимал заметное участие в объединении княжеств при принце Кузе и поддерживал этого принца, пока его действия были конституционными, но он был одним из самых активных участников его низложения, и единственное серьезное возражение, которое было выдвинуто против его действий и действий его коллег в том случае, заключается в том, что он использовал армию для свержения принца. Однако на этот вопрос мы уже ссылались в нашем историческом обзоре. В 1866 году он был одним из членов временного правительства и поначалу отнюдь не благосклонно относился к нынешнему королю, которого, как мы полагаем, рекомендовал румынам император Наполеон III. Однако в более поздние времена он стал одним из самых верных советников его величества.

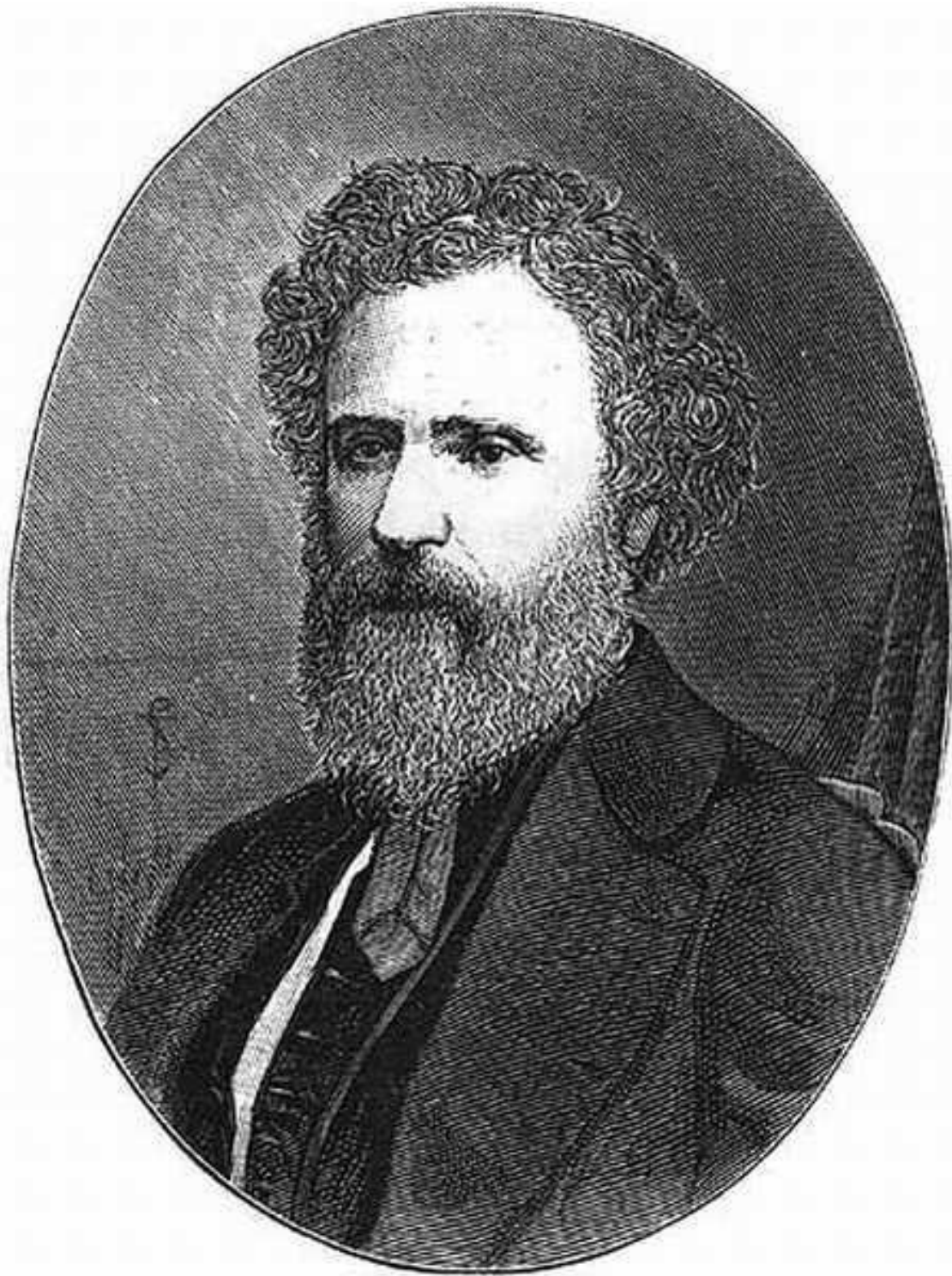

*avec mes amis,
(A. Doff)*

Мистеру Розетти около шестидесяти семи лет, он полон жизни и энергии. Тяжелая карьера несколько искалчила его физическое телосложение, но это никоим образом не повлияло на его жизнерадостный и добрый нрав. По внешности он итальянец, у него очень выпуклые, но кроткие глаза и очень задумчивое, несколько измученное заботами лицо. Он *энергичен*, горяч и

возбудим, и нередко позволяет своему голосу быть услышанным, если что-то идет не так в государственных делах, а в Румынии что-то очень часто идет не так. Он говорит по-румынски, по-французски и по-немецки и довольно хорошо пишет по-английски (в котором он любит время от времени вставлять выразительное слово, когда говорит по-французски). К несчастью для скандалистов, которых немало в столице и в других местах, мсье Розетти живет с большой простотой на территории "Романула", на доходы от своей газеты и свое жалованье; поэтому они не могут предъявить ему обвинение в казнокрадстве, что они, несомненно, сделали бы, если бы он дал им хоть малейшее оправдание. Он радикал и бескомпромиссный враг *государственных переворотов*, деспотизма или неконституционных процессов в любой форме, человек непоколебимой честности и лидер политической мысли в своей стране. На самом деле он патриот, и его соотечественники знают и ценят это.

Его имя обычно связывают с именем М. Братиано, который является президентом Совета и министром финансов и, что касается темперамента, полной противоположностью своему коллеге. М. Братиано - тихий, вежливый джентльмен, несколько моложе М. Розетти. Черты его лица правильные и красивые, борода и волосы стального цвета, а голос ровный и мелодичный. Он полон приятного юмора, у него осанка и манеры английского джентльмена; но, хотя он превосходный участник дебатов, он плохой лингвист. В Румынии говорят: "Розетти думает, а Братиано говорит", но Братиано думает так же хорошо, как и говорит. Два государственных деятеля настолько сливаются воедино, что многие из неосведомленных бедных слоев населения, которые их не видели, верят, что это один человек, которого они называют "Братиано-Розетти", и когда мы были в Бухаресте, мы видели карикатуру (искусство, которым румыны очень восхищаются), где два государственных деятеля были изображены как сиамские близнецы.

Месье БРАТИАНО.

Цель и политика М. Братиано хорошо выражены в одной из его депеш по вопросу о Дунае, которая была обнародована этим дипломатическим феноменом М. Каллимаки-Катарджи. "Наша позиция, - говорит он, - как и вся политика министерства, к которому я принадлежу, всегда была и должна быть оборонительной, а не наступательной".[\[198\]](#)

Среди других лидеров политической мысли Румынии - принц Деметр Гика, президент Сената, красивый дородный добродушный джентльмен старой школы; принц Джон Гика, в настоящее время посол Румынии в Лондоне, патриот и ученый, чьи сыновья получили образование в Англии; М. Статеско, министр иностранных дел, молодой и многообещающий государственный деятель; М. Стурдза, директор Национальной кредитной ассоциации; и, несомненно, есть много других, о ком мы не хотели бы говорить, не познакомившись поближе или не получив более подробной информации чем мы обладаем. Одним из них является М. Когэлничану, депутат, написавший хорошую историю Румынии, бывший министром при князе Кузе и, как мы полагаем, автор знаменитого Закона 1864 года, который создал крестьянскую собственность в стране.[199]

V.

Переход от мужчин к мерам - естественный переход в политике. Хотя мы попытались показать и без колебаний повторим здесь, что некоторые из великих принципов, заложенных в Конституции Румынии, только начинают осуществляться на практике, остается лишь добавить, что энергия, с которой партия прогресса в последние годы развивает ресурсы страны, вызывает удивление и восхищение даже у проживающих там иностранцев, которые знакомы с нашими западными методами. Нынешний режим начался, как мы уже говорили, в 1875 году, и с тех пор внешняя политика правящей партии сначала освободила нацию от последних остатков иностранного деспотизма, а затем прочно утвердила ее как европейское королевство. То, что они иногда совершают ошибки, никто не может отрицать. Например, недавнее заявление в тронной речи о том, что Румыния готова в настоящем и будущем на все жертвы, которые, возможно, потребуются принести для обеспечения во всех отношениях абсолютных удобств судоходства по Дунаю, постороннему человеку представляется ошибкой в суждении, если правительство не было готово хладнокровно выслушать угрозу отъезда посла соседнего государства, которое надело на голову шапку и против необоснованных претензий которого было направлено это замечание. Но легко быть мудрым после этого события, и мы признаем, что для кого-либо самонадеянно поспешно критиковать любой вопрос, который швыряет из стороны в сторону в беспокойном море восточной политики. Живя на прибрежном острове, который практически неприступен для внешнего врага, и веками наслаждаясь благами свободы, мы не можем иметь представления о сложных картах, которые румынским государственным деятелям приходится разыгрывать в политической игре, в которой они часто вынуждены участвовать, во многом против своего желания. Время от времени они слышат великие международные теории, выдвигаемые в интересах их могущественных соседей, к которым они вынуждены закрывать уши, как бы близко эти принципы ни были применимы к их собственному положению. Предположим, например, что какая-то европейская держава претендует на новую территорию на основании географического положения. Почему, спросите румын, мы должны быть окружены со всех сторон? Почему бы равнинам по обе стороны Дуная, охраняемым Балканами и Карпатами, не составить сильное государство, единое и неделимое, с великой рекой, текущей как артерия через его центр? Ответ таков: Россия! Если бы пятая из Великих держав настаивала на такой перестройке на Востоке, она бы воспротивилась этому, ибо разве Болгария не является ее последней ступенькой к Константинополю? "Скобелев Первый, царь Болгарии" гораздо больше соответствовало бы ее целям. Это напоминает "панславизм". Кто будет отрицать право смежных ветвей одной и той же расы жить под одним правительством? Допустимо; но тогда почему не панруманизм? В этом случае к нынешним владениям короля Румынии Карла пришлось бы присоединить значительные части Австро-

Венгрии, Бессарабии, Болгарии, Сербии; поскольку в этих странах проживает почти столько же румын, сколько в пределах нынешних границ королевства.^[200]

Но если румынским государственным деятелям позволено наслаждаться своими *размышлениями* на эти интересные политические темы, они знают, что публиковать их было бы небезопасно, поскольку, как мы видели, если они осмелятся даже слишком громко крикнуть "Румыния для румын", какой-нибудь раздражительный сосед немедленно поднимет тревогу и пригрозит отозвать своего посла; а в случае ссоры между любыми двумя такими соседними государствами вряд ли будут соблюдены даже те права, которыми она в настоящее время пользуется. Таким образом, ее политика достаточно четко определена, и она была умело изложена в королевской речи, которая содержала опасную ссылку на австрийские притязания. Мир необходим ей для того, чтобы ее парламент мог заняться развитием богатств почвы и экономических интересов страны; но организация сильной армии обороны в равной степени необходима для защиты этих интересов от алчных и деспотических государств по соседству с ней, а также потому, что "благодаря развитию всех сил нации Румыния станет элементом порядка, мира и прогресса в Восточной Европе". Фактически, она должна сама мирными мерами добиться того, чего за очень короткое время удалось Михаилу Храброму, и из побуждений личного честолюбия добиться, чтобы она стала государством. меч в свое время был арбитром окружающих наций, Восточной Бельгией, на которую ни один агрессивный деспот не осмелился бы напасть; и она должна стать достаточно сильной, чтобы противостоять не только враждебным, но и дружественным иностранным оккупациям, которые оказывают такое деморализующее воздействие на ее народ.

К этому начинанию ее правительство приступило уже несколько лет назад. Оно обеспечило государству железнодорожную собственность, находившуюся в руках иностранцев, начало улучшать водные пути, создало национальные кредитные учреждения, снизило проценты по государственному долгу, увеличило стоимость румынских ценных бумаг и в целом следовало, как и продолжает следовать, путями "мира, сокращения расходов и реформ".^[201]

У нас нет желания покровительствовать Румынии даже на словах, ибо ее лучший друг - это тот, кто советует ей полностью полагаться на свои собственные ресурсы и развивать их самостоятельно; сколачивать свое состояние и достигать своих целей. Но когда мы смотрим на ее страдания, размышляя о том, как веками она лежала в когтях жестоких врагов, трепетала перед деспотами, высасывавшими жизненную силу из нации, а затем сравниваем ее конституционную демократию с нашей — нет, если только с материальной точки зрения мы взвесим нашу заинтересованность в ее процветании, мы не можем не увидеть, что на Востоке поднимается Сила, частично наше творение, молодое и слабое, но полное надежд и обещаний; и поэтому, завершая этот несовершенный отчет о ее "прошлом и настоящем", мы от всего сердца воздаем должное ее будущее под пристальным вниманием каждого английского друга свободы.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Таблица перемещений и поселений различных национальностей и племен в провинциях, граничащих с Нижним Дунаем, между гетским периодом и примерно концом XIII века н.э., составленная Автором и исправленная по материалам древних историков (Тацита, Диона Кассия, Евтропия) и работ Гиббона, Смита, Лесажа, Энгеля, Лауриани, Нейгебора, Хенке, Уилкинсона, Меривейла, Фримена, Дирауэра, Реслера, Пика и других.

НАЦИОНАЛЬН ОСТЬ или ПЛЕМЯ с предполагаемы ми подразделения ми	ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ				Замечаний
	О первом появлении в Дунайских провинция х	Срок господства	Кем и когда завоеваны	Окончитель ное исчезновени е	
гетов—геты и даки	335 г. до н.э.	?	?	?	Предположительн о фракийского происхождения; четко не прослеживается.
„Даки	(преемник и или современн ики гетов)	? до н.э. 106	Римляне (Траян), 106 г. н.э.	См. Примечания	Даки восстали против римлян при Анте. Пий и в другие времена, но, вероятно, были слиты с римлянами и последовавшими за ними варварами.
Римляне	1 век до н.э.	с 106 г. до н.э. по 274 г. н.э.	Отступили перед готами около 274 г.н.э.	?	Значительная часть римских и дако-римских потомков слилась с последующими племенами, и их потомкиживут в Румынии по сей день.
Готы—остготы, вестготы, гепиды	250 г.н.э.	с 274 по 375 г.н.э.	Гунны, 375 г.н.э.	378 г. н.э.	Около 376 г. н.э. они пересекли Дунай, вытесненные гуннами, и им было разрешено поселиться с

					другими племенами в Месии. Иногда готы и гунны были союзниками.
Сарматы, квады, маркоманны вторгались в Дакию в разное время; <i>Сарматы</i> поселились.	>	С 282 по 375 гг.	Римляне, 375 г.н.э.		Сарматы в разные периоды сражались против римлян, но были завоеваны Валентинианом, 375 г.н.э.
Гунны (и аланы)	с 370 по 375 г.н.э.	с 375 г.н.э. примерно до 453 г.	Гепиды, 453 г. н.э.	460 г.н.э.	Гунны были оттеснены на восток, но вернулись через несколько лет, захватили Италию и упоминаются как находящиеся в Дакии около 564 г.н.э.
Гепиды	См. Выше (готы)	453-550-564 гг.н.э.	Лангобарды и авари, 550 г.н.э.	568 г. н.э.	
Лангобарды	550 г.н.э.	561 по?	Присоединился к византийцам		Лангобарды, союзные авари, захватили большую часть Дакии и Паннонии и, вступив в армию Юстиниана, оставили свои владения авари.
Авари	550 г. н.э.	с 564 по 616-640 гг. (с перерывами)	рассеялись. Частично уничтожены Ираклием (610-640)	В конце VII века	авари попеременно были хозяевами и вассалами других племен.
Булгары	с 493 по 499 гг. н.э.	с 634 (с рабами) с 679 (самостоятел	Византийцы (Василий) 1014-1019	См. Примечания	Булгары были скифского происхождения, и

		ьно) по 1014- 1019 гг.	гг.		многие племена были включены в них разными авторами. Среди них валахи, хорваты, моравцы (лесажи).
Рабы	с 493 по 527	См. Замечания	См. Замечания		Рабы селились отрядами в различных частях света, от Эвксинского полуострова до Адриатического моря, и в союзе с одним или несколькими племе нами сражались с византийцами. Многие слились с населением в целом.
Византийская империя		1014 до?			На некоторое время Дакия номинально была включена в состав империи.
Унгри—венгры или мадьяры	с 824 по 839 гг. н.э.	Могуществен ный в Дакии Траяна десятого века	Стефан (около 997 г.) основал Венгерское королевство		Трансильвания была присоединена к Венгрии либо в 1002, либо в 1070 году н.э.
Патцинакитай (вероятно, смешанная раса)	Конец девятого века	Могуществен ный десятый век	Перешел под власть Кумани и ок.	Исчез в Венгрии около 1275 г.	Патцинакитай, поселившиеся главным образом в Карпатах, связаны с Валахи и кумани как вассалы.
Кумани (и хазары)	1047 г. н.э. (с хазарами)	Могуществен ные с 1083 по 1220 г.	Поселились и крестились в 1220 г. н.э.		Кумани господствовали над другими племенами Карпат и поглощали их.

Валахо-болгарская империя — (валахи, называемые также цыганами, блачи и др.)	Валахи, 976-1037	с 1199 по 1246-1285	Татары, около 1246-1285	Валахи были расой пастухов; одни считали независимым племенем (см.Замечания о булгари выше), другие - потомками дако-римских колонистов.
Тевтонские рыцари и рыцари ордена Святого Иоанна		Teut. КНЦ. с 1200 по 1223 год; кнц. святой Иоанн с 1249 по ?		Король Венгрии, как сюзерен Трансильвании и части Валахии, передал управление некоторыми районами Тевтонским рыцарям в 1200 году, но отозвал его в 1223 году н.э.
Татары (или монголы)	Около 1240 года	Совершили набеги на "Молдавию" и Валахию 13 века. Правил в Молдавии в 13 и первой половине 14 века.	Удалился на север, в Россию. Основал Татарскую династию.	В то же время к северу от Дуная существовали более мелкие воеводства, банаты и ханства.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

"Капитуляции".

Первоначальная "Капитуляция" Мирчи I. Валахии султану Баязиду I. в Никополе, 1393 г. н.э., содержится в "Хаттумайуне" последнего, который, как говорят, сохранился в Константинополе и там был замечен румыном по имени Кицорано, который был прикреплен к валашскому посольству и который снял с него копию (вместе с другими), которую он отправил великому бану Таканице Вакареско. Греческий историк Дионисий Фотино также видел его в Порту и опубликовал копию в своей "Истории Дакии", том ii. глава v. стр. 369, труде, который читатель найдет в Британском музее. Это выглядит следующим образом:—

"Мы приказываем, проявляя великую снисходительность, чтобы страна Валахия, которая недавно покорилась нашему непобедимому оружию, управлялась по своим собственным законам, и чтобы воевода имел право вести войну и заключать мир со своими соседями, а также распоряжаться жизнью и смертью своих подданных. Всем христианам, принадлежащим к странам, находящимся под нашим управлением, которые пожелают эмигрировать в Валахию, будет разрешено свободно исповедовать свою религию. Всем валахам, посещающим нашу империю по делам, должно быть разрешено делать это без помех в том же самом или в одежде. Христианские воеводы будут избираться митрополитом и боярами. В обмен на нашу великую снисходительность, с которой мы приняли этого райя (воеводу Валахии) среди других подданных нашей империи, он будет обязан ежегодно вносить в нашу казну сумму в 6000 красных пиастров страны".

Переводы этой капитуляции можно найти во французских "историях Румынии", но они не всегда заслуживают доверия; например, Бор и Маторель (Приложение, стр. 203) утверждают, что приводят дословную копию, в последней статье которой говорится, что султан обещает никогда не вручать фирман валашскому подданному и не вызывать его в *Константинополь*. Минутное размышление показало бы неточность этого утверждения, поскольку Константинополь в то время все еще был столицей Восточной империи и перешел под власть Османской империи только в 1453 году. Условие, о котором идет речь, является последним в договоре с Владом (V В.?) 1460 года.

"Капитуляция" Богдана Молдавского перед Селимом I в 1513 году была в некоторых отношениях более благоприятной для вассального государства. Среди других условий он предусматривал резиденцию в Константинополе молдавского посланника и разрешал возвести там христианскую церковь. Ежегодная дань, однако, была увеличена и состояла из 11 000 пиастров, сорока соколов и сорока жеребых кобыл, "все в подарок". В обеих странах после каждой войны или восстания добавлялись новые условия, включая постоянно увеличивающуюся дань.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Конституция Румынии.

Конституция Румынии содержит сто тридцать три статьи и составлена с большим уважением к справедливости и национальным свободам. Ниже приведены некоторые из ее основных положений. Страна разделена на округа, округа - на округа, округа - на коммуны.[202] Он предоставляет (статья 5) свободу совести, обучения, печати и публичных собраний. Отменяет (10 и 12)[203] различия и привилегии сословий и иностранных титулов, таких как принц, граф, барон и т.д., как противоречащие древним институтам.[204] Смертная казнь отменяется, за исключением случаев военного положения во время войны (18). Собственность крестьянства и выплаты компенсаций землевладельцам неприкосновенны (20). Греко-католическая религия провозглашена Государственной церковью, но всем другим сектам разрешена свобода вероисповедания (21). Начальное обучение является бесплатным и обязательным (23), и начальные школы должны быть созданы в каждой коммуне. Свобода слова, за исключением нарушений Уголовного кодекса, не ограничена; преступления, совершенные прессой, должны рассматриваться судом присяжных, и ни один журнал не может быть "предупрежден", приостановлен или пресечен; также не существует какого-либо "порицания" прессе (24).

Подтверждаются свобода собраний (26) и право на подачу петиций (28); и запрещается выдача политических ссыльных. Все преступления должны рассматриваться судом присяжных (105). Законодательная власть принадлежит князю и национальным представителям, а именно Сенату и Палате депутатов (32). Но денежные счета и вопросы, связанные с армейскими контингентами, должны исходить от последних (33).

Исполнительная власть принадлежит принцу (35) (ныне королю), который передается по наследству только по мужской линии (82) и который должен принадлежать к православной греческой церкви. Он неприкосновенен, ответственность несут только его министры, и один из них должен подписать все его указы (92). Он санкционирует все законы и может отказаться от их принятия; имеет право на амнистию (93); является главой армии, развязывает войну, заключает мир и совершает другие действия конституционного суверена. Если на троне образуется вакансия, существуют различные положения на случай непредвиденных обстоятельств, и в случае отказа в выдаче результатов две Ассамблеи совместно "избирают принца одной из суверенных династий Западной Европы" (84). (Довольно расплывчато, но очень многозначительно.)

Палата депутатов состоит из членов, избираемых прямым и непрямым голосованием. Избирательный округ разделен на четыре "коллегии", или группы (58). В первый колледж в каждом округе входят лица, имеющие доход от собственности (*foncier*) не менее 300 дукатов, что составляет около 141л. (59). Ко второму колледжу относятся лица с доходом от 100 до 300 дукатов (от 47л. до 141л.) (60). Третья группа (61) включает лиц, занимающихся торговлей, которые платят государству 80 франков (около 3л. 4шилл.) или выше в год. Представители свободных профессий, офицеры на половинном окладе и некоторые другие освобождаются от денежного ценза. Эти коллегии избирают по одному депутату, а города избирают дополнительное число в зависимости от их значимости, от таких мест, как Питешти-два до Букарест-пять. Четвертая коллегия выбирает косвенно. В него входят все лица, которые платят какие-либо налоги или взносы, какими бы незначительными они ни были. В этой коллегии каждая группа из пятидесяти выборщиков назначает делегата, а делегаты избирают заместителя. Депутаты (которых на сегодняшний день насчитывается сто сорок пять) должны быть румынами, родившимися или натурализовавшимися, достигшими двадцатипятилетнего возраста и проживающими в Румынии (66). Срок полномочий Палаты депутатов составляет четыре года.

Сенат избирается двумя коллегиями, которые являются двумя высшими по выборам депутатов. На сегодняшний день он состоит из семидесяти шести членов и включает в себя ряд высших должностных лиц, которые не являются выборными, таких как архиепископ и епископы. Квалификационным требованием для сенатора является доход в размере 800 дукатов (что составляет около 376 фунтов стерлингов) в год, и он должен был достичь сорокалетнего возраста. Сенаторы избираются сроком на восемь лет, половина уходит в отставку каждые четыре года, за исключением случая роспуска Сената, когда все должны быть переизбраны, или, точнее говоря, должен быть избран новый Сенат (с 68 по 81). Конституционный акт касается судебной системы, действующего в Румынии Кодекса Наполеона, финансов, организации армии и других важных вопросов, представляющих национальный интерес. Акт подписан принцем и его министрами: министром внутренних дел и президентом Совета Л. Катарджи; министром финансов Дж. Братиано; министром юстиции Дж. Кантакузине; министром иностранных дел П. Маврогени; министром общественного культа и обучения К.А. Розетти;

военным министром Дж. Гика; министром общественных работ, сельского хозяйства и торговли Д. Стурдза.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Крестьянская собственность Румынии.

Точные условия и обстоятельства, при которых в Румынии была образована крестьянская собственность, как сообщил нам принц Джон Гика, следующие:

До "Соглашения в Балта-Лимане" между Россией и Турцией существовало три класса крестьянства:

1. Те, у кого было четыре вьючных животных и одна корова.
2. " " " две " " "
3. " " " только одна корова.

По вышеназванному Соглашению каждый класс должен был получить следующую землю, за которую в определенных случаях оплачивался двадцатидвухдневный труд, 1/10 часть урожая и 1/5 часть сена.

Класс 1. — (11 погон, или 5-1 / 2 гектара), или около 14 акров, а именно:

3 погона = около 3-8 / 10 акров пахотной земли.
3 " = "3-8 / 10" сена.
5 " = "6-4 / 10" пастбища.

Класс 2. — 7-8/10 погон, или около 10 акров, а именно:

3-8 / 10 акров пахотных земель.
3-8/10 " пастбище.
2-8 / 10 дюймов сена; и

класс 3.— 4 1/2 погона, или около 5-1 / 2 акров, а именно:

3-8 / 10 акров пахотных земель.
1-2 / 10 " сено.
6/10 " пастбище.

В 1864 году эти владения, следовательно, варьировавшиеся от 5 до 14 акров, были преобразованы во фригольды по цене около 2 фунтов стерлингов за акр, подлежащие возврату (как указано в тексте) через пятнадцать лет с 10-процентной ставкой. интерес.

Мистер Уайт, наш министр в Букаресте, предоставил нам следующую информацию по тому же вопросу:

Главы крестьянских семей, которые были наделены землей (в 1864 году), получили в собственность:

В Валахии 279 684 человека, что составляет в среднем 9,1 английских акра.

" Молдавия 127,214 " 12,08 " "

406,898 холдингов, среднее значение 10,6 "

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Список работ.

Следующие работы, ко всем из которых мы обращались при подготовке этого трактата, касаются либо прошлой истории, либо нынешнего состояния Румынии. Выделенные курсивом слова используются в примечаниях, приложенных к тексту, где также будут найдены ссылки на другие книги и официальные отчеты, названия которых приведены полностью.

Almanach de Gotha. Justus Perthes, Gotha. 1882. 'Royaume de Roumanie,' pp. 898-907.

Ежегодный *отчет Торгового совета* за 1880 год.

Аврелиан, Одобеско и другие (директор комиссии). 'Notice sur la Roumanie.' Paris: A. Frank. 1867.

Aurelian, 'Terra Nostra.' Bucuresci, Tipografia Academiei Române. 1880.

Бор и Маторель. 'La Roumanie.' Calmann-Lévy, Paris. 1878.

Кантакузин. "Ченни сулла Румыния". (Румынское географическое общество.) 1875.

Кармен Сильва (королева Румынии). 'Rumänische Dichtungen.' Leipzig: Friedrich. 1881.

Карра. "История Молдавии и Валахии". Яссы. 1777.

Консульские отчеты по Румынии (упомянутые специально в тексте) —

Генеральный консул Грин. Май 1873 г.

Генеральный консул Вивиан. Октябрь 1876.

Генеральный консул Сандерсон. 1877.

Вице-консул Бонэм. 1878.

Продается компанией King, Кинг-стрит, Вестминстер.

Dierauer, Johannes. 'Beiträge zur Geschichte Trajan's.' Leipzig: Teubner. 1868.

Дион Кассий. 'Histoire Romaine' de, par E. Gros. Париж: Фирмен Дидо. 1867.

Engel. 'Geschichte der Moldau und Walachei' (in 'Allgemeine Weltgeschichte,' Band 49). Halle: Gebauer. 1801.

Felix, Doctor L. 'Miscarea Populatiunii Romaniei.' Bucuresci: Tipografia Academiei. 1880.

Файф-Куксон. "С армиями Балкан". Касселл. 1880.

Filek von Wittinghausen. 'Das Königreich Rumänien.' Wien: Carl Gerold's Sohn. 1881.

Фримен, Эдвард А. "Исторические очерки". Макмиллан. 1879. "Общий очерк европейской истории" Макмиллана. 1877.

Gerando. A. de. 'Siebenbürgen und seine Bewohner.' Lorck, Leipzig. 1845.

"*Закат и Крушение Римской империи*" Гиббона. Издание Терра.

"*Средние века*" Халлама. Мюррей. 1860.

Молоток-Пургстолл. 'Geschichte des Osmanischen Reiches.' 4 vols. Hartleben, Pesth. 1834-1836.

Hauer, Franz Ritter von. 'Geologie Siebenbürgen's.'

Henke, Rudolf. 'Rumänien, Land und Volk.' Leipzig: Otto Wigand. 1877.

Когалничан, М.де. 'Histoire de la Dacie, des Valaques Transdanubiens et de la Valacie.' Berlin: Behr. 1854.

Kunisch. 'Eine Fahrt nach dem Orient.' Berlin: Effert & Lindtner. 1869.

Лауриани, А. Треб. 'Schneller Ueberblick der Geschichte der Rumänen.' Bukaresti: Buchdruckerei des National-Collegiums. 1846.

Lesage, A. 'Atlas Historique.' Paris: P. Didot aîné. 1823.

Меривейл. "Римляне под властью империи". Лондон: Лонгманс. 1852-1862.

Мишле. 'Légendes démocratiques du Nord.' Madame Rosetti, 1848. Париж: Гарнье. 1854.

Neigebaur, J.F. 'Moldau und Walachei.' J.U. Kern, Breslau. 1854.

Obédénare, M.C. 'La Roumanie Economique.' Paris: Leroux. 1876.

Озанн. "Три года в Румынии". Чепмен и Холл. 1878.

Пэджет. "Венгрия и Трансильвания". Лондон: Мюррей. 1850.

Peters, Prof. K.F. 'Die Donau und ihr Gebiet.' Leipzig: Brockhaus. 1876.

Petermann's 'Mittheilungen.' Ergänzungsheft 4. Justus Perthes, Gotha.

Фотино, Дионисий. 'Ἱστορία τῆς πάλαι Δακίας'. Вена: Свек. 1818.

Píř, Jos. Lad. 'Ueber die Abstammung der Rumänen.' Leipzig: Duncker & Humblot. 1880.

Пиранезийцы. Гравюры на колонне Траяна.

Quinet, Edgar, Œuvres Complètes de. Tome vi., 'Les Roumains.' Pagnerre, Paris. 1857.

Райцевич. 'Bemerkungen über die Moldau und Wallachey.' Wien: Edeln von Kurzbeck. 1789.

Реньо. 'Histoire des Principautés Danubiennes. Paulin & Chevalier, Paris. 1855.

Reissenberger, Ludwig. 'Die bischöfliche Klosterkirche bei Kurtea d'Argyisch.' Wien: K.K. Hof-und Staatsdruckerei. 1860.

Реслер, Робт. 'Romianische Studien.' Leipzig: Duncker & Humblot. 1871.

Русско-турецкая война, История Касселя. Кассель.

Русско-турецкая "Военная переписка" из "Дейли Ньюс". Макмиллан. 1878.

Смит, Уильям. Словарь греческого и римского *биографии*. Мюррей. Словарь древней географии. Мюррей. 1872-1873.

Стэнли. "Румынская антология". Хартфорд: Остин. 1856.

'*Statistica din Romania*.' Bucuresci: Tipografia Statulului. 1880.

Тацит, Бон.

Teuschländer, W. St. 'Michael der Tapfere.' Wien: Gräser. Bucarest: Sotschek. 1879.

Точилеско. 'Dacia inainte de Romani.' Bucuresci: Tipografia Academiei Române. 1880.

Vaillant, J.A. 'La Românie.' Paris: A. Bertrand. 1845.

Уилкинсон, У. "Рассказ о княжествах Валахия и Молдавия", Лондон: Longmans. 1820.

Заллоны, Марк. Филипп. 'Fassai sur les Phanariotes.' Marseille; Ant. Рикар, 1824 год.

ЛОНДОН: НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ", НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР
И ПАРЛАМЕНТ-СТРИТ

Патерностер-Роу, 39, Лондон, ЕС, *апрель 1882 г..*

Типография Spottiswoode & Co., Нью-стрит-Сквер, Лондон.

СНОСКИ:

[1] Глава vi. и Приложение IV.

[2] Стр. 270, *примечание*.

[3] Методом, в котором мы подтвердили эти измерения, было сравнение четырех независимо выполненных измерений. Одна была написана мистером Уэллером, художником наших карт;

вторая - автором, представляющим собой в среднем четыре или пять карт; третья - английским официальным другом в Румынии, в распоряжении которого все лучшие карты; и четвертая - от Бедекера. Обозначив их соответственно как *a*, *b*, *c* и *d*, мы получили следующие очень приблизительные результаты:—

От Верчоровы до устья Сулины.			От Предеала до границы С. Мангалии.		
<i>a</i>	355	миль	<i>a</i>	185	миль
<i>b</i>	356	"	<i>b</i>	188	"
<i>c</i>	358	"	<i>c</i>	189	"
<i>d</i>	360	"	<i>d</i>	190	"

Судя по карте Файфа-Куксона в его работе *С армиями Балкан*, размеры соответственно составляют 355 и 186 миль.

[4] Площадь получена методом, несколько схожим с линейными измерениями, за исключением того, что здесь мы были вынуждены использовать данные из различных работ (в частности, М. Аврелиана и отчетов консула Вивиана и Румынского географического общества), а также принять во внимание обмен Бессарабии на Добруджу, чего не было сделано Румынским географическим обществом. Румынские писатели с тех пор, как было внесено это изменение. *Готский альманах* за 1881 год дает площадь в 129 947 квадратных килограммов.

[5] В Румынии не проводилось переписей населения с 1859-60 годов, когда, как говорят, численность населения составляла 4 424 961 человек; сейчас она указана так, как указано выше, и были предприняты усилия по анализу этой оценки и классификации населения по национальностям и вероисповеданию. Однако сделать это с точностью совершенно невозможно; действительно, перепись населения Галаца, проведенная в прошлом году, показывает, что в целом вряд ли можно считать приблизительной. Что мы знаем, так это то, что около 4 600 000 человек населения составляют румыны и придерживаются православной греческой веры; вероятно, 400 000 человек - евреи, 200 000 цыган, а остальные немцы, секлеры, сербы и болгары, венгры, армяне, русские, греки, турки, французы, англичане, швейцарцы и т.д.

[6] Принц Джон Гика говорит 87 метров.

[7] Согласно различным работам и картам, высоты горных вершин различаются. В своей работе *"Terra Nostra"*, издание 1880 года, М. Аврелиан называет высоту Пионула 2720,1 метра, или около 8934 английских футов, а Караимана 2650,2 метра, или 8705 футов; но на некоторых картах приведены измерения, отличные от этих.

[8] Более подробную информацию о почве и сельскохозяйственных производствах можно найти в главе, посвященной этим темам.

[9] Румыны признают, что большая часть страны находится в запущенном состоянии и что сорнякам позволено расти в ущерб сельскому хозяйству. В *Indépendance Roumaine* от 13 [25] сентября 1881 года была сильная статья на эту тему.

[10] Мы не намерены обсуждать этот вопрос, который так интересует румын, но мы не можем не привлечь внимание к замечаниям Пейджета по этому поводу. В одном из своих заголовков он

говорит: "Валлаки дакийского, а не римского происхождения"; затем (стр. 112) он приводит гравюры на дереве, изображающие две головы только с усами (набросанные без какой-либо ссылки на вопрос) и чем-то напоминающие нашу гравюру, и предоставляет своим читателям сравнить их с фигурами на колонне Траяна. Он говорит, что чувствует удовлетворение от того, что они согласятся с его точкой зрения. Однако они ни в малейшей степени не похожи ни на римлян с обнаженными, ни на даков с бородатыми лицами на колонне и не проливают никакого света на этот спорный вопрос. Общее мнение людей, наблюдавших за крестьянством, таково, что жители горных округов представляют собой по типу лица, привычкам и некоторым словам наилучшие иллюстрации в поддержку дако-римской гипотезы.

[11] Стоит процитировать рассказ Уилкинсона о путешествиях в его время (1820). "Способ передвижения, - говорит он, - в двух княжествах настолько быстрый, что в этом отношении ему нет равных ни в одной другой стране. Их почтовые учреждения хорошо организованы; почтовые станции есть во всех направлениях, и они в изобилии обеспечены лошадьми. Однако те, кто желает приспособиться к общепринятому методу верховой езды, должны отбросить всякую мысль о комфорте. Приводится своего рода транспортное средство, которое мало чем отличается от очень маленького глиняного ящика, прикрепленного к четырем маленьким колесам с помощью деревянных колышков и в целом не выше обычной тачки. Он наполнен соломой, и путешественник сидит посреди него, удерживая верхнюю часть своего тела в вертикальном положении и испытывая большие трудности с тем, чтобы втиснуть внутрь ноги. К нему привязаны веревками четыре лошади, которые образуют всю упряжь, и, ведомые одним почтальоном верхом, они пускаются во весь опор и не останавливаются и не замедляют шага, пока не доберутся до следующего почтового отделения. На расстоянии полумили от него почтальон предупреждает о своем приближении многократным и сильным щелчком кнута, так что к моменту прибытия другая повозка уже готова принять путешественника" (стр. 93). (Эта система до сих пор применяется на практике в некоторых частях России, и автор путешествовал таким образом зимой 1849-50 годов из Санкт-Петербурга до границы с Пруссией.) Пятьдесят лет спустя ситуация в Румынии, похоже, пошла на спад, поскольку Куниш, забавный немецкий писатель, описывает свое путешествие из Джурджево в Бухарест, которое теперь совершалось за два или три часа по железной дороге, а тогда ему требовалось двадцать четыре часа, чтобы преодолеть его сначала с шестнадцатью лошадьми и четырьмя форейторами, а на более поздних этапах с восемнадцатью и двадцатью двумя лошадьми. (*Reisebilder*, pp. 73-81. Берлин: Эфферт и Линдтнер.)

[12] Синаю можно посетить либо из Бухареста, либо из Трансильвании. Если ехать из Бухареста, путешественник может добраться по железной дороге из Вены в этот город примерно за тридцать часов и далее в Синаю еще примерно за четыре часа, или он может высадиться в Джурджево либо по пути из Константинополя через Варну и Русчук, либо с парохода вниз по Дунаю из Пеша. Если он приближается со стороны Трансильвании, то из Кронштадта, который находится всего в паре часов езды от Синаи. Хотя здесь описано посещение только Синаи, как наиболее легкодоступной для обычных путешественников, в Карпатах можно совершить множество прекрасных экскурсий, и некоторые из наиболее выносливых молодых румын, побывавших в Западной Европе, заверили автора, что отдаленные районы Карпат представляют интерес для пешеходов, чего нет ни в одном из наших известных горных районов.

[13] Синайский монастырь был основан великим спафаром Михаилом Кантакузеном, братом воеводы Шербана Кантакузена, в 1695 году.

[14] Любопытно мимоходом отметить, что из примерно 400 человек, работавших над этим дворцом в прошлом году, 150 были немцами, а почти все остальные - итальянцами.

[15] Начальником является Р.Ф. Петерс (*Die Donau und ihr Gebiet*. Лейпциг: Брокгауз, 1876. Глава хii. стр. 313), Фукс, Бернат и Д.Т. Анстед. Были также отдельные мемуары, опубликованные румынцами, но, насколько мы могли установить, систематической работы не сохранилось. Лучшими общими трудами, касающимися также геологии, являются труды Аврелиана и Обеденаре.

[16] *Принципы геологии*, том i, стр. 209.

[17] Мы считаем, что это действительно все, что известно об общей стратификации, и хотя было выявлено мало положительного, авторы восполнили недостаток любым количеством негативных описаний. Такие авторы, как Аврелиан и Обеденаре, просто сожалеют о скудости информации, в то время как Фукс, способный и трудолюбивый геолог, говорит: "Трудно описать страну, потому что есть такие обширные участки, которые характеризуются отчаянным однообразием; потому что ископаемые редки и плохо сохранились, если не совсем отсутствуют; и различные возвышенности имеют совершенно схожий петрографический вид"; фактически, он говорит, что не хватает выдающихся данных, позволяющих геологу провести классификацию различных пластов.

[18] См. раздел 16-19. Также Кантакузено, *Сенни сулла, Румыния*, Букарест, 1875; и Анстед.

[19] Медь добывается в Байя д'Арана.

[20] Пейджет, том ii. стр. 44. Дирауэр, стр. 73, который добавляет еще несколько разрозненных или изолированных букв.

[21] Блюдо, приготовленное из кукурузы.

[22] Пейджет, том ii. стр. 58. Точилеско, Лист VII. На приведенных иллюстрациях количество причалов варьируется, но в обоих случаях показан промежуточный остров.

[23] Оценки варьируются от 630 до 650, но они не учитывают полностью все изгибы реки.

[24] Многими из этих подробностей мы обязаны М. Точилеско, чья прекрасно иллюстрированная работа "*Дакия* др." (Букарест: Типография Римской академии, 1880) содержит огромное количество информации о дакийских и других древностях.

[25] В основном греческий и турецкий.

[26] Переписка, которая длилась с 23 июня по 5 сентября 1880 года и была в основном телеграфной, была опубликована в приложении к *Indépendance Roumaine*, Букарест, 6 [18] декабря 1881 года.

[27] После этого сообщения следует письмо от М. Братиано, государственного секретаря Румынии, в котором он обвиняет М. Каларджи в его недружественном тоне по отношению к Австрии, и вот его назидательный ответ по этому поводу. "Позвольте мне удовлетворить вас (*ваш адвокат*) относительно последствий, которые могут возникнуть в результате передачи этого документа. Написанное на бумаге без каких-либо пометок, лишенное всякого официального или индивидуального характера, без подписи, это историческое *резюме* этапов,

через которые прошел вопрос, не может никого скомпрометировать. " Это один из людей, которые творят историю, и которому доверены жизни и интересы миллионов людей!

[28] Среднее покрытие состоит из очень твердого вида кирпича, называемого "базальт", который очень твердый и долговечный.

[29] Национальный костюм носят люди, занимающие высокое положение в стране, и на государственных мероприятиях, но не как одежду обычных граждан; см. Портрет королевы, глава XV.

[30] Для удобства читателя можно упомянуть, что французский или немецкий пригодятся ему практически в любой точке Румынии.

[31] Гравюры большинства объектов, о которых здесь идет речь, можно найти в книге М. Точилеско, которую автор по своей доброте передал на хранение в библиотеку Британского музея.

[32] См. стр. 202. Говорят, что высокая башня, пристроенная к нему, была построена солдатами Карла XII. Швеции.

[33] Основными отелями являются "Grand Hôtel du Boulevard" (на бульваре), отели "Броффт", "Хьюз", "Империаал", "Мано" и другие. Стоимость номера варьируется от шести до десяти франков в день, а питания примерно столько же. Вино очень дорогое, от трех франков за местные вина до двадцати франков за изысканные французские вина. Однако все эти вопросы претерпевают изменения из года в год.

[34] В Румынии дело не столько в фактически потерянном времени; ибо, если мы добавим, с одной стороны, более продолжительный рабочий день и вычтем субботний полупраздничный день наших работников, вероятно, не обнаружится большой разницы; но это повторение праздничных дней с нерегулярными интервалами, как это имеет место в тех профессиях в Англии, где люди уходят "загулять" на день или два в установленные или не установленные периоды. В Румынии это в своем роде универсально.

[35] Райцевич дает аналогичный отчет о них в 1789 году.

[36] Уилкинсон, стр. 168-176.

[37] 'Und da sie ein sehr schöner Volksstamm sind, und andererseits die übrige Bevölkerung sie darchans nicht zurückstösst, so sieht nichts entgegen dass sie in einer ziemlich nahen Zukunft mit der Masse der roumänischen Bevölkerung verschmelzen.'—Petermann's Mittheilungen, Ergänzungsheft 4, 8. 12. Gotha: J. Perthes.

[38] Есть два типа цыган: один индоевропейский, другой африканского происхождения.

[39] *ŒUvres complètes*, том vii. стр. 97.

[40] Эта статья появилась в соответствующем журнале, а выдержка была скопирована из него автором, когда он был в Бухаресте, но он не указал дату.

[41] Превосходная монография об этом соборе, прекрасно иллюстрированная, была опубликована Людвигом Райссенбергером (Браумюллер, Вена, 1860), к которой мы отсылаем

читателя за более подробной информацией о нем. Две наши гравюры на дереве, показывающие узор, скопированы с этой работы, но табличка с автотипом взята с фотографии Дущека.

[42] Райссенбергер называет это "Гробкальком". Похожий камень найден по соседству.

[43] Существует несколько версий легенды. В некоторых источниках принца называют Негру Вода, в других - Негойе Вода, а в третьих - снова Раду Негру. Стихотворение переведено достопочтенным Х. Стэнли, *Румынская антология*, стр. 215 (Хартфорд: Стивен Остин), дорогая и красиво оформленная книга для гостиной, содержащая несколько румынских стихотворений на народном языке и другие, переведенные на английский.

[44] Дата на планшете - 7209. Это Anno Mundi, согласно хронологии по крайней мере части Византийской церкви, поскольку Христос родился, по этому счету, через 5509 лет после сотворения мира. (См. *Вульгарные ошибки Брауна и Библейский словарь* Смита.) Энгель говорит, что Неагу правил с 1511 по 1520 год. Вайан говорит, что он умер в 1518 году.

[45] 7035 (утра) - дата на табличке.

[46] Виноградник?

[47] Поскольку время от времени делались ссылки на румынских священнослужителей, следующие краткие сведения могут быть небезынтересны. Христианство было введено в провинции, граничащие с Дунаем, очень рано. Согласно А. де Герандо (*Siebenbürgen und seine Einwohner*, стр. 211, Lorch, Лейпциг, 1845), в Венгрии была найдена рукопись с крестом и датой 274 г. н.э.; а в 325 г. н.э. среди готов упоминался епископ Феофил. В 370 году нашей эры готский король Атанарих преследовал и предал смерти многих христиан. В 527 году нашей эры христианские церкви Румынии (в том виде, в каком они были на тот момент) были переданы в ведение митрополита Греческой церкви. Но только в 865 году нашей эры болгары и связанное с ними коренное население были фактически обращены в христианство (Лауриани, стр. 29). Примерно в то же время между главами Восточной и Западной Церковью существовали интриги за обладание главенством в этих странах, но влияние первой преобладало. Около 860 года нашей эры в церквях была введена славянская литургия, и, несмотря на доносы и посольства римского понтифика, около 880 года нашей эры произошло отделение, и румыны присоединились к ортодоксальной греческой церкви. О переговорах между Иннокентием III. об Иоаннице, короле Второй валахо-болгарской монархии, мы поговорим позже, и хотя после этого папская власть в Валахии и Молдавии среди князей и знати возросла, народ всегда склонялся к греческому обряду, и, наконец, в 1440 году митрополиту Молдавии удалось (римские авторы говорят, что путем религиозного государственного переворота) сделать греческую церковь доминирующей. В середине семнадцатого века наиболее важные римско-католические епископства были упразднены, и вплоть до настоящего времени греческая церковь была государственной религией, и ее исповедует почти вся нация; даже король, который раньше был римско-католиком, теперь придерживается этой веры. О секуляризации монастырей и других религиозных движений мы поговорим в части II, и необходимо только добавить, что в настоящее время в стране насчитывается два митрополита или архиепископа, шесть епископов с епархиями и несколько без них; в 1876 году в стране насчитывалось 9 800 светских священников, 1700 монахов и 2270 монахинь, 6550 церквей и 173 женских монастыря. Священники или "папы" женятся и занимаются светскими делами в сельской местности; в

городах они "непроизводительны" в том, что касается рабочей силы. Службы греческой церкви не впечатляют; но, хотя об их суевериях написано много, румыны в этом отношении не сильно отличаются от жителей других католических стран. Среди высших классов царит большое безразличие к религии, если не абсолютный атеизм, что, без сомнения, является результатом большого невежества духовенства. Однако больше всего следует сожалеть о том, что, хотя в стране существуют тысячи "религиозных организаций", как их называют, все медсестры в ее превосходных больницах должны быть наемными служанками, а Церковь вообще ничего не делает для поддержания эффективности этих учреждений.

[48] Консульские отчеты, Румыния, 1878, стр. 965-966. Мы полагаем, что это утверждение применимо скорее к тому, что раньше было Молдавией, чем к Валахии. Когда мы были в Бухаресте, мы видели на улице киоски, в которых продавалась английская бумага для записок и письменные принадлежности (если они были подлинными); и однажды, когда нам представился случай купить пару ножниц, мы зашли в магазин с целью, и нам показали несколько очень дорогих ножниц. Когда мы пожаловались на цену, нам сказали, что они английские, но что мы можем приобрести дешевые австрийского производства в другом магазине поблизости. Мы так и сделали, и хотя ножницы, несомненно, были некачественными, это показывает, что английские товары нравятся и стоят дороже.

[49] Смотрите Отчет консульства Румынии, 1878 г., стр. 966, 968, где эти утверждения практически подтверждаются.

[50] Приобретен государством во время написания этих замечаний.

[51] Несколько авторов, копируя друг друга, как обычно, без запроса, оценили население в 90 000 человек, Аврелиан установил его на уровне 90 236 в 1866 году; но когда в 1877 году наш вице-консул Бонэм запросил мэра Яссы, ему сказали, что, хотя удовлетворительных данных не существует, 70 000 человек были ближе к отметке. Аналогичным образом, население Галаца до недавнего времени составляло 80 000 человек, хотя проживающий там английский джентльмен утверждал, что оно должно составлять около 50 000. Этот джентльмен сказал нам, что, согласно недавней переписи, их оказалось всего 40 000 человек, но он также поставил под сомнение этот результат, поскольку люди не знают цели такой процедуры и боятся возвращаться, и, более того, перепись проводилась в то время, когда многие рабочие и другие лица покинули город на сезон.

[52] Отчет вице-консула Бонэма, 1877, стр. 720.

[53] Там же. стр. 721.

[54] Если читатель обратится к различным работам на эту тему, Аврелиану, Обеденаре, отчету консула Вивиана и др., Он найдет, что кажутся разными, хотя и приблизительными оценками, но на самом деле они одни и те же, в гектарах (2,47 акра), погонах (1-1 / 4 акра) и акрах; и ни в одной из них нет точного рассмотрены территориальные изменения 1878 года. Находясь в Бухаресте, мы получили набор статистических данных по этому вопросу, относящихся к 1880 году, но, сравнив их с работой Аврелиана, опубликованной в 1866 году, мы обнаружили там те же цифры. Ниже приведена приблизительная доля обрабатываемых земель в погонесе (1-1 / 4 акра):—

Злаки, сады, виноградные лозы 4,945,708

Пастбище и сено	7,693,910
Леса	4,029,947
Необработанный	7,574,336
Всего	25,243,901

[55] Любой из наших читателей, желающий получить подробную информацию о состоянии сельского хозяйства и промышленных предприятий Румынии, найдет ее в отчете, который был представлен его правительству в прошлом году М.Дж. Джорисом, бельгийским министром в Бюкаресте. Несомненно, бельгийское правительство опубликовало это в форме брошюры; если нет, то это можно найти *in extenso* в *La Bourse*, Букарест, 27 июля, 2, 9 и 23 августа 1881 года.

[56] Смотрите отчет Вивиан, 1875 г., таблицу Обеденаре (стр. 99) и отчет М. Джориса. Последнее названное соотношение выглядит следующим образом— кукуруза 22, пшеница 15, ячмень 7, рожь и овес по 1.

[57] В *Готском альманахе* за 1882 год (стр. 904), информация об экспорте зерновых и крупного рогатого скота в 1880 году приведена в пропорции 167 к 12; в то время как корреспондент *Times* (*loc. cit.*) приводит пропорции за 1872 год соответственно как 117 (зерновые). против (животных) 19. Обеденаре (стр. 147) дает оценку поголовья крупного рогатого скота в 1860 году в 2 751 168 голов по сравнению с 1 886 990 голами в 1873 году, что является значительным падением; но корреспондент *Times* сообщает, что в настоящее время в стране насчитывается 3 000 000 голов.

[58] В 1875 году мы импортировали значительное количество шерсти из Румынии, но в течение последних нескольких лет импорт возвращался как *нулевой*. Для получения дополнительной информации по всем этим вопросам читателя отсылают к Аврелиану, *Уведомлениям* (глава v.), Обеденаре (глава v.), Отчетам британского консульства, Отчету М. Джориса, корреспонденции *Times*. Приведенные цифры не настолько заинтересуют наших читателей, чтобы оправдывать их включение здесь.

[59] Точные сведения о крестьянском землевладении см. в [Приложении IV](#).

[60] Сравнивая это утверждение с тем фактом, что "сельские обязательства" были почти отменены в 1880 году, становится ясно, что смущенные и праздные крестьяне, должно быть, были всего лишь мелкими держателями. Эта информация была предоставлена нам джентльменом, лучше всех знакомым с историей и последствиями освобождения земли.

[61] Помимо изготовления одежды для своих семей и костюмов для городских дам и т. Д., румынские женщины делают красивые коврики и даже ковровые дорожки из пестрой шерсти.

[62] Ничто так эффективно не показывает важность сельскохозяйственного интереса в Румынии, как анализ занятий людей. Этому показателю можно полностью доверять, поскольку он рассчитывается исходя из числа налогоплательщиков, и ниже приводится таблица, составленная на основе данных, предоставленных нам властями Bucarest:—

Земледельцы	684,168	главы семей
Ремесленники и чернорабочие	83,061	
Торговцы	30,117	

Официальные лица (<i>функционеры</i>)	22,811	
Профессора и преподавательницы	6,066	
Медицинские, юридические работники и фармацевты	995	
Художники (вероятно, имеются в виду лица, занимающиеся искусством)	2,156	
Священники, монахи и <i>религиозные деятели</i>	18,452	
Различные	125,815	
От общего числа глав семей	973,941,	семьдесят процентов.

следовательно, это земледельцы.

[63] *Статистика Румынии*, Министерство внутренних дел, Букурешти, 1881 (Государственная типография); и *Готский альманах*, 1882. Возможно, будет интересно сравнить расходы в Румынии с расходами в Великобритании. В прошлом году наши государственные расходы составили 2 683 958*l.* против примерно 110 000*l.* в Румынии только на начальное обучение. (См. *Statistica*, стр. 13 и 22: сумма в ляхх или франках составляет 3 650 698.) Население Соединенного Королевства примерно в семь раз превышает население Румынии, а средняя посещаемость детьми в 1880 году составляла 3 155 534 человека. Это дает около 17*s.* на душу населения для получения *государственной* помощи, без учета школьных тарифов, в результате чего общая стоимость каждого ребенка в Великобритании составляет 2*l.* 2*s.* В Румынии это 1 8*s.* как указано выше.

[64] *Дополнения*, том vi.

[65] Стр. 103 и далее.

[66] Мы слышали похожие жалобы в Трансильвании.

[67] Филологам может быть интересно рассмотреть происхождение английских названий этих распространенных предметов и сравнить их с румынскими; преобладание англосаксонского элемента в одном и латинского в другом очень очевидно.

[68] *Das Magyarische im Romänischen*, Реслер, приложение, стр. 346. Мы были вынуждены перевести Реслера с немецкого на английский из-за значений, и смысл, таким образом, мог быть изменен или утерян; следовательно, он не несет ответственности за подобные ошибки. Слова, отмеченные звездочкой, наиболее подходят для нашей цели, и они постоянно используются в Румынии.

[69] A. de Gerando, *Siebenbürgen und seine Bewohner*, p. 213. Лорк, Лейпциг, 1845 год.

[70] Большинство работ по Румынии посвящено этому вопросу. У Озанна (глава xi.) есть несколько замечаний по этому вопросу; Уилкинсон (приложение iv. стр. 201) приводит список слов, происходящих от латинских, итальянских, новогреческих и турецких корней, но румынские слова с тех пор изменены; Vaillant, Obedenare, Neigebaur, Henke, Pic, Roesler - все они более или менее полно освещают тему. Главными властями Румынии являются Хасдеу, Убичини и Лауриани.

[71] Отчеты о законах зарубежных стран, представленные Палате общин в 1881 году.

[72] В 1874 году суды присяжных рассудили всего 1493 человека (1441 мужчину и 52 женщины). Из них были:

Крестьяне	961	Румыны	1,394	Старше двадцати лет	1,303
Ремесленники	186	Все другие нации	99	Старше шестнадцати и моложе двадцати	153
Торговцы	54			Моложе шестнадцати	11
Официальные лица	60			Возраст неизвестен	26
Всякая Всячина	232				
	1,493		1,493		1,493

Просматривая статистику, предоставленную нам (властями), мы обнаружили несколько небольших ошибок. Однако в основном они кажутся правильными.

[73] Обеденаре называет четыре, но мы полагаем, что он объединил две соседние шахты в одну.

[74] Это, однако, не препятствует эффективному отводу воды из шахты, поскольку, из какого бы источника, одна ее часть была частично затоплена, пока мы были там. Некоторые заключенные забастовали и отказались спускаться в шахту, и старший инспектор, приехавший из Бухареста, чтобы выяснить причину *выброса*, сказал, что отказ мужчин от работы был оправдан, учитывая состояние этой части шахты.

[75] Мы понимаем, что шахта будет освещена электрическим светом в этом году.

[76] Немного нелепого вмешалось, чтобы облегчить болезненные чувства, которые мы испытали по этому поводу. Мы стояли с инженером шахты и смотрели, как люди рубят соль, когда последний сказал (по-немецки): "Здесь самые страшные преступники" — имея в виду ту шахту. Не совсем понимая его, мы удостоились незаслуженной чести пошутить, спросив: "Здесь, где мы стоим?" — имея в виду ту часть шахты. Инженер разразился смехом, который прозвучал очень глухо, а затем мы заметили *двусмысленность*, и последовали взаимные объяснения.

[77] Полный отчет об отношениях или предполагаемых отношениях между фракийцами, гетами и даками можно найти в Smith, *Geog. Dict.*, статьи "Дакия", География; "Фракия", стр. 325; "Мессия", стр. 677; и "Дакия", стр. 679. У Дирауэра (стр. 63-4 и примечание 1) и Реслера (глава I.) полностью обсуждается все, что представляет интерес для греческих и римских историков, но другие немецкие, французские и английские авторы рассматривают этот вопрос с большей или меньшей краткостью, в некоторых случаях отвергая его в нескольких словах.

[78] Том ii. стр. 105-106. Весь вопрос погружен в неизвестность.

[79] Дион Кассий (Кокцеян), римский историк, родился в 155 году н.э. в Никее в Вифинии, где он также, вероятно, умер на пенсии после долгой и насыщенной политической жизни; дата его смерти неизвестна. Он был губернатором Паннонии при Севере и имел возможность узнать об экспедициях Траяна в Дакию. Он написал историю Рима, в том числе историю Траяна, но о

последнем есть только сокращение, сделанное Ксифилином в одиннадцатом веке; наши выдержки взяты из французской версии, упомянутой в Приложении.

[80] Смотрите начальную букву и виньетку в конце этой главы.

[81] Bohn's *Tacitus*, том ii. стр. 164. Это произошло в 70 году нашей эры при Веспасиане. Месия была официально признана римской провинцией в 9 году нашей эры (или во 2 году до н.э., Меривейл).

[82] Согласно Merivale, том vii. стр. 103 примечание (Longmans, 1862), это был заголовок: "интерпретированный одними авторами "Сила даков", другими "Дахи-Валхус", "Скиф на день сокола". Смит (*Биография*, статья "Децебал") говорит вероятно, это был почетный титул среди даков, эквивалентный вождю или королю, поскольку мы обнаруживаем, что его носили более одного из их правителей, и что личность, наиболее известная в истории как Децебал Диона Кассия, названа Диурпаном Орозием, а Дорфаниусом Джорнандесом. Реслер и Дирауэр потратили большое количество исследований на изучение этого названия. Первый (стр. 35) считает, что "Диерпаней Иорданский" - это царь Дурас, от которого Децебал получил свою корону, и он оставляет этот вопрос открытым. Дирауэр говорит (стр. 67), что его звали Децебал, и цитирует надпись, в которой о нем говорится как о "Regem Decebalum".

[83] Bohn's *Agricola*, стр. 382.

[84] Посмотреть историческую карту.

[85] Наиболее полный отчет о вероятной численности и составе его армии, его генералах и т. Д. Можно найти в Dierauer, стр. 76 и далее. и прилагаемые многочисленные примечания.

[86] Посмотреть на карте.

[87] Возведен после окончательного покорения Дакии, вероятно, по проекту Аполлодора, который также спроектировал мост через Дунай.

[88] Это ни в коем случае не единодушное мнение относительно курса, выбранного армией, хотя большинство сходится во мнении, что она была разделена на две части.

[89] Это место не следует путать с Железными воротами (затонувшими скалами) на Дунае. Читатель найдет все основные места, указанные на нашей исторической карте.

[90] О местоположении Тарæ ничего определенного не известно. Некоторые авторы утверждают, что он идентичен Кроссфельдту близ Торды; но это вряд ли согласуется с описанием операций против Децебала после его первого поражения.

[91] Дион Кассий, lxxviii. 8.

[92] Дион Кассий, lxxviii. 9.

[93] Смотрите иллюстрацию в конце этой главы.

[94] Все эти места, наряду с линиями, обозначающими существующие остатки римских дорог, будут найдены на нашей карте.

[95] Полная информация об играх, гладиаторских боях, чеканке монет и т.д., в Dierauer, стр. 105 и далее.

[96] Тем из наших читателей, которые желают проследить за этими поверхностными очертаниями истории, представленными в колонке, не мешало бы ознакомиться с прекрасными линейными гравюрами Пиранезе, однако не принимая его интерпретации как окончательные.

[97] Согласно некоторым авторам, Трансильвания была *dacia mediterranea*; Банат, *D. ripensis*; и Румыния, *D. transalpina*; но Смит (*География*, "Дакия") дает эти названия подразделениям Месии после ухода римлян из Дакии; и более поздние историки не упоминают об этих подразделениях. Дикрауэр (стр. 103) ссылается только на одну или две ведущие колонии, а Реслер (стр. 45) говорит, что Траян вообще не разделял свои завоевания, но что при Антонине Пии (168 г. н.э.) существовало три неполитических подразделения: *D. Apulensis*, *D. Porolissensis* и *D. malvensis*. Гиббон (глава i, стр. 7 и 8) дает то, что он называет "естественными границами", и говорит, что провинция имела около 1300 миль в окружности.

[98] Нейгебаур (стр. 43) дает список из двадцати восьми известных (и многих сомнительных) городов в Дакии Траяна, построенных во время римской оккупации. Из них руины некоторых сохранились до сих пор, а на месте других были построены современные города, названия которых мало отличаются от римских названий, например, Зернес, ныне Чернец; Каракалла, Каракал; Кастра Северум, Турну Северунул (где есть старая римская башня); Ардейскус, Ардейш или Арджес; Паллада, Берлад; Каллатия, Галац; Термы и Медиаш, Мехадиа.

[99] Карра, стр. 3.

[100] Как в случае с Великобританией; см. Смит, *География*, статья "Колония".

[101] Карра берет свой отчет у Евтропия, который говорит (Книга VIII. глава. 6): "Траян, когда он завоевал Дакию, перевел туда со всех концов Римской империи значительное количество людей для обработки полей и проживания в городах. Ибо долгая война под предводительством Децебала истощила Дакию". Он ничего не говорит о "отбросах городов". Но в книге IX. глава 15 Евтропий, говоря об уходе римлян из Дакии при Аврелиане, говорит: "Он увел римлян из городов и полей Дакии и поселил их посреди Месии".

[102] Смит (Дакия) говорит, что он был эвакуирован между 270 и 275 годами н.э. Нейгебаур и другие немецкие, а также французские авторы называют годы между этими двумя, указ Аврелиана датирован, как говорят, 274 годом н.э.; в то время как Реслер (стр. 60-51) считает, что фактический вывод римской армии не происходил до 280 год н.э.

[103] lxxviii. 13. Он говорит (после описания моста в ярких выражениях): "Траян, опасаясь, что, когда Истр замерзнет, римляне на противоположном берегу подвергнутся нападению, построил его, чтобы обеспечить легкий проход для войск; Адриан, с другой стороны, опасаясь, что варвары, одолев тех, кто его охранял, сочтут его легким средством проникновения в Мисию".

[104] Фримен (*Общий очерк европейской истории*) говорит о 269-270 годах н.э.

[105] Требеллий Поллион. Гиббон называет число убитых готов равным 50 000.

[106] Том ii. стр. 17. Другими авторами, на которых здесь ссылаются, являются Пик, Реслер, Пейджет, Петерманн и др.

[107] Там же.

[108] Том i. стр. 330.

[109] См. Приложение I.

[110] Читатель найдет большинство главных мест, названных в ходе этого исторического очерка, обозначенными на исторической карте, но мы намеренно воздержались от повторных ссылок на нее и даже, во многих случаях, на авторитетные источники по истории, где это излишне нарушило бы непрерывность повествования.

[111] Том iv. стр. 258-262.

[112] Между 453 и 469 годами нашей эры, по мнению разных авторов.

[113] Le Sage, таблица 8.

[114] Гиббон, том vii. стр. 104.

[115] Этот персонаж некоторыми авторами приписывается валахам или румынам, а Бонфиниус (книга IV) говорит, что их имя происходит от определенных греческих слов, указывающих на их умение стрелять из лука.

[116] Реслер, стр. 234 *и далее*. Необходимо добавить, что Реслер черпает большую часть своей информации из турецких источников. (Приложение, стр. 359-361). По словам одного писателя, Абу-Али-Ахмеда Бен Омара Ибн-Дасты, *оседлые болгары* были земледельческим народом, выращивающим злаки, в деревнях которого были мечети, начальные школы и т.д. Однако многие из них были язычниками, которые падали ниц всякий раз, когда встречали знакомого.

[117] Реслер, стр. 156 *и далее*.

[118] Реслер, стр. 164 *и далее*.

[119] Том i. стр. 20. Халлам говорит в примечании *loc. cit.*: "В Италии они внушали такой ужас, что была составлена месса, специально осуждающая это бедствие, "Ab Ungarorum nos defendas jaculis".

[120] Э. Даллер, *Справочник немецких волков*, стр. 108. Leipzig: Wigand. 1840.

[121] Говорят, что во время своего перехода через Карпаты венгры столкнулись и привели к покорности ряд мелких вождей и племен, которые, как полагают некоторые авторы, были потомками дако-римлян, поселившихся в этих горах много веков назад. Среди них упоминаются "герцоги" Геллий или Юлий, Клавдий и Мариот. Летописец этих событий известен как "Анонимный нотариус короля Венгрии Белы", и его рассказ принимается теми современными авторами, которые придерживаются мнения, что первые князья Валахии произошли из Карпат, в то время как другие авторы, и особенно Реслер, который отрицает эту теорию, дискредитируют всю историю и считают труды "анонимного нотариуса" выдумкой. Предвзятость, проявляемая различными историками, делает невозможным прийти к какому-либо справедливому заключению по этому вопросу.

[122] Современные французские и немецкие писатели называли их Petschenigues и Petschenegen.

[123] Для получения дополнительной информации о патцинаките и валахах учащийся должен обратиться к страницам Реслера, Пика, Энгеля, Лауриани и др.

[124]

'Die Menschen, die noch jetzt fast römisch Muster tragen,
Zwar schlecht, doch witzig sind, viel denken, wenig sagen.'

[125] На Рис. (стр. 64) говорится, что румынские валахи впервые упоминаются в 970 году, а (стр. 113) впервые упомянуты к северу от Дуная в 1222 году.

[126] Он называет себя "Calojohannes Imperator Blacorum et Bulgarorum", что Лауриани переводит как "Kaiser der *Romänen* und Bulgaren", император Румынии и т. Д. В этом и предыдущем письмах читатель имеет примеры предвзятости, которая ослабляет доказательства предполагаемых фактов румынской истории. Те писатели, которые не желают признавать римское происхождение народа, не упоминают о таких выражениях, которые использовал Иннокентий относительно своего происхождения, в то время как патриотически настроенные местные историки используют вольности в переводе, чтобы улучшить свое положение.

[127] В Булле они названы "Imperatores totius Bulgariae", что Лауриани (стр. 56) несправедливо переводит как "Die Kaiser von ganz Bulgarien und Romänien" (Императоры всей Болгарии и Румынии!).

[128] За подробностями этого спора читателя отсылают к недавно опубликованным страницам Реслера и Пика, первого австрийского, а второго славянского писателя.

[129] Его полный титул был "Мирча, д.Г. воевода Валахии, герцог Фогараша и Омласа, граф Северин, деспот земель Добруджи и Силистрии", и, принимая во внимание преувеличения завоевателя, ясно, что он, должно быть, правил обширной территорией.

[130] Суть этого договора, которая была подтверждена в последующих, приведена в Приложении II. С некоторыми данными, касающимися его истории, за которые, наряду со многими другими ценными сведениями, мы обязаны принцу Джону Гике, послу Румынии в Сент-Джеймсе, и мистеру Уайту, нашему собственному министру в Букаресте.

[131] Слово "боярд" первоначально означало солдата или воительницу.

[132] Один из его кавалерийских корпусов назывался "Scutelnici" (или заменители), термин, который мы позже применим к государственным крепостным; и Вайян (т. i., стр. 185) говорит, что термин "scutage" в Англии был получен из того же источника (*scutum*, щит).

[133] При нем объединились две короны.

[134] Чтобы показать, какая неопределенность нависла над историей этого человека и фактически над всем периодом, можно упомянуть, что Нейгебаур и другие авторы считают, что этот договор был подписан между Владом II и Мухаммедом III, который правил 135 лет спустя, в то время как французские авторы утверждают, что это было между Владом V. и Мухаммедом II; но все они согласились с датой 1460 года. Хенке называет его Владом III. Его повсеместно

называли Цепешем из-за практики, которая хорошо известна нашим читателям по так называемым болгарским зверствам. В тело жертвы вонзался заостренный шест, а затем другой конец вгонялся в землю, и несчастного мужчину, женщину или ребенка оставляли корчиться в агонии до тех пор, пока смерть не облегчала их страдания.

[135] Условия настоящего договора см. в [Приложении II](#).

[136] Называется также Нягор, Негойе, Нягое.

[137] Paget, том ii. стр. 8.

[138] Тевчлендер, из чьего превосходного небольшого трактата "*Михаэль дер Тапфер*" (Вена, С. Gräser, 1879) взяты эти подробности, упоминает многие обычаи, существовавшие во времена Михаила, которые, по всей вероятности, были введены только в более поздний период. Налог на табак, несомненно, является одним из них.

[139] Полный отчет о чиновниках и их различных обязанностях, а также описание посвящения князей читатель найдет в книге Райцевича, стр. 62. У Уилкинсона, стр. 55, он найдет, что в его время было большое количество должностей; были вторые и третьи Логофеты, вторые и третьи вестии и т. Д.

[140] Рейссенбергер, стр. 39, частично цитирует Энгеля.

[141] Некоторые современные румынские историки утверждают, что у Мирчи уже была регулярная армия, но Реслер и другие относятся к этому утверждению с насмешкой. Что касается Майкла, читатель сам рассудит, возможно ли было бы выполнить то, что он сделал, без дисциплинированных сил.

[142] Зибенбюрген был назван так из-за семи возведенных там фортов.

[143] Teutschländer, p. 201.

[144] По словам Вайяна и других, там было два офицера, у каждого по 300 человек, и Майкл проткнул мечом одного из офицеров, но прежде чем он успел убрать его, другой, по имени Бори, сразил его своей алебардой.

[145] Вайян (хронологическая таблица, том ii. стр. 444) приводит девятнадцать отдельных князей, некоторые из которых дважды правили в Валахии, и двадцать восемь, из которых один трижды правил в Молдавии, между 1601 и 1714 годами. Однако его даты и имена не должны рассматриваться как авторитетные.

[146] Читатель, заинтересованный в этой теме, найдет краткую историю следующих семей в Карре, а именно: Кантемир (по некоторым данным, татарского происхождения), Гика, Петречичус, Дука, Кантакузене, Бранковано, Маврокордато.

[147] Золотой лев, крона или экю стоили около 4s. 8d., серебряный 2s. 8d.

[148] Интересное упоминание о его добрых делах можно найти в описании собора Куртя д'Арджес в первой части этой работы.

[149] Беспечность румынских хронистов просто невыносима. Вайян, том ii, стр. 88, говорит, что Сербан был отравлен 19 октября 1688 года; на стр. 91 он говорит, что Константин Преда, его

преемник, начал править в 1687 году; а в своей хронологии, стр. 445, он говорит о 1688 году. Такие расхождения постоянно повторяются. Уилкинсон называет преемником Сербана Константина Бранковано, воеводу, который тайно помогал немцам в Вене, и помещает событие после 1695 года. Он говорит, что воевода, вероятно, был подкуплен германским императором, чтобы тот сохранял нейтралитет. Осада Вены была в 1693 году.

[150] Бранковано также называют Константином Бассарабом и Константином Преда.

[151] Следующая история рассказывает о поведении русских, когда они стояли лагерем перед Яссами, в начале кампании. Оказывается, Петр и его генералы были приглашены принцем на пир, и, изрядно выпив, хозяева и гости беспорядочно валялись на полу. Русские первыми пришли в себя, и когда их взгляд упал на расшитые золотом сапоги бояр, желание обладать ими было настолько непреодолимым, что они воспользовались беспомощным состоянием своих хозяев, чтобы совершить обычную кражу. Сняв их с ног, они унесли сапоги в свои палатки, оставив взамен свои поношенные от непогоды шоссы.

[152] Уилкинсон (стр. 40) говорит, что в его время потомок внука Бранковано жил в Валахии в большом государстве и считался одним из самых богатых бояр; и до сих пор существует семья, носящая титул князя Бассараба де Бранкован. См. *"Готский альманах"*, 1881, стр. 225.

[153] Хотя Николаса Маврокордато в основном называют первым фанариотским князем Валахии в 1716 году, сравнение авторитетов (Энгель, Уилкинсон, Нейгебаур и др.) Показывает, что он уже правил Молдавией с 1712 года. Вайян, как обычно, расплывчат и указывает место точного правления. факты, подкрепленные обильной риторикой.

[154] 3 Генриха VII. глава 1. и 21 Генриха VIII. глава 20.

[155] Вода, или Домну (Dominus), было румынским обозначением князя, а Господарь был титулом славянского или русского происхождения (русский, Gospodin = Господин).

[156] Стр. 46.

[157] Наиболее достоверной работой о Фанариотах является работа Марка. Филипп Заллони (Марсель, Ант. Рикар, апрель 1824). Этот автор называет себя "врачом нескольких господарей-фанариотов", и его рассказ о принцах и их правлении достаточно унижен без преувеличений и приукрашиваний одного или двух последующих французских авторов. Уилкинсон, работу которого мы процитировали и который был "резидентом британского консула" в 1820 году в "Букоресте", как он тогда назывался (по его словам, в честь одного букора, владевшего деревней четыреста лет назад), дает много информации по тому же вопросу.

[158] Заллони.

[159] Vaillant, в т. ii, стр. 219-220 и 224-226, приводятся некоторые интересные подробности о поступлениях и расходах. В одном месте (стр. 225) он приводит список "подарков, выплаченных княжеством Молдавия". Суммы указаны в пиастрах, которые, по его словам, тогда стоили 2 50 франков. Один пункт - "тайные подарки Константинополю в размере 250 000 пиастров", в то время как сумма дани составила всего 65 000! Список, по-видимому, включает все расходы принца и принцессы, а также некоторые военные и государственные расходы, общая сумма

которых составляет 1 162 267 пиастров, или, по словам Вайяна, около 116 200 *фунтов стерлингов*, огромная сумма по тем временам (1769 г.).

[160] В упомянутом списке Вайяна стоимость платьев принцессы указана в размере 22 908 пиастров, или 2290 *фунтов стерлингов*, против 36 000 пиастров, или 3600 *фунтов стерлингов*, всех расходов дворца. Список показывает, что принц держал у себя на службе многих турецких солдат, музыкантов и т. Д. И занимал крупные суммы в Константинополе, прежде чем приобрести господарство, поскольку на проценты по нему есть сумма в 68 620 пиастров.

[161] Этот этап правления фанариотов по-прежнему является пагубным пятном для румынского общества, и причины ослабления брачных уз и разводов в значительной степени те же, что и раньше. Молодые люди из высших классов, воспитанные в достатке, оказываются неспособными предаваться роскоши, к которой они привыкли при своих ограниченных доходах. Поэтому они часто женятся на женщинах, которые намного старше их, но обладают большими денежными средствами. Ни один из них не заботится о другом; они идут своим путем, с обычными печальными результатами. Если читатель обратится к статистике страны, он обнаружит, что в 1880 году было передано в суд 3891 дело о разводе и что количество разводов, разрешенных по закону или рассмотренных судом в течение шести предыдущих лет, варьировалось от 760 до 929 ежегодно.

[162] Заллони сообщает нам, что среди современных греческих семей Маврокордато и Мавроджени родом с острова Миконос (архипелаг); Гика албанского происхождения; Раковиса и Манолвода, Малая Азия; Ипсиланти и Мороси, Трапезунда; Сутцо, Болгария; Карагия, Рагуза Канзерли, Константинополь и др.

[163] Это не тот Грегори Гика, о котором уже упоминалось. Члены разных семей различались по аффиксу I. II. III. & c.

[164] Кем был этот "сэр Фрэнсис", мы так и не смогли установить.

[165] Стр. 44.

[166] Нейгебаур (стр. 327 и далее) приводит длинный список важных работ, опубликованных в княжествах до его времени (1854), и среди них можно найти большое количество сочиненных или опубликованных Гелиадом по различным предметам теологии, филологии, грамматики, истории, математики и медицины, помимо оригинальных стихотворений, переводов и драм.

[167] Реньо говорит (стр. 437): "Дважды за три недели временное правительство падало, сначала в результате дерзкого *государственного переворота*, затем в результате спонтанного проявления слабости. Дважды народ восстанавливал его, подавая решительный пример поведению своих лидеров. Стоит отметить, что эта нация, новичок в политической жизни, рождение которой проявляется в мужестве и мудрости, отступала перед своими лидерами, когда они одерживали победу, поднимала их, когда они падали, являя попеременные свидетельства энергии и умеренности".

[168] Стр. 183.

[169] Поскольку событие произошло сравнительно недавно, мы сочли желательным скрыть два или три имени людей, которые, возможно, еще живы и чья связь с революцией не имеет значения.

[170] Это *было бы* трусостью.—Автор.

[171] Одна из его любовниц, которая была с ним.

[172] Консерваторы были свергнуты в 1875 году, и хотя в настоящее время номинально в штате три партии, вряд ли можно сказать, что это оппозиция. Когда автор был в Румынии осенью 1881 года, двумя лидерами либералов были Джон Братиано, президент Совета, и К.А. Розетти, у которого было более одного портфеля. Мы поговорим об этих государственных деятелях в дальнейшем. Либеральная партия в Палате депутатов насчитывает около ста двадцати человек; в то время как консерваторы во главе с М. Катарджи, Лабовари и Майореску и радикалы во главе с М. Вернеско и Николасом Ионеско насчитывают вместе всего около тридцати пяти членов. В Сенате из семидесяти шести членов только шестнадцать или восемнадцать находятся в оппозиции. Об этом не стоит сожалеть; такое неравенство длится недолго, и хотя, с одной стороны, критика ошибок или неправомерных действий государственных должностных лиц (и особенно в отношении младших должностных лиц, которых часто обвиняют в серьезных правонарушениях) в настоящее время ограничивается в основном прессой, с другой стороны, небольшой конституционный деспотизм крайне необходим не только для оперативного исправления таких злоупотреблений, но и для ускорения необходимых реформ и улучшения положения в стране. Это результат личного наблюдения и соприкосновения с официальной жизнью, а не просто умозрительное мнение.

[173] Критики ее поведения во время и сразу после окончания войны были более ожесточенными, чем в наши дни, обвиняя ее в наихудшем вероломстве и предсказывая, что она станет вассальным государством России. Смотрите, среди прочего, Ollier, *История русско-турецкой войны*, том i, стр. 537.

[174] Эти подробности взяты из работы Фон Виттингхаузена "Румыния с военной точки зрения" (Вена: книга Карла Герольда "Сон").

[175] Организация армии быстро развивалась со времен войны за полное освобождение, и, по оценкам, в 1884 году общие силы Румынии, регулярное ополчение и Ландштурм превысят 215 000 человек. Полную информацию можно найти у Фон Виттингхаузена, Обеденаре и в *Готском альманахе*, 1881, стр. 903, где подробно описано нынешнее состояние вооруженных сил.

[176] *Военная корреспонденция Daily News*, том i, стр. 73.

[177] Есть два памятника, один в Симнице, а другой в Систове, которые видны путешественнику, когда он проходит вверх или вниз по реке. Первый указывает на место, где русские поднялись на борт, в то время как последний представляет собой красивый памятник убитым.

[178] Эти операции графически описаны в интересной работе полковника Дж. Файф Куксон, *С армиями Балкан*, Касселл, 1880; в *"Военной корреспонденции Daily News"*, Макмиллан, 1878; и в *"Истории русско-турецкой войны"* Олье, Касселл.

[179] Согласно Col. Файф Куксон: Болгары во время этой войны были виновны в зверствах столь же глубоких, как и все, что ранее вызывало такое возмущение в Европе; но он также говорит (стр. 23): "В этой войне вооруженные болгары, сопротивлявшиеся туркам, рассматривались как мятежники и не получали пощады".

[180] *Военная переписка*, том i. стр. 131-132.

[181] *Военная переписка*, стр. 82.

[182] *Там же*. стр. 390.

[183] *Военная переписка*, том i. стр. 441-442. Кассель (Ollier), стр. 404-405, где дается план борьбы с Лофтчей.

[184] Неясно, что это было; вероятно, десятая и тридцатая дивизии, составлявшие четвертый корпус. Сравните *Военную корреспонденцию Daily News*, том i, стр. 443 и 444.

[185] *Военная переписка*, том i. стр. 482-483.

[186] *Там же*. стр. 444.

[187] *Ежедневная военная переписка*, том i. стр. 485.

[188] *Там же*. стр. 487.

[189] *Военная корреспонденция Daily News*, том i, стр. 491.

[190] *Там же*. стр. 495.

[191] *Там же*. стр. 496.

[192] *Корреспонденция Daily News*, том ii. стр. 153.

[193] Озанн, стр. 226.

[194] Первые три стиха посвящения в "*Румянском дихтоннике*", Кармен Сильва (псевдоним королевы), Лейпциг, В. Фридрих, 1881. Чтобы наши запинки не нанесли ущерба прославленной авторше, мы приводим оригинал для тех, кто знает немецкий:

'Du Rebenland, du grüner Wald,
Du Rhein mit deinem Schimmer:
Dein Glanz ist fern, dein Sang verhallt,
Ich bin entflohn für immer!

'Oft, oft schliess' ich die Augen zu,
Dann hör' ich's singen, rauschen,
Seh' Schiffe zieh'n in sonn'ger Ruh',
Den Wind die Segel bauschen.

'Dass ich die schönste Heimath hab'
In deutschen Gau'n besessen,
Das macht, dass ich sie bis zum Grab
Nun nimmer kann vergessen.'

[195] Когда были написаны вышеприведенные строки, мсье Розетти был министром внутренних дел, хотя с тех пор он ушел в отставку. Таким мы его и знали, и поэтому предпочитаем оставить наш рассказ о нем и его любезной леди таким, каким он был написан изначально.

[196] *Légendes démocratiques-дю-Нор*, мадам Росетти, п. 279 и сл.

[197] В Бухаресте есть ежедневные газеты для читателей любой национальности, проживающих там: *Romanal, Indépendance Roumaine, Bukarester Tagblatti* др., Все они вольны говорить все, что им заблагорассудится —и они это говорят!

[198] Дешеша от 1 февраля 1880 г.

[199] О лидерах интеллектуальной мысли и промышленности Румынии мы уже говорили в другом месте.

[200] По некоторым данным, их больше.

[201] Хотя мы старались, насколько это было возможно, не перегружать этот популярный трактат статистикой, один набор цифр, любезно предоставленный нам друзьями в Бухаресте и Лондоне, настолько значителен и действительно представляет такой общий интерес, что мы должны попросить прощения у читателя за то, что приводим его *in extenso*. Он включает в себя стоимость российских, турецких и румынских ценных бумаг с 1870 по 1880 год, которые являются следующими:—

	Русский. Шесть процентов.				Турецкий. Общий пятипроцентный. Долг.			Румынский. Oppenheim.	
1870	83-1/2	Для	94-1/2	45	Для	51	75	Для	98
1871	88	"	97	44-1/2	"	52-1/2	86	"	96-1/2
1872	95	"	100	46-1/2	"	55	91	"	104
1873	96	"	100-1/2	45	"	47	98	"	104
1874	97	"	103	45	"	46-1/2	98	"	108
1875	95	"	104-1/2	23	"	45	100	"	109
1876	74	"	100-1/2	11-1/2	"	23	74	"	106
1877*	71	"	93	6-1/2	"	11-1/2	58	"	91
1878*	74	"	91	8-1/2	"	12	87	"	105
1879	84	"	93	10-1/2	"	12	93	"	110
1880	85	"	96	10	"	12-1/2	102	"	112

А в 1881 году цены оппенгеймского займа колебались от 105 до 116. Из этих красноречивых цифр видно, что, в то время как Россия была неподвижна, а Турция упала на 75 процентов, состояние и безопасность Румынии выросли, грубо говоря, на 25 процентов, по оценке финансового мира, за последние десять лет. Два года, отмеченные звездочкой, были годами войны.

[202] Эта аннотация взята из французского перевода Конституции; фактическое деление страны выглядит следующим образом:—

Иудею - департамент или округ, главой которого является префект. Всего их в настоящее время тридцать два.

Пласа, подразделение *Иудеи*, главой которого является супрефект.

Коммуна, приход.

Урба, город.

Орадж, город.

[203] Цифры в круглых скобках относятся к статьям.

[204] Несколько старых семей сохранили свои титулы, но многие, у кого были бы для этого те же основания, прекратили их использование.